



Игорь Бурдонов

том 2:

«ДОИСТОРИЧЕСКОЕ»

Часть 2

осень 1969 ÷ осень 1971

ОСЕНЬ 1970 – ЛЕТО 1971 (22 года, 5 курс МГУ, Бакунинская ул.)	9
1. ЗАРИСОВКИ ПО ПАМЯТИ.....	10
2. Размышления на заданную тему.....	13
3. НОЧЬ И ДЕНЬ	17
4. Тезисы Чайного Клуба.....	20
5. Лида	25
6. Записка Букетову	31
7. Тетрадь в клетку	32
Тёплая деревенская изба.	32
Хронометраж.	32
8. стишки Тоска.....	33
9. стишки Старуха Смерть пришла ко мне	35
10. стишки И в диком смехе отрицанья.....	36
11. Тетрадь в клетку.....	37
Теорема о кубическом изоморфизме	37
12. стишки В движении ресниц, колёсами в рельсы.....	38
13. Я могу ходить по воде.....	39
14. Добро без худа	40
15. УИК-ЕНД.....	41
16. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА ПО ИМЕНИ ИОГАНН.....	42
17. Начало нового этапа	44
18. Иноходец на спектрогелиографе	45
19. Всё проходит	47
20. Людмила.....	48
21. ПЛОДЫ СИДЕНИЯ Бурдонова И.Б. и Щучкина Н.В. СОВМЕСТНО С ПИВОМ	49
22. стишки Лиля Трофимова. КАМЕНОТЁС	51
23. стишки НАДПИСИ с Лилей Трофимовой	52
24. ДВЕРЬ В СТЕНЕ.....	57
25. ПЛОДЫ СИДЕНИЯ Щучкина Н.В., Бурдонова И.Б. и Трофимовой Л.В. СОВМЕСТНО С ПИВОМ.....	58
26. Тексты 29-31 января 1971 года.....	64
1) ...Темнело. Ветра не было, но дверь скрипела	64
2) стишки ХОЧУ, НО НЕ БУДУ	65
3) стишки Козёл бородатый с осанкой осла	65
4) Столбик пепла	66
5) Рождённый ёрзать	66
6) 18 параграфов	66
7) стишки Ночь старухой глядит в два окна	67

27.	РЕЦИДИВ (попытка романа)	68
28.	стишки Из цикла «ДЕТСКИЕ ГОДА». Лирическое.....	79
29.	стишки Попурри из стихов и мыслей 1971 года (70?)	80
30.	стишки Далеко за полночь мысли дан карт-бланш.....	83
31.	Люди... Мужчины и женщины... ..	84
32.	СКАЗКА НИ О ЧЁМ.....	86
1)	<i>За ночь у меня выросли крылья</i>	86
2)	<i>Я – Мефистофель</i>	86
3)	<i>На восьмом этаже жилого дома по Садовому Кольцу</i>	87
33.	стишки БАЛЛАДА О ПРОСТОТЕ	88
34.	Мир устроен плохо.....	90
35.	Жизнь человека состоит из скачков	91
36.	Церковь. Утренняя	93
37.	К изначалу возвращение	94
38.	ОПЫТ САМООПРАВДАНИЯ.....	95
39.	Тексты 23-24 апреля 1971 года.....	99
1)	<i>...На Третей Планете начиналась ночь</i>	99
2)	<i>...Через отрицание к утверждению</i>	99
3)	<i>...Ибо я влюблён!</i>	99
40.	Тетрадь в клетку	101
	Блеск и нищета Бурдонова.....	101
41.	Человек играет на фортепьяно.....	102
42.	стишки А над миром гремели рассветы	103
43.	Третья точка.....	104
44.	Тетрадь в клетку	105
	Книга о «Сентябре»	105
45.	МОЁ САМОЕ ГЕНИАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ	106
46.	Тетрадь в клетку	108
	Кадрия мучается	108
	Боюсь писать	108
	К концу экзаменов	109
	Проекция	109
	«Знание – Сила».....	109
	Фрейд о защитных механизмах	110
	Теория автоматов	110
47.	ПЛОДЫ СИДЕНИЯ Щучкина Н.В. и Бурдонова И.Б. СОВМЕСТНО БЕЗ ПИВА	111
48.	Тетрадь в клетку	117
	Я и Гусев в гостях.....	117
49.	ПЛОДЫ СИДЕНИЯ Щучкина Н.В. и Бурдонова И.Б. СОВМЕСТНО С ВИНОМ, НО ПОСЛЕ ОБЕДА	120
50.	Уже почти полгода жил Андрей	132

51.	О том, как некоторые остаповцы встретились вдруг с Андреем	
	135	
52.	Плоды нового сидения Игоря Бурдонова и меня совместно с	
	вином, законспирированного под чай.....	141
53.	стишки Дурацкие стишки во время какого-то совместного	
	сидения	144
54.	О снах.....	146
55.	Я сидел за письменным столом	148
56.	ДВЕ ПРИТЧИ.....	151
57.	ТАБОЛОВО-71.....	152
	Таболово 1. – Ну и что? – сказал я и закурил сигарету.....	156
	Таболово 2. Я плыву на лодке по затопленному кладбищу. ..	156
	Таболово 3. Тихо. Горит лампочка в оранжевом абажуре. ...	157
	Таболово 4. Н-да... Что-то меня клонит ко сну.	157
	Таболово 5. Утро. Эби Роуд. Солнце за окном.....	158
	Таболово 6. ОДИН ГОД СПУСТЯ... ..	158
	Таболово 7. Мысль: Надо бы переписать заново	158
	Таболово 8. Уяснение: Чем хорош Андрей?.....	158
	Таболово 9. Мысль: Недостаток «Сна» в попытке	159
	Таболово 10. СОН	159
	Таболово 11. Переписал «Сон». Вроде бы и лучше вышло.....	164
	Таболово 12. По просёлочной дороге среди колыхания трав	165
	Таболово 13. Когда пробило полночь, человек сидел.....	166
	Таболово 14. Какие чудесные краски на горизонте!.....	167
	Таболово 15. Мне приснился сон. Детектив. В цвете.	167
	Таболово 16. Ничего так сон. Алогичность полная.	169
	Таболово 17. Куда идти? Надо бы написать что-нибудь.....	170
	Таболово 18. Ну, в общем ладно. Устал я.....	174
	Таболово 19. Дик Френсис. «Фаворит».....	175
	Таболово 20. 23 часа 15 июля тире 3 часа 16 июля.	175
	Таболово 21. ПОПЫТКА К ВОЗВРАЩЕНИЮ	176
	Таболово 22. Я прервал написание «Попытки»	183
	Таболово 23. Всё-таки не могу писать.....	184
	Таболово 24. Из серии «Маленькие притчи»	184
	Таболово 25. Кадрия вчера приехала. В 23 часа 30 минут.	185
	Таболово 26. 19 часов 30 минут. Были в лесу.....	185
	Таболово 27. Час назад уехали тётя Наташа и дядя Андрей	185
	Таболово 28. Кроме того, надо ведь доставить моим	186
	Таболово 29. Это прекрасная мысль! Надо бы как-нибудь	188
	Таболово 30. – Неужели вы никогда не испытывали страха	188
	Таболово 31. – Да на вас лица нет!.....	188
	Таболово 32. – Неужели вам всё безразлично?	189

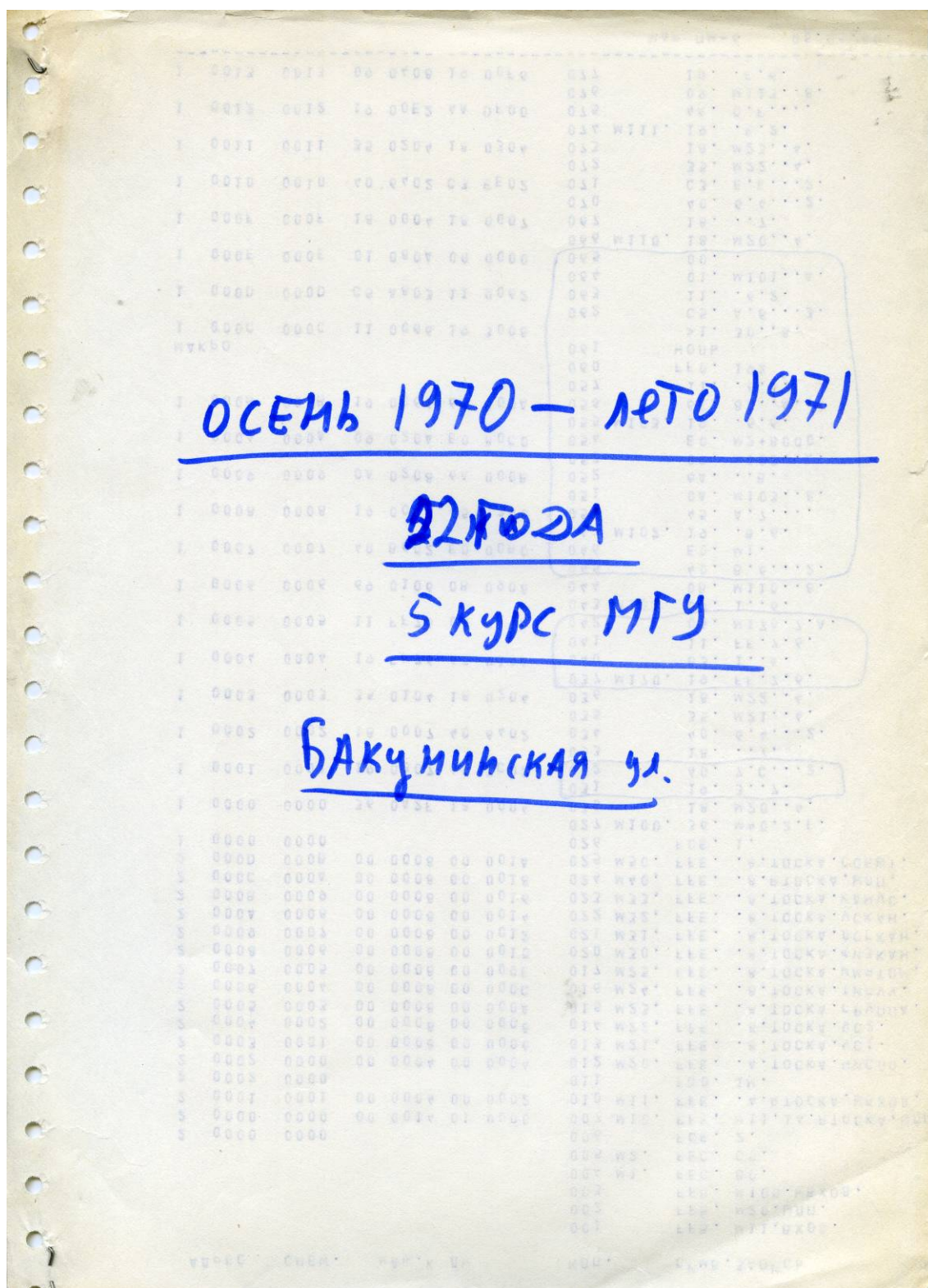
Таболово 33.	– И вам не надоело это дело?	189
Таболово 34.	– Жизнь – игра!.....	189
Таболово 35.	– Вам никогда не хотелось начать жизнь	189
Таболово 36.	Прослушал новости «БИ-БИ-СИ».	190
Таболово 37.	– Войдите в моё положение.	190
Таболово 38.	Сказано ж было – спать. А может быть	191
Таболово 39.	из серии «Маленькие хитрости»: – Чего-с?.....	191
Таболово 40.	Вот где дурость-то!	191
Таболово 41.	Утро. Светло. Прохладно. Спокойно. Чинно.....	192
Таболово 42.	стишки Ветер завихряется в листве деревьев. 192	
Таболово 43.	Ну и ну! Чего это такое я написал?.....	192
Таболово 44.	– Господин посол! Я слышал, что ваша страна	193
Таболово 45.	Отрывок из сна, который приснился мне	193
Таболово 46.	из серии «Маленькие хитрости»: – Да есть ли ...	193
Таболово 47.	из серии «Маленькие хитрости»: – Не мешало	193
Таболово 48.	Господи! Если ты есть – останови маляра!	194
Таболово 49.	В четыре часа я решил совершить	194
Таболово 50.	Идёт дождь. Губу почему-то раздуло.....	195
Таболово 51.	Итак, писатель, который описывает своё.....	196
Таболово 52.	Я занимаюсь тем, что усердно.....	196
Таболово 53.	Не мешало бы написать небольшое эссе.....	198
Таболово 54.	Продолжаю вести прицельный огонь	198
Таболово 55.	Бам! Бам! Бам-бам-бам! Бумс! Это музыка	198
Таболово 56.	Будни, заполненные заботами и скукой.....	199
Таболово 57.	Я кончил предыдущий отрывок, потому что ..	200
Таболово 58.	ОПЫТ САМОКРИТИКИ	201
Таболово 59.	Боже мой! Что за чушь я написал?!.....	203
Таболово 60.	Неужели я так и не напишу.....	203
Таболово 61.	23 часа 30 минут. Сейчас я лягу спать.....	204
Таболово 62.	10 часов 51 минута. 11 часов 6 минут.	204
Таболово 63.	Он шёл по дороге. Дождь и ветер.	204
Таболово 64.	Он шёл по дороге. Между небом и землёй.....	204
Таболово 65.	«ОЛЯ! (А также Коля – если он приехал).	205
Таболово 66.	Надоели, однако, мне эти	205
Таболово 67.	Разговор в самолёте.....	205
Таболово 68.	Неплохой диалог, по-моему.	207
Таболово 69.	Сходил в террасу и устроил.....	208
Таболово 70.	стишки В чёрном окне – Чёрная ночь.	208
Таболово 71.	18 часов 52 минуты. Голова у меня	208
Таболово 72.	8 часов 45 минут. Проснулся я – семи не было .	209
Таболово 73.	Сегодня ночью мне приснился сон (1).....	211

Таболово 74.	<i>Сегодня ночью мне приснился сон (2)</i>	212
Таболово 75.	<i>Сегодня ночью мне приснился сон (3)</i>	212
Таболово 76.	<i>Сегодня ночью мне приснился сон (4)</i>	213
Таболово 77.	<i>Сегодня ночью мне приснился сон (5)</i>	213
Таболово 78.	<i>Итак, семь вариантов одного абзаца</i>	213
Таболово 79.	<i>Перехожу ещё раз на страницу</i>	214
Таболово 80.	<i>свою независимость, своё «я».</i>	214
58.	Таболовские микроэтюды	216
1.	Муки творчества	216
2.	Соавторы	217
3.	Фраза	217
4.	Столб	218
5.	День	218
6.	Натуралистический этюд	219
7.	Столовое серебро	220
8.	Понимание	220
9.	Молчание	220
10.	Грань	221
11.	Этюд просто так	222
12.	Второй этюд просто так: Английская замочная скважина 222	
59.	Тексты в августе 1971 года	223
1)	<i>Сегодня я болен.</i>	223
2)	<i>стишки Из «Таболово-71»</i>	226
3)	<i>стишки СВОБОДНЫЕ ТЕЧЕНИЯ</i>	227
4)	<i>Не стучите в барабан, господа!</i>	229
5)	<i>стишки В ПРЕДДВЕРИИ</i>	230
6)	<i>Состояние такое, как будто</i>	232
60.	Тексты 28 сентября 1971 года	234
1.	ДЕНЬ ПЕРВЫЙ — ДЕНЬ ИНТУИТИВНОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ 234	
2.	О ВЛИЯНИИ ЧАЯ НА СТРУКТУРУ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА	234
3.	ТЕОРИЯ ОДЕРЖАНИЯ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ БОКОНОНА	235
4.	К ВОПРОСУ О ПРИСТРАСТИИ БОКОНОНА К ЧАЮ И ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО НАПИТКА В ОРГАНИЗАЦИИ ВИН-ДИТОВ	235
5.	ПОЧЕМУ БОКОНИСТСКОЕ «ДЕЛА, ДЕЛА...» В СЛУЧАЕ ОПИСАНИЯ СМЕРТИ МОДИФИЦИРУЕТСЯ КАК «ТАКИЕ ДЕЛА»?. 235	
6.	БОКОНИСТСКОЕ УЧЕНИЕ О ВРЕМЕНИ ИЗЛОЖЕНО В «БОЙНЕ №5».	235
7.	СВЯЗЬ ТЕОРИИ РАЦИОНАЛИЗМА И УЧЕНИЯ БОКОНОНА ... 235	
8.	САМ СЕБЯ КОНСТРУИРУЮЩИЙ ПУТЬ	235
9.	Литература:	235

10.	НАША ИДЕОЛОГИЯ базируется на трёх китах:	236
11.	« ТИХО, ТИХО ПОЛЗИ, УЛИТКА,	236
12.	Высшая инстанция дела нашего – ЦЕНТР.	237
61.	ПИСЬМА КАДРИЕ и ОБРАТНО	240
1)	<i>Кадрия – Игорю. 24.08.71.</i>	240
2)	<i>Игорь – Кадрие. 28.08.71.</i>	242
3)	<i>стишки Игорь – Кадрие. 29.08.71.</i>	249
4)	<i>Игорь – Кадрие. 02.09.71.</i>	251
5)	<i>Кадрия – Игорю. 07.09.71.</i>	255
6)	<i>Кадрия – Игорю. 09.09.71.</i>	257

ОСЕНЬ 1970 – ЛЕТО 1971

(22 года, 5 курс МГУ, Бакунинская ул.)



1. ЗАРИСОВКИ ПО ПАМЯТИ

...Простор и тишина. Небо – удивительно большое небо, ограниченное только горизонтом... Поля, пологие холмы, леса и перелески, дорога, уходящая вдаль – всё как будто нарисовано акварелью, неподвижно, отчётливо и нереально... Очень приятно идти по земле, ноги ступают мягко и твёрдо, почва слегка пружинит. Мысли сами собой обращаются к тем первобытным временам, когда люди ходили прямо по земле и их ноги не отделяли от почвы асфальт улиц и подошвы ботинок... Воздух вливается в грудь, пьянит. Хочется закрыть глаза и идти, идти, идти...

Обычное настроение горожанина, оказавшегося на просёлочной дороге среди полей под открытым небом. Подхожу к деревне. Избы, окружённые садами... куры, бычок на привязи и другая домашняя живность... скрип калитки... вёдра на крыльце, полные воды – в ней отражаются кусочки неба, куст сирени... Опускаю чемодан, разгибаю уставшие пальцы.

.....

...День прошёл незаметно... Это лето будет отличаться от всех прошлых – это я решил точно. Хватит вариться в собственном: соку, надо заводить знакомства. Если хочешь писать о людях, надо изучать их. Если хочешь писать – надо знать себя. Надо поставить себя в окружение людей и посмотреть что получится. К чёрту робость! Она испортит всё дело, надо избавляться от этого чувства. Пора исправлять ошибки, допущенные природой. Надо заново сделать себя. Сделай себя! – таков мой лозунг.

Начать проще всего с девочек. Это легче и приятнее. Для того чтобы иметь дело с ребятами, надо быть больше уверенным в себе. Эта уверенность придёт, но не сразу... А приятнее потому, что половое влечение даёт себя знать. Его нельзя сбрасывать со счетов, оно неуправляемо. Это и понятно – сильнейшее и древнейшее, из чувств человека вместе с инстинктом самосохранения служит сохранению и продолжению рода. Может быть это слишком просто, просто до цинизма, но так оно и есть. В конце концов, всё, что ни делает и ни чувствует человек в основе своей, в своём происхождении сводится к чему-то очень простому и элементарному! Такова жизнь... Просто мы не любим признаваться себе в этом.

...Встретил Юру. Он несколько не изменился, только голос слегка огрубел, да щетина на подбородке. Болтали о пустяках. Оказалось, что в деревне этим летом никого нет. Скука! Случайно

речь зашла о «художниках». Кажется, заговорил первым Юрка. Я поддержал разговор и, наконец, прямо поинтересовался насчёт девочек. К моему удовлетворению это было воспринято вполне естественно, и я получил достаточно полную информацию: три девочки требуемых возрастов – две Наташи и Алла, пока не занятые. Как я понял, конкуренции не предвидится – для первого раза это было очень кстати. Договорились на следующий день, вечером поехать к «художникам» вместе на велосипеде. Всё о'кэй!

.....

...Грязный пруд. Какой-то паренёк ловит рыбу. Я и Юрка стоим на берегу, рядом лежит велосипед. Невдалеке стоят три девушки. Ужасно глупая ситуация. Какого дьявола я здесь торчю? Впрочем, начало всегда глупо. Осторожно оглядываю девочек, оцениваю взглядом. Выбор невелик, да что делать. Все они кажутся взрослыми и недоступными. Почему-то первое впечатление от человека всегда сильно отличается от последующего. Сейчас я пытаюсь поставить Наташу, ту Наташу, которую я знаю теперь, на место невысокой девушки в белой футболке и телогрейке. Ничего не получается.

Быстро темнеет... Девушки куда-то уходят. Подождав приличное время, мы идём следом... Уже совсем темно. Юрка куда-то смылся, я иду не то по улице, не то по тропинке, не то по дороге... Навстречу быстро идёт одна из тех девушек. Кажется, она производила на меня несколько большее впечатление, чем остальные. Впрочем, не на много... Она прошла мимо. Я пошёл дальше... А вот и две другие девочки. Они о чём-то говорят. Подхожу ближе. «А где Алла?» – спрашивает одна из них у другой. Я понимаю, что речь идёт о той, что пробежала мимо меня. «Она пошла в ту сторону», – отвечаю я. Девушки хотят идти туда, куда я показал. Сбравшись с духом, просто спрашиваю: «А вас как зовут, девочки?» Молниеносно и безо всяких затруднений происходит знакомство.

Начало, кажется, не плохое. Вместе мы идём обратно. Заходим в сторожку. Все сидят, болтают глупости. Я сел рядом с Наташей. Сел близко – это уж не составляет большого труда. Она говорит что-то, я слушаю с умным видом. Всё-таки хорошо, что мне без труда удаётся сосредоточенное выражение лица. Впрочем, я действительно внимательно слушаю. Ничего другого не остаётся делать.

Кто-то просит закурить. «Не курю!» – отвечаю по привычке. У Наташи это вызывает бурю восторгов. Да, неумение курить тоже имеет свои положительные стороны. А впрочем, курить-то я теперь

умею. Научился в доме отдыха. Была там такая Татьяна... Но это уже другая история...

Наташа что-то рассказывает мне, какие-то глупости. Я слушаю со вниманием, тут же всё забывая... Девушки встают, выходят на свежий воздух. Подождав некоторое время, выхожу и я. И вдруг совершенно неожиданно. «Игорь, хочешь, я покажу тебе наш посёлок?» – это говорит Наташа. «Ну и ну! – мелькнуло в голове. – Кто же с кем знакомится?» С готовностью иду вслед за Наташей.

2. Размышления на заданную тему

Дневник, написанный в один день

Этот дневник я пишу для себя. Я просто хочу упорядочить свои мысли, записать их на бумаге, чтобы потом, спустя годы, я смог бы, перелистав эти страницы, восстановить в памяти события этих дней, свои мысли и чувства, вспомнить самого себя...

Я допускаю, что в некоторых местах эти записки будут непонятны постороннему человеку. Я не собираюсь описывать все события, и описывать их последовательно, часто для меня будет достаточно одной фразы, одного намёка, чтобы в памяти вставали целые сцены, долгие разговоры... Впрочем, мне нет дела до других – я пишу для себя.

Разумеется, я надеюсь, что смогу извлечь из этих записок что-нибудь полезное для своей литературной деятельности, но я не ставлю себе такой цели. Поэтому я мало внимания обращаю на стиль и слог. Хотя, с другой стороны, я смотрю на работу над этим дневником как на тренировку: писать нужно каждый день, и если не каждый день это будут рассказы, то пусть хотя бы свободные размышления на разные темы, описания событий, людей...

Поводом к созданию этого дневника послужили аналогичные «мемуары» Наташи. Кто такая Наташа? Я не собираюсь разъяснять, я знаю, о чём идет речь, и этого с меня довольно... Мой дневник – это звонкая монета, за которую я собираюсь выкупить эти «мемуары». Обмен «дашь на дашь». Впрочем, это только повод и, если угодно, стимул к работе. В каждом деле должен быть свой стимул чисто практического характера: деньги, слава, удовлетворение потребности и т.д. Так уж устроен человек. И это не слишком плохо, если кроме этого есть что-то ещё, более важное...

Это началось год назад, может быть немного больше, может быть немного меньше. Сейчас трудно сказать, с чего всё началось, с какого события, с какой мысли, неожиданно пришедшей в голову, с какого разговора... Да и было ли такое начало? «Революции не начинаются в один день». Во мне произошла революция...

Моя жизнь развивалась спокойно и равномерно, не было ни катастрофических падений, ни резких взлётов, ни разочарований, ни неожиданных откровений... Медленно, но верно я поднимался к своей давно намеченной цели... С четвёртого класса решил как

следует заняться учёбой – удалось, я стал учиться на «четыре» и «пять». В пятом классе меня привлекла арифметика – я занимался по этому предмету лучше всех в классе. Седьмой и восьмой классы – математические олимпиады. Выше районной не поднимался, но меня это не расстраивало. Девятый класс – поступил в математическую школу. Прошёл собеседование безо всяких трудностей. В школе математика давалась легко, занимался в математических кружках, слушал дополнительные лекции по математике во дворце пионеров, занимался на подготовительных курсах по математике и физике для поступающих в МГУ, участвовал снова в олимпиадах, на этот раз гораздо успешнее... Окончил школу с отличными оценками по математике, физике, химии... Поступал в МГУ на механико-математический факультет – прошёл с 14 баллами из 15. В университете заниматься оказалось не так уж трудно, сессии сдавал на «хорошо» и «отлично», дальше всё было предельно ясно – серьёзные занятия математикой, блистательные курсовые работы, аспирантура, кандидат физико-математических наук, доктор физико-математических наук, решение нерешённых задач, закрытие многолетних проблем, создание новых теорий, математические конгрессы, десятки печатных трудов, собственные монографии, известный учёный, академик, далеко продвинул вперёд науку, «память о нём навечно останется в наших сердцах», «человечество по достоинству оценит его огромный вклад в науку», у гранитного памятника венок с надписью «от Академии Наук СССР, Парижской Академии, Королевского научного общества Великобритании, от коллег и друзей»...

Рассчитано было всё – вплоть до самой смерти. Человеку, который запланировал свою жизнь от начала и до конца, жить-то уже и незачем. Не помню, когда мне пришла в голову эта шальная мысль. А не развернуться ли мне на 180 градусов? А не разрушить ли это прекрасное здание, чтобы было лучше видно, что делается вокруг? А не пройтись ли на руках во время официальной церемонии? А не ударить ли жизнь «прямым слева» в ответ на ласки и благосклонность? Не слишком ли всё гладко и кругло? «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал!»

Я строил карточный домик, и мне пришлось отгородиться от всего мира высоким и крепким забором, чтобы дуновение ветра не разрушило мои планы.

Я хотел гармонии и единства, меня смущали противоречия. Но жизнь полна противоречий, жизнь – это и есть противоречие! Лучший способ избежать противоречий и ошибок – ничего не делать...

Я хотел быть умным – ум часто оборачивается глупостью.

Я хотел знать правду. А нужно ли знать правду? Не лучше ль «нас возвышающий обман»?

Я хотел познать истину, но истина – в оттенке!

Я хотел быть добрым. Доброта есть обратная сторона Зла.

Я хотел быть скромным. Скромность – добродетель слабых.

Я хотел подняться вверх. Для этого надо спуститься вниз.

Я хотел счастья. Счастье не существует без страданий.

Я хотел не зря прожить жизнь. Но для этого нужно жить!

Я хотел Любви. Её нужно искать.

Для того чтобы быть сентиментальным, нужно обладать известной долей цинизма. Хватит восторженных речей – вернёмся к делу!

В моей жизни была и вторая линия, никак не связанная с первой. Эта линия вела меня к литературе. Шестой класс, весна... В литературный кружок Дома Пионеров я приношу стихи. Жаль, что они не сохранились, – это было очень наивно, очень смешно, очень глупо... и очень плохо. Я хотел бы прочитать их снова: если вещь никуда не годиться, она становится очень близкой и дорогой.

Потом, кажется; были столь же плохие статьи. Кружок Дома Пионеров был вовсе и не кружком – это была редакция, редакция журнала «Сентябрь». Кажется, его так называли потому, что не было предложено лучшего названия. Медленно я включался в работу редакции. Первый год я вообще не принимал в ней никакого участия. Девятый класс – я главный редактор журнала. Выпускаем второй номер. Это был самый плохой номер из всех трёх. Третий номер – самый большой и красочный, в нём много выдумки. Первый номер – самый лучший.

Непонятная сила влекла меня в небольшую комнату с огромным окном, выходящим в переулок. Там мне всегда было интересно, даже если я там был один. Я приходил первым, уходил последним. Невыразимое удовольствие доставляло мне перебирать кипы бумаг; рукописи, документы, фотографии, гранки, вёрстка; готовые, бережно хранимые страницы будущего номера, планы, программы, какие-то расчёты, эскизы, рисунки... Всё это знакомо, тысячи раз проходило через твои руки; рукописи выучены наизусть; фотографии надолго запечатлены в памяти; непонятные фразы черновых планов наполнены смыслом, за ними споры и обсуждения...

Люди... некоторые были старше меня, большинство – моложе, У нас общее дело и общие интересы. Небольшая группа, не больше десяти человек, проделывала всю работу. Остальные приходили и уходили. Страшная текучка... Впрочем, это, видимо, неизбежно. Главное, что были эти десятеро...

Азарт работы... игра мысли в разговоре... споры ни о чём... обсуждение нового рассказа, неумелое, то робкое, то категоричное... головы, склонённые над грудой фотографий... анекдоты в тесном кругу, смех... советы руководителя, точные и необязательные, как будто я даю их сам себе... все с любопытством смотрят на новичка, вводят в курс дела (как приятно чувствовать власть!)... мечты, планы, прожекты... трудно разогнуть спину, руки работают быстро и точно: линейка, карандаш, ножницы, клей, линейка, карандаш... огромный треугольник герба навис над столом: корабль в открытом море, парус – символ мечты... в комнате много людей, читают устав: всё страшно официально. Интересно играть в жизнь, а может быть это уже жизнь...

Фантастика нравилась мне всегда. Однажды я попробовал сам написать фантастический рассказ. Получилось плохо, но ведь получилось?! С этого момента я стал писать.

3. НОЧЬ И ДЕНЬ

Воспоминания – это грёзы о прошлом... Ты закрываешь глаза и погружаешься в минувшее, словно в сон. Оно принимает тебя к себе, проводит по закоулкам памяти и оставляет наедине с собой, ибо воспоминания это часть тебя, это и есть ты... Это целый мир... волнующий как прикосновение нежных рук... интимный как неровный свет одинокой свечи... печальный как прощальный взгляд... далёкий и близкий... тень прошедшего.

По сомкнутым векам скользят видения то медленно, то стремительно и неуловимо как падающие звёзды, сплетаются в диковинные узоры, вспыхивают и гаснут на небосводе сознания, маняще мерцают за туманом забытья... Тебя закружило в вихре воспоминаний, легко и невесомо мчишься ты над Землёй и Временем. Одно движение души – и ажурная цепь ассоциаций пронесла тебя в прошлое, и ты увидел... небо...

...Небо... необыкновенно большое синее небо. Каждый день ты видел небо, но никогда не думал, что оно может быть таким огромным, ограниченным только далёкой цепочкой горизонта... Великолепное золотое солнце! По гибким и тонким лучам его широкими волнами спускается на землю ликующая тишина... Первозданная небесная тишина!...

Перед глазами чудесная акварель... Радостные краски близкой рощи, широкие мазки полей, тонкая дрожащая линия леса, просёлочная дорога, традиционные деревенские домики впереди... Всё это неподвижно, отчётливо, нереально...

Только горожанин, выскользнувший из суетливого и стремительного ритма городской жизни и оказавшийся вдруг один на один с природой, может испытать это первое чувство от встречи с нею... чувство, в котором смешались радость и удивление, грусть и восхищение...

Ты идёшь по дороге, почва пружинит у тебя под ногами, идти легко и приятно. Сворачиваешь на тропинку, ведущую к первому дому, поднимаешься на крыльцо, опускаешь чемодан и разгибаешь уставшие пальцы. Ты дома...

На следующий день, когда солнце садится за холмами, ты трясёшься на багажнике велосипеда. Ты и твой деревенский приятель со странным прозвищем Комар направляетесь к дачному посёлку.

Комар говорит, там есть девочки. А в деревне этим летом пусто и скучно...

И вовсе он тебе не приятель, этот Комар, а просто... просто так... ни то, ни сё... И как это глупо ехать «по девочкам». Даже не то чтобы глупо, а как-то обыденно, откровенно, просто...

Но ведь хочется лунных ночей, запахов трав, поцелуев! Хочется ласки и хочется ласкать. Хочется вдыхать бархатный воздух ночи, хочется глядеть, как опадают нежные лепестки звёзд, хочется слушать чарующую музыку тишины... Хочется робких рук, жадных глаз, неумелых губ...

Собрались в сторожке: шестеро ребят и три девчонки. Парни, курят... две девчонки о чём-то шепчутся... болтают о пустяках. В маленьком окошке темнота. В сторожке тоже темно, только огоньки сигарет плавают в воздухе. Травят анекдоты... с бородой.

Но ведь это глупо, говорит разум. Для чего они все собрались? Право, есть лучшие способы убить время. Это только начало, возражаешь ты, первые минуты знакомства. До сих пор ты

Воспоминания – это грёзы о прошлом... Ты закрываешь глаза и погружаешься в минувшее, словно в сон. Оно принимает тебя в свой мир, проводит по закоулкам памяти и оставляет наедине с собой, ибо воспоминания это часть тебя самого... По сомкнутым векам скользят видения то медленно, то стремительно и неуловимо как падающие звёзды... сплетаются в диковинные узоры, вспыхивают и гаснут на небосводе сознания, маняще мерцают за туманом времени...

Это целый мир... печальный как прощальный взгляд... волнующий как прикосновение нежных рук... интимный как неровный свет одинокой свечи... далёкий и близкий... тень прошедшего.

Широкими сильными взмахами белые крылья мечты несут тебя легко и невесомо над Землёй и Временем. Как хорошо, что память твоя несовершенна, как хорошо, что ты не помнишь всего, что было, как хорошо, что минувшее скрыто за дымкой забвения! Ведь ты можешь заново жить в воспоминаниях, ты можешь мечтать о прошлом. Что с того, что действительность была не такой, какой ты видишь её сейчас, оглядываясь назад? Что тебе до нее, когда у тебя есть свой мир, мир мечты?..

...С бледнеющего неба на землю опускается предутренний холод... бархатный воздух ночи стал сырым и недобрым... интимная темнота, окружавшая вас, разрушена равнодушным, бесстыдным

светом дня... увяли чарующие бутоны звёзд... Великое таинство ночи умерло, чудесная мелодия смолкла в твоей душе, ты боишься пошевелиться, чтобы не расплескать маленький бокал своего тепла. Но это бесполезно – в бокале лёд...

На твоей щеке холодное дыхание той, что была твоей спутницей этой ночью. В твоих руках десять маленьких ледышек. В

грусть и восхищение...

Ты идёшь по дороге, почва пружинит у тебя под ногами, идти легко и приятно. Сворачиваешь на тропинку, ведущую к первому дому, поднимаешься на крыльцо, опускаешь чемодан и разгибаешь уставшие пальцы. Ты дома...

.....
...Дорога раздваивается в тридцати метрах от первого дома. Если идти прямо, пройдёшь через всю деревню. Это главная улица, с глубокой колеёй, с непролазной грязью после дождя... Дома обращены к ней своим фасадом

грусть и восхищение...

Ты идёшь по дороге, почва пружинит у тебя под ногами, идти легко и приятно. Сворачиваешь на тропинку, ведущую к первому дому, поднимаешься на крыльцо, опускаешь чемодан и разгибаешь уставшие пальцы. Ты дома...

...В пятидесяти метрах от дома – развилка двух дорог. Первая дорога проходит прямо посередине деревни, разделяя её на две части. Это главная улица, с глубокой колеёй, с непролазной грязью после дождя.

Вторая дорога совершенно особенная. Она сворачивает направо, поднимается круто вверх на холм, там ещё один поворот так, что дальше дорога идёт параллельно главной улице деревни, постепенно снижаясь. Холм, на который поднимается вначале эта дорога, невысокий, но довольно длинный. Вдоль одного его склона, самого пологого, протянулся ряд домиков деревни, выше них расположены огороды и сады, а уже по другому склону проходит дорога.

Поэтому, когда идёшь по дороге, слева видны лишь крыши домов или даже только мачты антенн.

4. Тезисы Чайного Клуба

70 г.

Тезис 1. ЭТУ КНИГУ следует рассматривать как извинение учредителей ЧК за создание Клуба с изложением причин, замыслов, надежд и различного рода соображений, приведших к возникновению Чайного Клуба именно в той форме, в какой он существует, а не в какой-либо иной. Одновременно в этой книге излагаются взгляды на будущее Клуба, размышления о конечной цели и сверхзадаче организации. Эта книга является введением в метафизику Чайного Клуба, то есть объяснением чайной философии с позиций здравого смысла.

Тезис 2. МЫ ЖИВЁМ в мире, основным свойством которого является в наше время всё более возрастающая неустойчивость. XX век прокатился по планете волнами революций: научно-технических, социальных, революций в искусстве, в быту, в психологии и мышлении людей... Прогресс неторопливо и размеренно полз по хребту истории и вдруг, на пороге нашего столетия, что-то случилось, в слаженном механизме развития, соскочила какая-то маленькая пружинка, стремительно развернулась и чудовищным взрывом выбросила человечество на новый, невероятно далёкий от всего прошлого рубеж. В чисто материальном отношении наша эпоха дала человеку не так уж много, но она привела к такой трансформации взглядов и убеждений, обрушила на человека такой калейдоскоп событий, что его реакция свелась, в конечном счете, к простейшей – современный человек уже более ничему не удивляется. Твёрдый фундамент абсолютных истин и очевидных утверждений выбит из-под наших ног, мы оказались в самом центре трясины относительности. Человечество переживает кризис критериев, и человеку остаётся лишь балансировать под куполом мира на непрочной нити субъективизма. Стремительный ритм жизни до предела сжал пружину времени – настоящее исчезло, будущее смешалось с прошлым...

- Тезис 3. ЧЕЛОВЕК ХВАТАЕТСЯ за соломинку. В бурлящем водовороте жизни он ищет хоть какую-нибудь точку опоры, хотя бы что-нибудь более или менее прочное и надёжное. Ему нужен островок устойчивости. Только оказавшись на таком островке, он может попытаться сориентироваться и оценить происходящие события и своё место на нашей планете. Но где искать эти кусочки твёрдой земли?
- Тезис 4. ТОЛЬКО В СЕБЕ САМОМ. XX-ое столетие подорвало нашу веру во всеобщие и вечные истины. Мир стал Призрачным, его контуры растворились и исчезли – это результат слишком быстрого движения. Но для себя самого каждый отдельный человек существует как нечто конечное, не подлежащее сомнению, как некая реальность. Эта реальность может быть непознаваема разумом, противоречива и подвержена колебаниям, но всегда остаётся нечто неизменное, нечто главное, запрятанное глубоко в подсознании, поддающееся лишь ощущениям, что и определяет природу личности данного человека, его изначальную сущность. И человек, понявший рассудком хотя бы часть этой эфемерной и в то же время предельно реальной сущности, обретает в себе самом точку опоры. Это человек, который знает, чего он хочет.
- Тезис 5. ТРУДНО УЗНАТЬ самого себя. Трудно понять, что тебе нужно. Но представим себе человека, который ценой невероятных усилий достиг этой цели: он знает, чего он хочет. Что дальше? Ничего. Этому человеку больше нечего делать на земле – он достиг предела. Он отыскал запретный ключ к этому миру, шкатулка открылась – и человеку остаётся только перебирать меж пальцев несметные сокровища, которые хороши лишь издали. Понять самого себя – значит понять весь мир. Значит перешагнуть через самого себя, но ведь дальше, после тебя самого только одно – пустота. Для человека нет ничего, кроме его самого, кроме его самого как части и центра мира.
- Тезис 6. ЦЕЛЬ БЕССМЫСЛЕННА, но бессмысленно ли движение к этой цели? Конечный итог нашей жизни – смерть, но разве мы живём для того чтобы умереть? Жизнь человека – это движение к самому себе, смысл нашего существования в этом движении, но отнюдь не в конечном итоге.
- Тезис 7. ВСЁ В НАШЕЙ ЖИЗНИ наполняется особым смыслом, обретает значение ступенек, ведущих к познанию себя.

Человек слушает музыку, провожает закатное солнце, до изнеможения погружается в работу, беседует с умным собеседником, прислушивается к шелесту своих мышц во время бега... Всё это нужно, чтобы понять себя. Почему мне нравится эта музыка? В закате есть что-то близкое моему духу... Когда я работаю, мой мозг и мои руки творят такие вещи, что наводят на мысль... Пожалуй, в нашем разговоре он был прав... Мы подчас забываем, что состоим не из идей и ощущений, а из костей и мускулов... Жизнь человека – это постоянный диалог с окружающим его миром, с его отражением в этом мире.

Тезис 8. **ЖИЗНЬ – ЭТО ДИАЛОГ.** И как нужен человеку хороший собеседник! По-существу речь идёт о диалоге с самим собой – но с самим собой посредством других. Человеку нужно общество – даже, если это будет общество одиноко горящей свечки...

Тезис 9. **НЕТОРОПЛИВЫЙ РАЗГОВОР...** Человек – и всё остальное... Два человека в тишине говорили тихо...

Тезис 10. **НО МИР МЧИТСЯ** дальше. Сутолока дней, нервный пульс планеты, новые лица, новые мысли, новые события... Вчера, сегодня, завтра... Какой сегодня день?.. Мир – это взбесившийся трамвай. Остановите – я сойду.

Тезис 11. **ОСТАНОВИТЬ МГНОВЕНИЕ.** Извечная мечта человека. Но не потому, что оно прекрасно, и не для того, чтобы насладиться им. А потому, что оно такое же, как все, и для того, чтобы рассмотреть его и размышлять в покое... Неторопливый разговор... Человек – и мгновение... Вырвать настоящее из тисков прошлого и будущего, смахнуть паутину будней, положить на стол... Вот оно лежит – маленькая запутанная деталька... Два человека в тишине говорили тихо... Они оба сошли на остановке трамвая, так получилось. Почему бы им не сесть за один стол, почему бы им не выпить по чашечке хорошего чая, почему бы им не обменяться мыслями ... Если они понимают друг друга...

Тезис 12. **МОЖНО И ПРОЩЕ.** Если вы любите хороший чай, если вы не прочь посидеть в приятной компании, если вам доставляет удовольствие разговор с умными людьми...

Тезис 13. **ПОЭТОМУ БЫЛО РЕШЕНО** создать Чайный Клуб.

Тезис 1. ЭТУ КНИГУ следует рассматривать как извинение учредителей ЧК за создание Клуба с изложением причин, замыслов, надежд и различного рода соображений, приведших к возникновению Чайного Клуба именно в той форме, в какой он существует, а не в какой-либо иной. Одновременно в этой книге излагаются взгляды на будущее Клуба, размышления о конечной цели и сверхзадаче организации. Эта книга является введением в метафизику Чайного Клуба, то есть объяснением чайной философии с позиций здравого смысла.

Тезис 2. ЛИРИЧЕСКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ. Человек и мир вокруг него... Человек слушает музыку, встречается рассвет в лесу, до изнеможения погружается в работу, беседует с другом, прислушивается к шелесту своих мышц во время бега... Жизнь человека – это постоянный диалог с окружающим его миром, с отражением человеческого «я» в этом мире.

Жизнь – это диалог. И как нужен человеку хороший собеседник!

Первый встречный, если ты, проходя, захочешь заговорить со мною, почему бы тебе не заговорить со мною?

Почему бы и мне не начать разговора с тобой?

Человеку нужно общество – даже, если это будет общество одиноко горящей свечки...

А вокруг нас – призрачный мир в судорогах информационного взрыва. Стремительный ритм будней... Вчера, сегодня, завтра... Какой сегодня день?.. Концентрация времени – настоящее исчезло, будущее смешалось с прошлым... Сутолока дней, нервный пульс планеты, новые лица, новые мысли, калейдоскоп событий...

Мир – это взбесившийся трамвай. Остановите – я сойду.

Остановить мгновение. Извечная мечта человека. Но не потому, что оно прекрасно, и не для того, чтобы насладиться им. А потому, что оно такое же, как и все, и для того, чтобы рассмотреть его не торопясь и размышлять в покое... Неторопливый разговор... Человек – и мгновение... Вырвать настоящее из тисков прошлого и будущего, смахнуть паутину будней, положить на стол... Вот оно лежит – маленькая запутанная деталька... Два человека в тишине

говорили тихо... Они оба сошли на остановке трамвая, так получилось. Почему бы им не сесть за один стол, почему бы им не выпить по чашечке хорошего чая, почему бы им не обменяться мыслями...

Люди пришли в Чайный Клуб. С первым глотком чая они ощутили вкус межвременья, они вдохнули аромат старых и добрых традиций. Чайный Клуб – это островок устойчивости в океане конформизма. Это остановка трамвая... Тот, кто приходит в наш Клуб, оставляет у порога вместе с верхней одеждой своё смятение, свои заботы, свою мелочность и своё беспокойное время... Здесь иной мир – мир за чашкой чая.

Тезис 3. ОТКРОВЕНИЯ РАЦИОНАЛИСТА. Для чего мне нужен Чайный Клуб? Этот вопрос распадается на два: для чего нужен вообще какой-либо клуб и почему он должен быть чайным?

Прежде всего, клуб хорош тем, что представляет собой некое место, куда я могу придти в любой из заранее известных дней, и где мне гарантируется то-то и то-то. Там я могу отдохнуть, выпить хорошего чая, побеседовать с приятными собеседниками, послушать музыку (если это предусмотрено программой заседания клуба) или интересный рассказ из области Чайной Науки. Всё это происходит в особой атмосфере клубных традиций с тщательно продуманными церемониями и ритуалами.

Участники каждого заседания Клуба подбираются специальным образом, чтобы обеспечить максимум гармонии, чтобы доставить каждому приятное и вместе с тем выдержать некую единую программу заседания. В Клубе есть свои ветераны и люди, пришедшие на заседание впервые. Короче говоря, каждое заседание Чайного Клуба – это маленькое, но цельное представление. Где зрители являются одновременно и актёрами. Каждому на заседании предусмотрена некоторая роль, и каждый чувствует себя единственным зрителем, для которого и разыгрывается эта замечательная пьеса.

5. Лида

ночь с 3 на 4 октября 1970 года

Итак, господа присяжные заседатели, я опять не в своей тарелке. Штурвал моего душевного благополучия развернулся внутри меня на 180 градусов. Всё-таки с моими чувствами что-то неладно – они явно не в ладах с рассудком. Есть, как это ни печально, в моём рационализме один маленький, но весьма ощутимый изъян. И исправить его могут только всё те же пресловутые чувства-вс. Мне нужно попросту влюбиться и не просто влюбиться, а не теряя при этом головы. И, кажется, я близок к этому. Только не подведи, только не подведи, только не отведи глаз...

Тот ли это человек, который мне нужен? Чёрт его знает! Ну, что ж, чёрт – фигура весьма мне симпатичная. Я его понимаю. По крайней мере, у него есть чувство юмора, которого не хватает всем влюблённым. Хотелось бы быть исключением. Человек, обладающий чувством юмора, никогда не теряет самого себя. Страсть к женщине бывает трёх сортов: одна сбивает с пути, другая оставляет равнодушным, а третья помогает идти вперёд. Первые две я уже испытал и должен заметить, что я от них не в восторге.

Я всё более убеждаюсь, что, несмотря на свой рационализм, скептицизм и местами цинизм (точнее цинизм с чувством юмора – это иное качество, чем просто цинизм – следствие неглубокого продумывания существа вещей), я снабжён целым вагоном всяких иллюзий (или идеалов, или мечтой – что, впрочем, вещи однопорядковые). Я думаю, что мыслима женщина, с которой мне будет легче, чем с самим собой. И боюсь, без неё мне будет ох как худо. Иметь дело с женщинами, говорить с ними, целовать их, принимать от них ласки и потом, перед сном, вспоминать о них с усмешкой (вот уж, действительно, усмешка – порождение дьявола) и раздражением и думать о той, которой нет, – эдак недалеко и до комплекса. Впрочем, не надо себя обманывать – не так уж часто мне доводилось принимать ласки от женщин и испытывать после этого раздражение. Это сказано больше для красного словца, хотя по существу и верно.

Тот это человек или не тот, но я уже чувствую себя скованно. Скованность – следствие сильного желания и большой надежды, это своего рода страх крушения надежды. Нужно поставить первую точку над первым «и». Она должна узнать, что нравится мне, и что я хочу быть с ней близок. Н-да, сегодня я испытывал сильное искушение

провести рукой по её волосам, обнять за плечи. Я слишком сильно этого хотел, чтобы решиться. Разговор сегодня не клеился – виновата всё та же моя скованность, чёрт бы её драл! Впрочем, восклицательный знак я поставил напрасно – восклицания здесь ни при чём, я ещё способен трезво мыслить и поэтому могу рассматривать свою скованность достаточно бесстрастно, со скальпелем в руках. А значит скоро ей конец.

Особенно, если будет поставлена первая точка над первым «и».

Конечно, я уже не тот, погружённый в математику и фантастику, мальчик, который мечтал о черноволосой девушке с внимательными глазами и тонкой рукой, но, слава богу, тривиальное б., по-прежнему, вызывает у меня отвращение. И это хорошо, что тот маленький мальчик ещё не чужд мне. Только не подведи...

ночь с 4 на 5 октября 1970 года.

Всё оказалось сильнее, чем я думал... Весь день у меня сегодня какое-то смутное состояние – тоскливое и тревожное одновременно. Работа валится из рук, мысли крутятся вокруг одного и того же и мысли эти, надо заметить, отличаются поразительной невразумительностью. Хоть бы быстрее случилась эта встреча! Выложу всё, что у меня есть за душой, – уже специально подобрал все самое близкое мне, что я когда-либо написал. Дам ей прочитать вчерашние и эти сегодняшние записки, этим будет всё сказано – и будь что будет...

Интересно, что она мне ответит? Да или нет? Конечно, мы слишком мало знаем друг друга, чтобы ставить так вопрос, но, чёрт побери, ведь я-то знаю свой ответ! Я не верю в любовь с первого взгляда, для того чтобы любить человека, надо очень хорошо знать этого человека и... самого себя. Когда любишь, не сомневаешься, не боишься крушения надежд. Значит, это не любовь. И я знаю, что это такое, – это предчувствие любви, жажда любви. Появилась надежда – вот тот человек, который тебе нужен. Но ты не знаешь наверняка, ты только очень хочешь, чтобы это было так.словно туго скрученная спираль, сидела в твоём сердце мечта о женщине, о той единственной женщине, которую ты можешь любить. И вот пришла она, и скоба соскочила, и спираль начала стремительно развёртываться. И ты уже не можешь остановиться, и чувства вышли из-под контроля рассудка, и ты переполнен нетерпением и захватывает дыхание как перед прыжком в ледяную воду. Всё может

оказаться не так, уже не раз бывало, что ты подменял действительность своей иллюзией, но спираль уже не удержишь, осторожничать больше не можешь – и ты кидаешь жребий и делаешь самую крупную ставку, на которую ты способен...

Может быть нельзя так сразу? Поспешишь – людей насмешишь. К чёрту народную мудрость! В конце концов, та женщина, о которой я мечтаю, не нуждается в уходе! Если хорошенько подумать, всякое ухаживание отчётливо отдаёт пошлостью, если имеешь серьёзные намерения. Женщина, которую я рисую в своём воображении, поймёт меня сразу, и я сразу пойму её, и не нужно никакого «ознакомления с предметом», никакой «выдержки времени». Как булгаковские Мастер и Маргарита. Конечно, сначала это всё-таки не любовь – нельзя с первой встречи соединить воедино два разных мира, две огромные вселенные, вместились в двух людях. Да и какое мне, в конце концов, дело как это называется! Быть может, язык человеческий просто недостаточно развит для того, чтобы выражать подобные понятия. Слишком уж укоренилась в нас привычка подгонять свои собственные чувства и мысли под общепринятый стандарт. Я знаю, что я чувствую и что я могу чувствовать, что я хочу и что я считаю нравственным, и если у кого-то иные взгляды, то мне нет до него никакого дела, а ему не должно быть до меня никакого дела.

Вот такая постановка вопроса сразу проясняет дело! Я ощущаю сильное влечение к Лиде и понимаю, что это хорошее чувство. От себя мне больше ничего не надо. Но всё это, конечно, пустой звон, если она пожмёт плечами, или усмехнётся, или скажет, что мы мало знаем друг друга, или попросту пошлёт меня ко всем чертям...

утро 8 октября 1970 года.

Речи и размышления конференсье
на премьере трагикомедии «Жизнь»

Дзинь! Дзинь! Леди и джентльмены, занимайте свои места в партере! Уже был; второй звонок. Начинается следующий акт премьеры трагикомедии «Жизнь». Быстрее! Быстрее!

...Мадам! О, мадам! Куда же Вы в шубе? Нет, нет, никак нельзя. Подумайте, как Вы будете воспринимать тонкие переживания

актёров, если на Вас будет шуба! Идите в гардеробную, Вы ещё успеете!

...Ох уж эти мне юные леди и джентльмены! Молодые люди! Эй, как вас там! Да перестаньте же целоваться – как вы не можете понять, что сидите на чужих местах. Садитесь на свои места и целуйтесь сколько влезет! Что? Ах, здесь ближе к сцене! Ну, знаете, вы своим поведением можете вывести актёров из одухотворённого состояния. А ну марш на галёрку!

...Сэр! Ради бога, сэр! Пожалуйста, погасите сигару. Нельзя сидеть в первом ряду партера и курить сигару. Что? Это плохо действует на актёров. У них может закружиться голова или случится нервический припадок. Сами понимаете, такие тонкие переживания! Жизнь, как она есть! Что? Ах, Вам это не интересно! Как Вы жестоки, сэр! Но всё-таки Вам придётся погасить сигару.

Быстрее! Быстрее! Зрители успокаиваются, актёры встали в позы! Проекторы! Эй, там, наверху! Какого чёрта вы включили синий свет? Вы что, хотите, чтобы актёры выглядели мертвецами? Вот так! Начинается следующее действие, под названием «Отвергнутая любовь». Трагикомедия с клоунадой, диалогами, страданиями героев, воспоминаниями и мечтами, с барабанным боем и похоронным маршем! Маэстро – музыка! Всё готово. Занавес!!

...Ох ты господи! Наконец-то можно отдохнуть. Сядем в кресло, закурим сигарету и вытянем ноги во всю длину... Пока актёры разыгрывают свои роли, а зрители жуют конфеты и резинки, можно спокойно посидеть за кулисами «Жизни» и поразмышлять, не торопясь и без претензий...

Итак, господа присяжные заседатели, ко мне вернулось чувство юмора. «Ни да ни нет!» Отрезвление пришло, но надежда осталась. Эта смесь мне нравится, есть в ней что-то тонизирующее. В конце концов, в области любви мне всегда претило благополучие, самодовольное, глупое счастье, равно как и душераздирающие страдания, муки любви.

Счастье... Полное, абсолютное, всепоглощающее счастье... Не понимаю! Не бывает света без тени – можно лишь не замечать теней. Но это не в моей натуре – закрывать на что-то глаза, значит кастрировать свой интеллект.

Страдания... Когда всё предстаёт в чёрных красках... Столь же непонятно! Тень есть продукт света, не бывает одного без другого. А говорить на заведомо белое, что это чёрное, – какой смысл?

В области чувств я приверженец полутонов. Не чёрное и не белое. Это, конечно, не обязательно означает просто серый цвет. Не механическая, равномерная смесь двух цветов, а игра света и тени! Интеллект в мире эмоций – это механизм, при помощи которого мы правильно распределяем свет и тени. Если бы мне пришлось выбирать себе герб, я бы выбрал не просто равномерно окрашенный серый щит, я бы разделил щит вертикальной чертой на две равные части и одну из них сделал бы чёрной, а другую – белой. А посередине усадил бы Чёрта – ради смеха!

Юмор! Самое великое изобретение человечества. Пожалуй, это единственно правильный способ оценивать жизнь и, прежде всего, самого себя! Ни в коем случае нельзя жить на полном серьёзе – это губительно в основе своей, как выражается Анатолий Гусев. Если человек слишком серьёзно относится к самому себе, к тому, что он делает, к своим эмоциям, к своим убеждениям, идеалам и мыслям, – это всегда немножко невменяемый человек и, как правило, это скучный человек. Смех – это хирург в области этики! Это Михаил Анчаров подметил очень и очень здорово.

Надо всегда относиться к жизни чуть-чуть с юмором. Надо всегда быть немножко за кулисами. Способность смотреть на самого себя со стороны – есть второе великое изобретение человека. В каждом из нас сидят два человека: тот, который живёт, и тот, который наблюдает за этим. Мы актёры и зрители одновременно! Жизнь – это один большой грандиозно поставленный спектакль! Жизнь – это всегда немножко игра: игра с окружающим миром, и главное игра с самим собой! Надо смотреть на жизнь, как на своего рода эксперимент, или как на серию экспериментов. Каждый наш шаг – это маленький опыт. Экспериментатор ставит опыт, теоретик изучает его результаты.

«Ни да ни нет». Ну, что ж, если это неизбежно, стало быть, это нужно приветствовать! Если что-то нарушает ваши планы, значит на этом нужно сыграть, делать ставку на неудачи – может быть в этом и есть сермяжная правда жизни? «Ни да» – значит можно быть предельно откровенным, не боясь, что можешь быть неправильно понятым. Хуже не будет – «ни да» и так уже есть. «Ни нет» – значит, есть надежда, значит, имеет смысл стараться, значит можно попытаться объяснить себя. А если когда-нибудь окажется просто «да», то мы будем начинать не с нуля, то «да» будет не по принципу «а почему бы и нет», а по

принципу «иначе нельзя». Дар самоуспокоения у меня развит предельно хорошо!

Вот что мне нужно узнать у Лиды – представляю ли я для неё хоть какой-то интерес просто как человек, как личность, как забавное явление природы, как нечто непонятное, но интересное? Хочет ли она меня узнать? Хотя бы просто для того, чтобы лучше узнать людей, мой тип людей. Если я ей просто-напросто неинтересен, то вопрос снимается с повестки дня, занавес закрывается и спектакль отменяется, поскольку актёры не хотят играть свои роли.

Если же это не так, то для меня это превосходная возможность посмотреть на себя глазами другого человека, который понимал бы меня правильно. Ну и, разумеется, остаётся кое-какая надежда. А ждать я умею.

А что касается самой Лиды, то если бы ей удалось меня понять, а мне удалось бы понять её, то даже если мои надежды рухнут, я бы знал более точно, какой человек мне нужен. А то методом исключения этот вопрос решить трудновато.

Но вообще-то, если отбросить риторику, то ситуация не бог весть как хороша. Как ни полезны для интеллекта неудачи и всяческие «нет», одним интеллектом сыт не будешь! А чувствам плевать на все вышеизложенные спекуляции, они хотят «да» и не хотят «нет». С оттенками или без, с противоречиями или без, с тенями или без теней, но «да»... Вот такая се ля ви...

вечер 8 октября 1970 года.

...Тоскливо... Но что об этом писать?.. Ведь тоска – это просто очень сложное несформулированное желание, к которому и слов-то не подберёшь (Михаил Анчаров)... Всё образуется само собой... И всё-таки тоскливо.....

6. Записка Букетову

[Предположительно в начале октября (не позднее 6-го) 1970]

Валерию Вячеславовичу Букетову

/лично в зубы/

Валерий Вячеславович!

Весьма сожалею, что не могу дать Вам сегодня аудиенцию. Обстоятельства вынудили меня отбыть в известном направлении. Я был бы очень Вам признателен, если бы Вы опустили известные Вам предметы в мой почтовый ящик или, ежели оне туды не влезут, то оставили на столе, что под зелёной клеёнкой.

Все наши договоры остаются в силе. Учредительное Заседание Чайного Клуба состоится как и было назначено в пятницу в Резиденции Хранителя Казны Михневича Вадима Дмитриевича. В среду же седьмого числа я буду ждать Вас на праздновании моего дня рождения.

Что касается известной Вам Наташи, до должен заметить, что фигурка у неё из класса "обсоси гвоздок"! Думающий аппарат у неё устроен, конечно, довольно примитивно. Кроме того, её покладистость меня просто умиляет. Всё это в комплексе позволяет мне сделать вывод, что с ней можно будет приятно и бесхлопотно поразвлечься, что я и собираюсь сделать в конце этой – начале следующей недели. Мы могли бы совместно с Вами устроить маленький вечер свободной любви. Разумеется без всяких затрат с нашей стороны, во всяком случае я не собираюсь брать на себя финансирование этого предприятия, разве что на уровне чая.

На этом остаюсь в полнейшем к Вам уважении,

странствующий производитель Игорь Бурдонов.

7. Тетрадь в клетку

Тёплая деревенская изба.

19 октября 1970 года. Понедельник. День.

...Тёплая деревенская изба. За окном яблоня. Голубое небо и редкое солнце. Вдалеке поля и осенний лес. За окном под яблоней свежевскопанная земля, усыпанная пожелтевшими листьями.

В комнате полубеспорядок, на моей раскладушке лежит раскрытая книжка итальянской фантастики. Рассказ Густаво Гуспарини «Замкнутый круг» – ещё не прочитанный. Неяркое, но особенно приятное, октябрьское солнце заглядывает в окно. В комнате – трое часов, не считая моих наручных, спорят между собой о том, который час. Каждый час настенные часы послушно бьют время.

Играет пластинка «Поющих гитар». Пьеска называется «Ноктюрн». На тумбочке лежит прочитанная вчера книга «Парадокс Великого Пта». О Человечестве, Прошлом и Космосе... За окном ветер перебирает ветви яблонь.

Хронометраж.

пятница	9 октября	–1–	Чайный Клуб. Вадим.	4 часа
среда	14 октября	—	Чайный Клуб. Дмитрий	4 часа
четверг	29 октября	–2–	Телевидение. «Осень-70». ОСТАП	4 часа
воскрес.	1 ноября	–3–	Вечер у Вадима.	6 часов
понед.	2 ноября	—	Кино «Самозванец с гитарой».	
			Миша Финкельштейн	5 часов
среда	4 ноября	—	Игорь Маев.	5 часов
четверг	5 ноября	—	Леночка, Илья.	5 часов
пятница	6 ноября	–4–	Игорь Маев.	17 часов
суббота	7 ноября	—	Ассамблея ГС ОСТАП. У меня дома	} 34 часа
воскрес.	8 ноября	—	Лыжи. Вадим	

8. стишки Тоска

Из тетрадки стихов 1969, 70, 71 и 75.

19.11.70

Падает снег
Беспорядочным кружевом.
Ветер на месте
Волчком кружится.

Звоном огней
Новогодних разбужено
В снах ...
Детству не спится.

* * *

Время течёт рекою медленной.
Потом быстрее, ещё быстрее, и, наконец, падает
Водопадом.

Время в пене.
Время пенится сотнями наших забот.

* * *

Тоска как непонятное желание
Как отрицанье бытия
Не то мечта, не то воспоминание.

* * *

Как непонятное желание,
Как отрицанье простоты,
Тоска почти сентиментальная
В глаза упала с высоты.
Как падает снег беспорядочным кружевом,
Звоном огней новогодних разбужена
Тоска мне приснилась.

* * *

Как непонятное желание,
Как отрицанье простоты,
Тоска почти сентиментальная
В меня упала с высоты.

Как падает снег
Беспорядочным кружевом,
Звоном огней
Новогодних разбуженный.

Как падает камень,
Брошенный круто,
Совсем вертикально
Законом Ньютона,

Как падают руки,
Уставшие ждать,
Как падает проститутка
В изломанную кровать.

9. стишки Старуха Смерть пришла ко мне

Из тетрадки стихов 1969, 70, 71 и 75.

19.11.70

Старуха Смерть пришла ко мне
С косой и говорит:
– Местечко в рай могу тебе
Продать, мой друг, в кредит.

Не надо сразу жизни всей,
Живи, пока здоров.
Но то, что прожил ты, то мне
За лишних пять годов
Продай, что толку в том тебе,
Что в прошлом кануло уже,
И больше не вернёшь?

И Смерть взмахнула вдруг косой:
– Зачем, хочу спросить,
Всю скуку прошлого с собой
Всю жизнь свою тащить?

Отдай мне память дней былых,
Сбрось этот груз с себя.
Жить будешь до седых волос
Счастливый, как дитя.

Ну как, мой друг, себя готов
Продать за лишних пять годов?

Друзья! Не надо лишних слов,
Оваций и так далее.
Себя от пяток до мозгов
Продать готов
За пять годов,
За десять и так далее!

10. стишки И в диком смехе отрицанья

Из тетрадки стихов 1969, 70, 71 и 75.

19.11.70

(Из старого...)

И в диком смехе отрицанья –
Мерцанье нежной доброты,
И прелесть тайная порока
Звучит в мелодии любви.

11. Тетрадь в клетку

Теорема о кубическом изоморфизме

26 ноября 1970 г. четверг ночь

Всякая вещь, мыслимая или реальная, мыслится или существует в пространстве трёх измерений. А потому может быть заключена в куб достаточно больших размеров. То есть, каждая отдельная вещь – в некоем своём кубе.

Абстрактный куб, куб вообще, заключает в себе, следовательно, всё мыслимое и реальное.

ВСЁ – В КУБЕ.

Куб есть тоже вещь, то есть куб есть часть всего. Поэтому куб не более, чем всё. Поэтому в кубе нет ничего, чего бы не было во всём.

Значит, КУБ ЕСТЬ ВСЁ.

Нет ничего, кроме куба. Не только всё имеет форму куба, но и содержание – не более чем куб. Идеальный, всеобщий, универсальный куб. Куб всепроникающий, всесодержащий и всеявляющийся. Куб как он есть. Куб как идея. Всеобъемлющая и всепоглощающая идея куба. Кубическая идея.

Куб – мир. Мир – куб.

13. Я могу ходить по воде

~ декабрь 1970

– Я могу ходить по воде.

– Покажите.

Он снял ботинки, перешагнул через бортик декоративного бассейна и сделал несколько шагов по воде. Потом вернулся обратно и надел ботинки.

– Можете объяснить, как вы это делаете?

– Усилием воли, – он улыбнулся.

– А точнее?

– Особый режим дипольного биополя. Управляющее замыкание на коре головного мозга, резонирующее – на поверхности воды. Расчёты вот в этой папке.

– Хорошо. Завтра сделаете краткое сообщение на Учёном Совете. На пятнадцать минут. Текст работы отдайте машинисткам – пусть распечатают в двадцати экземплярах к пятнице. Если ваше сообщение вызовет интерес, на следующей неделе сделаете двухчасовой доклад на межинститутском семинаре.

– Ладно...

– Вы хотите что-то спросить?

– Да... Вы не удивлены?

– Чему?

– Тому, что я умею ходить по воде. В старых сказках люди мечтали об этом. Всем кажется это фантастичным. Вспомните Иисуса Христа...

– Иисус Христос – это дела историков. А у нас институт физики. Никаких чудес тут нет – вы же сами можете объяснить это явление вполне реальными объективными причинами. Или это не так?

– Вы не верите в чудеса?

Директор института внимательно посмотрел на него и сказал:

– Если ваши расчёты верны, то в *данном* случае никакого чуда нет.

14. Добро без худа

~ декабрь 1970

- Нет худа без добра, – изрёк АВУИ.
- А есть добро без худа? – вяло протянул Иммануил-534 и сделал большой глоток из бутылки с молоком.
- Не установлено, – констатировал Автоматический Вещатель Установленных Истин и, обидевшись, отключился.
- Дурак, – снова протянул Иммануил и, замахнувшись, швырнул бутылку в работа. Бутылка описала дугу под сводом ярко освещённого мраморного зала и, не долетев до АВУИ, свалилась в четвёртое измерение подпространства, породив столкновение двух спиральных галактик где-то на окраине Метавселенной и оставив на ковре натурального медвежьего меха несколько капель коровьего молока.
- Дурак, – убеждённо повторил Иммануил-534 и достал из бара новую бутылку. Отхлебнув порядочную порцию молока, он поудобнее разлёгся в кресле, поправил съехавший во время броска плед, и вызвал по телепатии АХТМ. – Который нынче год?
- 3003, – бесстрастно сообщил АХТМ. Иммануил-534 недовольно сморщил нос.
- Зачем так много? И куда это торопится наш мир?
- Автоматический Хранитель Текущего Моментa вежливо промолчал.
- Да. Так что нового в мире?
- Выделена пятая компонента дисперсионной формулы любви. Закончено музыкальное оформление водевиля «Акт возмездия». Снова умер Великий Координатор Батыр-3...
- Хватит! – раздражённо прервал работа Иммануил. – Убирайся ко всем чертям!
- АХТМ растворился в воздухе, оставив лёгкий запах розовых духов. Иммануил-534 встал с кресла, вышел из комнаты и спустился в хронолифте в 2-й век.

15. УИК-ЕНД

25.12.1970

Зима. Пятница. Желание отдохнуть после трудовой недели влекло Молодого Человека по пути, предначертанному ему свыше. Его рассеянный взор скользил по лицу сидевшего напротив пассажира: ухо, шея, рот, нос, глаз, ухо, шея, рот, нос, глаз, ухо, шея...

Электричка набирала скорость. Смеркалось. Ухо, шея, рот... Рот открылся и зевнул, глаз посмотрел на Молодого Человека мудро и оценивающе, нос чуть-чуть, почти неуловимо приподнялся, а рот снова открылся и сказал:

– Я пришелец из будущего. Вы удивлены?

– Отчего же? – ответил Молодой Человек как можно вежливее.

– Ну и правильно, - рот снова зевнул, потом вместе с ухом, шеей, носом и глазом скользнул куда-то вверх и исчез за затылком – пассажир встал, повернулся и вышел на станции. На скамье остался клочок бумаги забытый пассажиром. Молодой человек взял его в руки – это был календарь на 2759 год с изображением красивой зеленовато-жёлтой женщины на обороте. «Наверное, марсианка», – подумал Молодой Человек и сунул календарь во внутренний карман пиджака.

Инцидент был исчерпан и электричка снова стала набирать скорость. Молодой Человек по натуре был не то чтобы оригинален, но как-то нестандартен. Во всяком случае звали его Иммануил. Подобно своему знаменитому тёзке он парил в сферах возвышенных, абстрактных и философских, рассматривая окружающую его реальность как вещь более в себе, нежели для него. Он находился в состоянии постоянного удивления фактом существования этого мира и в особенности своего собственного существования. Сам мир, тем более его отдельные явления, уже не могли удивлять Молодого Человека. Тем не менее были вещи, которым он отдавал предпочтение. В частности, ему доставляло удовольствие сидеть в глубоком кожаном кресле, которое стояло в углу самой большой комнаты деревянной избы, принадлежавшей родственникам Молодого Человека. Именно это Молодой Человек и намеревался делать, когда сошёл с электрички на захолустной станции и, произведя ряд не особенно приятных, но неизбежных операций по передвижению в пространстве, вошёл в эту комнату.

В воздухе пахло серой...

16. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА ПО ИМЕНИ ИОГАНН.

28.12.1970

Злость. Музыкальный ритм за стенкой вызывает это чувство совершенно рефлекторно. «Между прочим, любимая мелодия», – механически, отмечает Иоганн. Интеллектуальный аристократизм книжных полок раздражает нервные окончания глазного дна. Хочется чего-то простого и надёжного. Как свежeweымытый дощатый пол.

«Чёрт знает что такое», – думает Иоганн и смахивает пылинку с бедра. В воздухе явственно пахнет диссонансом. Урчание автомашин за окном наводит на мысль о чём-то большом и чистом. Хорошо знакомая цепь ассоциаций: точно также урчат кошки; когда они беспокойны, у них внутри всё время что-то урчит и очень раздражает нервного человека, – кошка – это животное, самое дикое и хищное животное из всех домашних; этим кошка нравится Иоганну, – диких и хищных животных содержат в зоопарке – самое большое животное в зоопарке слон – если слона вымыть, он будет большим и чистым.

Иоганн регулярно впадает в транс, как медведь впадает в спячку. Лапы Иоганн не сосёт. Он сосёт сигарету, с фильтром. У Иоганна рассудочная натура и около десятка высоких идеалов. Сам Иоганн втайне ненавидит эти идеалы, особенно во время транса. Он считает, и это не лишено основания, что идеалы мешают ему спокойно жить. Однако как всякий цивилизованный человек, Иоганн должен иметь идеалы или, по крайней мере, какое-то высокое оправдание отсутствия таковых, желательно с философской подстилкой. Вообще с философией у Иоганна связано много тёплых воспоминаний. Почему-то интерес к философским хитросплетениям пробуждается у него в самые приятные периоды жизни.

Однако, сейчас Иоганну не до философии. Его мучает вопрос о смысле жизни. И хотя вопрос этот в общем-то чисто философский, Иоганн воспринимает его как элемент наш совершенно противоположного полюса мира – суровой прозы жизни. Из всех философских школ, пожалуй, единственно древняя школа греческих киников близка сиюминутному состоянию духа Иоганна. Он (дух) вообще, по мнению Иоганна, стал последнее время сверх меры привередлив, капризен, сварлив и вдобавок высокомерен с замашками на аристократизм.

Итак, Иоганн сидел в кресле, курил, размышлял и изредка произносил незначительное "гм". Смысл этого "гм" оставался неясным до конца даже самому Иоганну. Тем более не понимал его серый кот, развалившийся в слегка легкомысленной позе на коленях у Иоганна. Вдруг пробил час...

17. Начало нового этапа

29.12.1970

0 часов 80 минут 29 декабря 1970 года. Начало нового этапа. Исчезло раздражение, нервное возбуждение, остроумие сверх меры, сверх меры скепсис и цинизм. Прекратилось вращение в «кругах» людей. Бурный и неустойчивый водоворот жизни превратился в спокойную гладь пруда.

Я ухожу в ссылку. Ссылка в себя. Буду работать в тиши кабинетов. Спокойная внешне скучная жизнь обывателя. Но только внешне. В действительности я буду работать как никогда раньше, пора дать полную свободу мысли. Необходимо отрешение от суеты. Роль наблюдателя, неторопливо обдумывающего в тишине свои наблюдения и делающего выводы. Клавиатура машинки – для рук, страницы книг – для глаз, комедия жизни – для памяти, строки будущих работ – для чувств, высоты философии – для мысли. Мой внутренний мир станет моим монастырём, я буду писать библию себя.

Завтра ещё ничего не изменится в действиях. Но уже сегодня всё изменилось во мне...

18. Иноходец на спектрогелиографе

30.12.1970

Эдвард Штекли знал Солнце как свои пять пальцев. Пожалуй, даже лучше, потому что наше светило он рассматривал чаще и внимательнее, чем свои руки. Как всякий настоящий учёный Эдвард Штекли был готов ко всяким неожиданностям, но когда его наблюдения лишь подтверждали уже известные Факты, он воспринимал это как должное. Каждая мелочь, выходявшая за рамки обычного, вызывала у него пристальное внимание скептика. Он никогда ничему не верил с первого раза, но и ничего не отвергал с порога. Поэтому когда в правом нижнем углу спектрографа из-за опадающего протуберанца на оранжевую в чёрную крапинку поверхность солнца выплыла миниатюрная фигура арабского иноходца, астроном сказал лишь краткое «О!» и протянул руку к клавиатуре настройки.

Хотя этот возглас не был особенно громким, однако профессор Халд услышал его и не замедлил подойти к своему коллеге, чтобы узнать в чём дело. Иноходец имел размеры порядка 15 тысяч километров, тем не менее все пропорции его телосложения были соблюдены довольно точно. Конь передвигался медленной иноходью, даже чересчур медленной – создавалось впечатление, что он находится в замедленном времени. Это было особенно странно, если учесть, что гравитационное искривление пространства вблизи поверхности солнца не могло быть настолько большим, чтобы так сильно замедлить течение времени. В то же время скорость перемещения иноходца была далека от световой, чтобы мог сказаться эффект специальной теории относительности. От пристального взгляда обоих учёных не могли ускользнуть и некоторые другие необъяснимые детали наблюдаемого феномена.

Когда известный философ девятнадцатого века Артур Шопенгауэр вошёл в спектрографическую лабораторию обсерватории Гарвардского колледжа в Бостоне, он застал Эдварда Штекли и профессора Халда склонившимися к экрану спектрографа и что-то горячо обсуждавшими между собой. Сразу поняв в чём дело, он приветствовал учёных несколько напыщенной фразой: «Не трудитесь, о потомки, над разгадкой этого явления. Мир есть моё представление и не будь я Артур Шопенгауэр, если я не представил себе сто двадцать лет назад арабского иноходца, скачущего по поверхности нашего светила». Ситуация, сложившаяся в лаборатории, в корне противоречила здравому смыслу. Не хватало лишь маленького

толчка, чтобы довести всю невозможность свершившихся событий до полного абсурда. Таким толчком явился в общем-то довольно обычный жест профессора Холда. Озадаченный учёный протянул руку к затылку, чтобы тем самым зафиксировать своё удивление. И в тот момент, когда пальцы профессора коснулись миниатюрных рожек, все присутствовавшие, в том числе и сам профессор Холд, поняли, что в добросовестном, но ничем особенно не примечательном учёном, скрывался настоящий дьявол, проявившийся лишь в такой экстраординарной ситуации.

Итак толчок был сделан и неумолимые законы вселенной, пришедшие в противоречие с реальностью, поспешно прекратили дальнейшее развитие событий. Мировая энергия сконцентрировалась в области спектрографической лаборатории обсерватории Гарвардского колледжа в Бостоне, время приостановилось, а затем, совершив крутой вираж, возвратилось назад, образовав петлю гистерезиса. Фантастические события оказались отрезанными от мировой линии движения вселенной и временная петля изолировалась в суперпространстве, образовав небольшое временное кольцо.

... Эдвард Штекли сказал лишь краткое «О!» и протянул руку к клавиатуре настройки.

Хотя этот возглас не был особенно громким, профессор Холд услышал его и не замедлил подойти к своему коллеге, чтобы узнать в чём дело. Новое солнечное пятно имело в поперечнике размер порядка 15 тысяч километров.

19. Всё проходит

3.1.71.

Всё проходит. Вот истина жизни.

Всё проходит. Бездёжны попытки остановить мгновение.

Всё проходит. Значит, нет ничего, достойного существования.

Всё проходит. Можно надеяться, что завтра принесёт нам то, что мы тщетно ищем сегодня.

Всё проходит. Завтра нас уже не будет, хотя мы ещё будем жить. Потому что завтра мы уже будем другими людьми.

Всё проходит. Как бесконечно жаль настоящее – оно уже не вернётся.

Всё проходит. Значит, всё образуется само собой. Не нужно волнений.

Всё проходит. Пройдут сомнения. Это так печально! Потому что вместе с сомнениями исчезнут надежды. Всё станет ясным, но не так как хотелось бы. Завтра мы будем трезвее. И мы будем плакать о потерянных иллюзиях.

Всё проходит. С каждым прошедшим днём мы теряем целый мир. Мир вчерашнего дня. Что с того, что завтра, мы приобретём новый мир? Послезавтра мы его потеряем.

Всё проходит. Уходят друзья и женщины. Уходят надежды и сомнения. Уходят радости и беды. Уходим мы...

.....

20. Людмила

4.1.71.

Людмила!

Прости меня за все те плохие слова, которые говорили о тебе люди.

Людмила!

Прости меня за все те ласковые слова, которые я тебе не сказал.

Людмила!

Прости меня за все те недостатки, которые я в тебе замечал.

Людмила!

Прости меня за. всё то хорошее, что я в тебе не видел.

Людмила!

Всё проходит, но я не хочу, чтобы ты прошла. Меня не нужно любить. Так я говорил тебе. Может быть это и верно, но... я не хочу говорить о «любви», это слишком неточное слово,... но я хотел бы, чтобы между нами были и оставались близкие и тёплые отношения. Я начинаю привязываться к тебе. И я хочу этого.

Людмила... я испытываю тёплую грусть, когда думаю о тебе.

Это приятно для меня. Но это ещё очень хрупко и ненадёжно. Я бы не хотел, чтобы какая-нибудь случайность испортила это во мне.

Люда, Людмила, Людмила...

21. ПЛОДЫ СИДЕНИЯ Бурдонова И.Б. и Щучкина Н.В. СОВМЕСТНО С ПИВОМ

13 янв. 1971г.

Бурдонов. В сущности, всегда самый ярый революционер впоследствии оказывался самым ярым консерватором. Да будет так!

Щучкин. Всё же ты её оставь, оставь её, как можешь раньше, найди, поищи Свою, я тогда дико буду радоваться и очень искренно.

Полагаю, что термин «всё проходит» – это ... однако когда представишь конкретно, в частности и очень реально, – ведь у каждого из нас есть в той или иной области жизни достаточный опыт, хотя нельзя сказать, что он осознан в достаточной степени, – то, прикинув так и эдак, как это обычно бывает когда предмет и сущность вопроса не являются достаточно животрепещущими, приходишь к выводу, что в частности, возможно, даже просто нельзя отрицать, чтобы не быть, не выглядеть недиалектично, что в частности, в сущности, любой предмет предстаёт перед нами в несколько ином освещении, чем в общих чертах. Попробуйте со мной не согласиться!

Бурдонов. Удивительное дело! Когда люди говорят, что всё проходит, то обычно имеют в виду, что проходит всё хорошее. А я как раз считаю, что проходит всё плохое. Плохое – это то, что раньше считалось хорошим. И вообще, самое главное – это два пункта:

п.1. «Всё течёт, всё проходит». 1-ое – Гераклит, 2-ое Я.

п.2. «Какого размера солнце? С яблоко». Гераклит. Я присоединяюсь.

А также ещё один пункт:

п.3. «Всё, что не требует от нас ответственности, можно спокойно полагать игрой воображения». Я. Не внаю, присоединится ли Гераклит.

Щучкин. Присоединяюсь. А как же иначе?

Я бы зевнул, но не буду, потому что не получится так сладко, как мне хотелось бы. А зевнул бы с удовольствием: у меня

расслабуха. Вот ты умный, да, а мы в университетах не учились, так ты скажи, что такое расслабуха, а?

Бурдонов. Врёшь, сука! Я тебе так скажу: расслабуха – это, когда хорошо и в животе и в голове. Но главное, то есть самое никчемное, то есть самое существенное, то есть самое ни на что негодное, абстрактное и т.д. – это свежесмытый дощатый пол. Как ни крути, а это самое надёжное и простое. А простота – это самое сложное на свете, последнее усилие гения и т.д. и т.п. и др.

Щучкин. Не гений я, но у меня щас последнее усилие умно ответить, но чувствую, что не могу, хоть и прекрасно знаю, уверен про себя, что я очень умный, а не могу выразить... что выразить? Ах, да выразить это самое. В общем, умный я, а выразить не могу, – это и есть расслабуха. Просто, понимаешь, как дощатый пол в вестибюле. Почему в вестибюле, не спрашивай – не знаю.

Бурдонов. У - у - вес - ти - бю - у - ль - ик. Это первое.

А второе: Гегель был обывателем. Вместе с тем многие необыватели отнюдь не были Гегелями. Соображение, наводящее на размышление.

Щучкин. Здорово ты сбавил, приятель, скажу я тебе. Занюхано это давно, эта схема: гении часто ошибаются, но не всякий ошибающийся – гений. Очень занюхано. Выступаешь ты слишком претенциозно, но я тебя за это не презираю, а чтобы не выглядеть бьющим из-за угла, – хвалю: талантлив ты в меру. Я знаю, что моё слово здесь последнее: ты уже не успеешь ничего написать – я тебе не дам, унесу машинку до завтра.

Бурдонов. всё равно скажу: ошибся ты, опять приятель, вовсе я и не сдал. Ибо – не о том речь, вёл, что гении ошибаются, а ошибающиеся не гении. А о том, что обывательщина... Точнее: речь идёт о переоценке ценностей. Вот суть! Не быть обывателем – вот основная ценность нашего времени. Каждый дурак старается в меру своих средних способностей не быть обывателем. Каждый считает своим долгом читать запрещённую литературу. Не замечая той отнюдь не запрещённой литературы, которая быть может куда более не обывательственнее. Например, философия Гегеля, который был обывателем.

22. стишки Лиля Трофимова. КАМЕНОТЁС

Он сорок лет каменотёс
И замки и дома
Прилежно строил королю
А тут сошёл с ума.

Крепче молоток держи
Не нужно думать – бей!
Грохочет жизнь, проходит жизнь
В неделе – семь камней.

Всё тот же звон, всё тот же гул
С утра и до темна.
Что ты задумал, старый шут,
Когда сходил с ума?

Крепче молоток держи
Не нужно думать – бей!
Грохочет жизнь, проходит жизнь
В неделе – семь камней.

По мне – дворец или тюрьма
Построю, что велят
Вы правы, я сошёл с ума
Но сорок лет назад.

Крепче молоток держи
Не нужно думать – бей!
Грохочет жизнь, проходит жизнь
В неделе – семь камней.

23. стишки НАДПИСИ с Лилей Трофимовой

зима 1971г.

НАДПИСЬ НА БУДУЩЕМ

(Игорь Бурдонов)

Стройте товарищи! Время – за вас!
Производительность выше вздымайте!
Матстимулируйте творчество масс!
Давайте! Давайте! Давайте! Давайте!

НАДПИСЬ НА БЫЛЬЕ

(Лилия Трофимова)

В ошибки всех цивилизаций
Любители вносить градации,
Советую не забывать,
Вас ох как будут толковать.

НАДПИСЬ НА ПРЫЩИКЕ

(Игорь Бурдонов)

В пустыне голой живота
Я возвышаюсь, весь горя.

НАДПИСЬ НА ИСКУССТВЕННОМ ЗУБЕ

(Лилия Трофимова)

Сей зуб из твёрдого металла
Поставлен здесь не для потехи.
Глубоких смыслов тут немало –
Хозяин рта грызёт орехи.

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ

(Лилия Трофимова)

Тебе нашла уже замену
И мой резон не так уж глуп
(Надеюсь, ты простишь измену)
Мой старый зуб, мой добрый зуб.

НАДПИСЬ НА ПЯТКЕ

(Игорь Бурдонов)

О эта пятка с толстой кожей!
Потомок грека Ахиллеса.
Весь род людской сомненье гложет
И он никак понять не может:
Дана пята какого беса?

НАДПИСЬ, НАЦАРАПАННАЯ НА ВЕКЕ

(Лиля Трофимова)

На ваше знаньем увлечение
Я наложу ограничение.

НАДПИСЬ НА ЖЕЛУДКЕ

(Лиля Трофимова)

Нет философии желудков.
Но я – причина всех поступков.

НАДПИСЬ НА ЛБУ

(Игорь Бурдонов)

Сдвигая горы интеллектом,
Всепостигая суть Вселенной,
Блюдя традицию столетий,
Стучу настойчиво об стену.

НАДПИСЬ НА ЯЗЫКЕ

(Лиля Трофимова)

Вертись как белка в колесе, –
Покой мне, кажется, заказан, –
Хочу связаться я со всем.
Лишь с мозгом я ничем не связан.

НАДПИСЬ НА БАРАБАНЕ

(Игорь Бурдонов)

Бей барабан, бей барабан, бей!
Кожи свиной, кожи тугой, ты не жалеяй!
Зови людей на смертный бой!
Когда ж ты лопнешь, чёрт пустой?!

НАДПИСЬ В УКРОМНОМ МЕСТЕ

(Игорь Бурдонов)

Сюда, сюда, апологеты
Убийств, похмелья и любви!
Здесь ждут вас сладкие моменты
Под покровом тишины...

НАДПИСЬ В УХЕ

(Лиля Трофимова)

К чему? – Я слушать вас не стану,
Иначе вовсе я увяну.

НАДПИСЬ НА ШТАНАХ

(Игорь Бурдонов)

В водовороте суеты
Нещадно трёте нас, штаны.
Как надоели нам зады,
Высокомерны и двойны!

НАДПИСЬ НА ЛИЦЕ

(Лиля Трофимова)

Как шкаф зеркальный, вносит ясность
Мое лицо.
Двуликий Янус.

леденец

ПОЭМА №356

(Игорь Бурдонов + Лиля Трофимова)

Неблагодарная природа
С утра перечет мне во всём.
В сомненьи я стою у входа
В ДОМ ЭШЕРА, ужасный дом.
А что ужасного-то в нём?
Себя я спрашиваю вновь.

ГОЛОС: Кровь...

Кто это? Кто это сказал?
В моей груди упало сердце
В дом Эшера открылась дверца

и ГОЛОС: Это я сказал...

Рой мыслей загудел в мозгу
Я не могу!..

(А ГОЛОС – ни гу-гу...)

И совершилось то мгновенье –
В мой дух спустилось озаренье –
Мужчина – из туманной дали:
Вы здесь сестричку не видали?
Однако, что за ерунда?
На кой мне ляд твоя сестра?
Ему ответил я с поклоном.
– Она с ума сошла – ла-ла,
Она недавно умерла...
А нынче удрала со стоном.

Однако, братец, ты дурак,
Сказал ему я между прочим,
Тебя я видел этой ночью –
Ты сам, закрыв лицо в кулак
В могиле чьей-то ковырялся.

ВЕРНОСТЬ

(Игорь Бурдонов + Лиля Трофимова)

Как-то,
 был праздник Святого Луки,
Я встретил жену
 на дороге в лесу,
А дело всё было
 на берегу реки.
А что там случилось –
 я вам не скажу.

Я всем не скажу –
 это даму смутит,
Которую я,
 то есть, встретил в пути,
Но тот, кто женат,
 спроси у жены,
Как в праздник Луки вам жены верны.

Но всё же
 открою
 один вам секрет –
Что в ложе
 со мною
 жены вашей нет.

Имею в виду театральную ложу.
А что сверх того, на театр не похоже.
О боже!

 Куда мы летим в облаках простыней?
Как большевик на
 горячем (большевистском) коне,
Сметая преграды, к цели –
 вперед

В горячей постели зевота берёт.
И пена срывается с губ (у коня)
Но новые цели встречают меня.

24. ДВЕРЬ В СТЕНЕ

21.1.1971г.

Часы били в разную. Маленькие ходики стучали часто, торопливо с какой-то суетностью. Крупные стенные часы, напротив, солидно и с чувством внутреннего достоинства отбивали секунды. Странно, что несмотря на такую противоположность, и те и другие часы показывали одно и тоже правильное время. «Забавно», – решил Саагун и стал смотреть в окно на заснеженное поле. «Снег – это, пожалуй, самое абстрактное, что есть на этой планете. Рядом со снегом даже ветка яблони – казалось бы самая наиреальнейшая, конкретная и обыденная своей первобытной, древней обыденностью вещь – и та кажется немного не от мира сего, таинственной и космически значительной. А если всмотреться в ту часть горизонта, где нет леса и где белое поле сливается с серым небом, то возникает ощущение ещё большего отчуждения. Круглая ограниченность земли прорывается, небо опускается на планету в каких-нибудь 2-3 километрах от наблюдателя и мысль, ползущая по поверхности земли, достигает горизонта и вместо того, чтобы привычно и скучно скрыться за ним, вдруг взмывает круто вверх – на небо, и вот она уже над головой в своём снежном великолепии, торжествующая и пугающая. Интересно было бы в связи с этим сравнить психологию северных и южных народов», – подумал напоследок Саагун и ушёл в себя.

Если бы кто-нибудь вошёл в этот момент в избу, он не нашёл бы в ней никого, кроме большого серого кота, свернувшегося клубком на подоконнике. Однако было бы неверно думать, будто мысли об абстрактной сущности снега принадлежали этому коту – животным, как известно, понятийное мышление не свойственно. Мысли эти принадлежали самому обыкновенному человеку по имени Саагун, вся оригинальность которого заключалась лишь в том, что он превращался в большого серого кота, когда уходил в себя.

25. ПЛОДЫ СИДЕНИЯ Щучкина Н.В., Бурдонова И.Б. и Трофимовой Л.В. СОВМЕСТНО С ПИВОМ

26 янв. 1971г.

РАЗ, ЕЩЁ РАЗ и РАЗОЧЕК – Щучкин
ТУ, ТУ-ТУ и ТУ-ТУ-ТУ – Бурдонов
ТРЕТЯЯ, она же ОПЯТЬ Я – Трофимова

РАЗ: Гениальная мысль №1 – Не, виж, када пиво хорошее, его можно пить.

(из Трофимовой)

Гениальная мысль №2 – Вино действует опьяняюще! (МОЁ).

Н. Щучкин.

ТУ: Ну ладно – не всё равно, что писать, лишь бы писать. Ежели я тут сижу, значит это кому-то надо. Значит, кто-то ждёт нетерпеливо и мнёт салфетку и кусает локти и заискивает в глаза и заглядывает через плечо и смеётся на сторону. У-у-у! Гады!

ТРИ (АНГЛ. произношение): От сестрёнки пахло водкой. А она еще молоденькая. Эшер моя фамилия.

ОПЯТЬ РАЗ: Всё я надеюсь, что вы мне дадите материалу для дальнейшего написания, ан – нет! Чего нет у вас, того уж нету. И пива скоро не будет. Так. Обещаю тада на следующее своё выступление выступить гениально. Или нет, через одно. Или нет, не гениально, а талантливо. Или нет, после...

ТУ-ТУ: Трямбль. Синкретическое мышление древних греков, как и вообще древних (ибо есть гипотеза, что разделение души и тела, и прочие разделения труда и духа возникли апосля) чего сказать-то хотел ах да что синкретическое мышление пробуждается пивом и другими алкогольными напитками потому что не знаю но твёрдо верю ещё четверть или около того и тога на мне и я буду писать почти гениально а пока чёрт его знает но во всяком случае забыл...

ТРЕТЯЯ: Обобщить надо, точки над «и» ... чтоб «й» получилось. Оттенить предыдущих мыслителей. Насчет разделения тела – это хорошо. И от души отделять – тоже, да. Но говорить об этом – не говорю.

РАЗ: ... и не надо. Давайте вот так, без мычания, то есть мучения мысли, сядем. Тихонечко так посидим, таак. Посидим так немножко, чтоб... После уже, тогда, потом, когда посидим, тогда уже, значит, будет эта... это... Ну, вот, сидим мы, значит, а продуктивности никакой. А я спрашиваю, я ведь могу спросить, верно? Я спрашиваю: а зачем она нужна?

Кто нужен?

Что кто?

Нужен, говорю, кто?

Куда нужен? Зачем?

Что?

ТУ-ТУ-ТУ: Увауй-гм... Нал и Вай пошли гулять рифму ставлю по каплям коля пиво льёт что делать. А я так скажу: то что мы пишем – пена от пива. Пушай осядет... Осела в голоууку.

ОПЯТЬ Я: Табуретка. У двери. Сядь – подумай. Ты ко мне пришел? Так. Ты думаешь: Я тебя жду. Ещё подумай. Ты думаешь, Я – тебя жду. Ты сядь, сядь. Звонка у меня нет. Стучать – громко – будешь? Решил уже? Стучи. Я выйду. К тебе

РАЗОЧЕК (объясняю – потуга не впасть в догму) Ко мне? А зачем? У меня уже есь всё. Впрочем, что мне надо? Нет, если я хочу быть диалектичным, то об этом нужно подумать. Всегда ведь чего-то хочется большего, чей есть. Размышление на эту именно тему приведет к такой глубине и запутанности, что, мне кажется, просто и не имеет смысла рассуждать. Что делать тогда. Он вот предлагает писать пьесу, например. Буду стараться, но заявляю, что просто так – ничего не выйдет. Хотя бы обсудить предварительно. Впрочем, не беда, если и начнём без обсуждения. Предлагаю, однако, начать, по крайней мере, со следующей страницы, чтоб усё штоб, а то и так одна сплошная дурость. Ну, может, и не совсем дурость, а так, не скажешь даже ничего. Хорошего. Так что давай со следующей страницы, если хошь...

[следующая страница]

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Бурдонов: ...Именинник улыбался. Есть улыбки, когда губы силятся чего-то источить, но не могут, – думал Александр, потягивая вино. Однако сам по себе именинник был бы,

быть может, и ничего, если бы не его жена. Её звали Анна и она была замужем. Александр вытянул ноги как можно дальше и наслаждался тем блаженным состоянием, которое возникает у гостей, которые ещё не торопятся, тогда как другие гости начинают нервно поглядывать на часы и тянуться к верхней одежде. Александру было хорошо и безразлично. Он упивался своим безразличием к происходящим событиям. Пьянка подходила к концу, бутылки были полупусты, закуска едва тронута, но хозяева довольны. Дуло револьвера приятно холодило бедро. Александр был готов достать его и положить на стол – так ему было безразлично. Из гостей остались трое...

Щучкин: Вообще я себя всегда неловко чувствую в новой компании. На этом дне рождения я только и знаю одного именинника более или менее, а так – больше никого. Девочек здесь много хороших. А меня всё терзают комплексы неполноценности. Вот эта мне здорово нравится. Знакомили, а я, как всегда, улыбнулся натянуто, здороваясь, а имя и не запомнил. А она – ничего себе так, телеса так... Этот тип рядом с ней сидит. Такая самодовольная рожа. Танцевал с ней сколько! Я тоже с ней танцевал: ничего так прижимается. Выпил я немного, но она всё-таки хороша, зараза. Интересно, парень у неё есть? А вообще, какое мне дело. Нет, надо попробовать...

Трофимова: К дьяволу, надоело. Я не бетономешалка. Если набраться терпения, можно получить то же – без видимых усилий. Что это – привычка – спешить? С товарищем справа... Через недельку намекнёт, что женщина, которая была у него в прошлый вторник, в общем-то его не очень интересуется. От такого заявления я должна буду радостно вспыхнуть. А потом мне опять что-то помешает дождаться естественного конца и прослушать вынужденное признание (нужно же с чего-то начать, если эта дура молчит). А то еще – интервью, типа: «О чём ты думаешь?» (С надеждой, что обо мне) – чаще всего – ни о чём, или о том, что я должен сделать в пятницу утром...

Бурдонов: Вверх, вниз, вверх, вниз... Рука с сигаретой качается в ритм музыки. Жизнь – это маятник. Вверх, вниз, вверх, вниз. Боже, как... А чего собственно? Да, слякотно. Начало, середина и конец. Начало – всегда банально. За небольшим началом не следует никакой середины. Люди

боятся небанальных начал. Середина – всегда глупа и наивна. Потому что люди не хотят конца. Конец – единственно трезв и справедлив. Но всегда неприятен, потому что конец. Как сделать конец – началом? Это вопрос. Человек, который спрашивает, всегда прав. Почему наша жизнь состоит из одних утверждений? Взять бы всех за шкуру, да поместить в нестандартные условия, где требуется... где нечего не требуется. Как они себя поведут? Как человек, который спрашивает самого себя, – естественно и просто. Где-то внутри меня застрял какой-то комок, который не даёт свободно течь мыслям. Этот комок, это препятствие на моём пути, эта досадная кость в горле – я сам. Ой! Земля уходит из-под ног, не на что опереться. Падаю, падаю вниз... Не верно. Я стою как стоял. Надёжно и скучно. Аннигиляция. Когда встречаются два мира – они аннигилируют. Очень красивый фейерверк. Человек с долотом. Высекает искры из сердец. Не стучите по моему сердцу. Оно отсырело. И не мудрено – в такую слякотную погоду. Подойди ко мне. Почему у тебя такие глаза? Ладно, закури. И мне дай тоже. А может разденемся и ляжем в постель? Что есть истина? Да брось ты – это всё предрассудки! Не тянись так ко мне, я ещё не возбуждён. Послушай, почему у тебя такие глаза? А чего тут думать? Не корову проигрываешь! Хочешь вина? А одиночества хочешь? Хочу сесть на вершину холма, где греет солнце и ближе к богу. Там чистый воздух и хорошие мысли. А ты скептик... Слушай музыку. Смычком по струнам моей души – не слабо? Хотя, конечно, если размышлять логично... Вот чёрт! Ну какого дьявола тебе такие глаза? Вообще-то ничего особенного, но мне не хочется аннигилировать. А надо. Мы же цивилизованные люди. Чего же ты хочешь? – спрашиваем мы себя – маятник вверх – а теперь ты сверху – маятник вниз – бокал вина – маятник вверх – пора обедать – маятник вниз – дым от сигареты – маятник вверх – встреча в транспорте – маятник вниз – всё проходит – маятник вверх – виток спирали – маятник вниз – рука на бедре – маятник вверх – глаза на снегу – маятник вниз – ритм в крови – маятник вверх – рука смелеет – маятник вниз – инстинкт обреченного – маятник вверх – гром отчуждения – маятник вниз – взгляд со стороны – вверх – в пересечении сердец – вниз – завертелся маховик общности

– вверх – здравствуй – вниз – прощай – вверх –
здравствуй=прощай – ...

Кажется, Гусев:

БУРДОНОВ КОНЧИЛ, А Я НАЧАЛ...

Я бы сказал, что все сентенции, посвящённые жизни, страдают одним существенным недостатком. Они все отражают истину настолько, насколько отражает мир тёмное бутылочное стекло: криво и неясно. Естественно, есть смысл в подобном отражении, но только красивая женщина, собираясь в театр, не станет за неимением хорошего зеркала причёсываться против пивной бутылки. Человеку нужны ясность и правдивость. Старики, постигшие большинство хитросплетений жизненных нитей, не пишут мемуаров, не читают нотаций, не устраивают вечера воспоминаний. Они живут, не принимая никаких рецептов, и все жизненные картинки отражаются для них в последние минуты перед уходом в иной мир. Сам человек тогда становится тем, кем он стремился стать, тем, одновременно, что он из себя представляет.

В сущности жизнь, это бесконечные поиски верного определения – что такое жизнь, бесконечное путешествие к той единственно, если не верной, то достойной внимания картине, которая предшествует смерти.

Господь бог сделал так, что знания, мудрость уходящих не передается в полной сохранности ещё живущим. В противном случае было бы очень скучно им.

Из двух супругов, я имею в виду любящих супругов, ни один не хочет умереть раньше или пережить другого. Зевс заметил это, и наградил одновременной смертью двух любящих друг друга старичков, когда счёл их лучшими людьми, из тех, кого он «экзаменовал». Это потому что умирающему перед смертью открывается ИСТИНА. Никому не хочется, чтобы любимое существо знало ВСЁ о нём, равно как и не хочет видеть перед собой другого без прикрас.

ПИШИ, ГАД, таково тваё предназначинье.
Тут ничаво, брат ни папишешь.
Продолжай своей мысли тиченья...
Я хотел стихи, но не выходить... Ша..

Бурдонов: Вот начало того абзаца. Не вижу связи. Потому что это написано для меня. Я подсмотрел в замочную скважину. Из любопытства. А там оказался человек. Всех любопытных надо вешать на крюк.

Что должен делать человек, когда он подсмотрел в замочную скважину и увидел там человека? Достоевщина. Всех достоевщиков надо вешать на крюк.

Гусев – экзистенциалист. Истина открывается, видите ли, перед смертью. Всех экзистенциалистов надо вешать на крюк.

Я посмотрел в зеркало и увидел там дурака. Всех дураков надо вешать на крюк.

Идиллия любящих старичков, видите ли. Судороги вместо оргазма. Всех стариков надо вешать на крюк.

26. Тексты 29-31 января 1971 года

- 1). ...Темнело. Ветра не было, но дверь скрипела
- 2). стихи ХОЧУ, НО НЕ БУДУ
- 3). стихи Козёл бородатый с осанкой осла
- 4). Столбик пепла
- 5). Рождённый ёрзать
- 6). 18 параграфов.
- 7). стихи Ночь старухой глядит в два окна

1) ...Темнело. Ветра не было, но дверь скрипела

29.1.71

...Темнело. Ветра не было, но дверь скрипела. Резная спинка подпирала Его лопатки. Он пребывал...

Вокруг ходили люди и говорили фразы. Одну за другой. Он внимательно прослушивал фразы и старался забыть услышанное, но это плохо получалось. Тогда он стал глядеть в пол. Пол был дощатым, и Он удивился, обнаружив на крохотном участке доски громадное количество деталей. Если столь же пристально вглядываться в металл, стекло или пластмассу, то вряд ли там можно будет обнаружить такое большое количество подробностей, подумал Он. То, что естественнее, – сложнее. Человек перевёл взгляд на свою руку, покоившуюся на подлокотнике кресла, и сжал её в кулак. Люди перестали ходить и вышли вон. Он встал с кресла и стал ходить по комнате, скрестив руки на груди. Он мыслил...

С точки зрения табуретки, Он был эстетом и неженкой, ибо предпочитал сидеть в кресле или на кровати. Более того, по временам в Нём прорывалось наружу хамство и откровенный цинизм, которые Ему, вероятно, всегда приходилось скрывать от других. Это случалось, когда он ставил на табуретку ногу, обутую в тяжёлые с рубцами ботинки. Табуретка была простой табуреткой, не склонной к самокопанию и хитроумным умосплетениям. Она мыслила просто, по-табуреточьи, – может быть, не всегда логично и аргументированно, но зато верно. Открытая душа, табуретка не выносила лакировки. Она резала правду-матку...

2) *стишки ХОЧУ, НО НЕ БУДУ*

ХОЧУ, НО НЕ БУДУ.

Я хочу быть добрым,
Ласковым и нежным.
Я хочу забором
Обнести коттедж свой.
Я хочу лелеять
В четырёх стенах
Пламя прометеево
Во моих стихах.
Но неясно тлеет
Во моей груди

3) *стишки Козёл бородатый с осанкой осла*

Козёл бородатый
С осанкой осла,
Потомок Сократа,
Вместилище зла,
Стоит у порога
Квартиры моей.
Два маленьких рога
Над парой очей.

4) *Столбик пепла*

Столбик пепла

Александр вставил сигарету в длинный костяной мундштук и зажёл спичку. Голая лампочка освещала террасу дома сильным белым светом. За окнами было темно и холодно. Мысли всплыли на поверхность сознания, как обломки потонувшего корабля, и целиком сосредоточились на окружающих предметах. Дверь, рама окна, стол, клеёнка, помятое ведро, стул на кривых ножках, кусок верёвки, веник. И на фоне всего этого – конец мундштука, дымящаяся сигарета со столбиком пепла и струйка дыма.

Александр прислонился к стене, поправил сползшую с плеча телогрейку

5) *Рождённый ёрзать*

Рождённый ёрзать - сидеть не может.

6) *18 параграфов*

- §1. Пришельцы из космоса
- §2. Путешествие во времени
- §3. Связь времён
- §4. Изначальная ирреальность бытия
- §5. Трое на дороге, ведущей в закат
- §6. Старик у камина
- §7. Приключение на борту звездолёта
- §8. Встреча с таинственной планетой
- §9. Прекрасная инопланетянка
- §10. Бунт машин
- §11. Встреча с неведомым
- §12. Гениальный учёный – шпион.
- §13. Глаза на снегу

§14. Космическая экспансия

§15. Мудрый правитель планеты

§16. Ананасы в шампанском – на Венере

§17. Кроманьонец, который понимал всё

§18. Чайник кипятку на Марсе

7) *стишки Ночь старухой глядит в два окна*

Ночь старухой глядит в два окна
Чуть расширенными зрачками.
Взаперти, в четырёх стенах
Ходит время, как кот, кругами.

Мысль застыла египетской мумией,
Не тревожа словесные пути.
Пальцы мнут в молчаливом раздумии
Пластилиновые минуты.

Это время моих забвений,
Это время печали белой.
Все надежды, мечты и падения
Обретают свои пределы.

Все, что было во мне нездешнего
Исчезает в тумане сером.
Так же просто уходят женщины,
Притворив за собою двери.

27. РЕЦИДИВ (попытка романа)

2.2.71

Бетонные плиты древнего шоссе скачками убегали за горизонт. Звуки шагов отчётливо пропечатывались в неподвижном холодном воздухе раннего утра. Где-то за спиной вставало солнце, и впереди колебалась длинная и нечёткая тень человека. Мысли его, отрывочные и жёсткие, при всей своей хаотичности были направлены в одну и ту же сторону. В сознании мелькали отдельные воспоминания детства, лица людей, отрывки разговоров и фраз, картины хорошо знакомых мест, привычные ассоциации. И в этом калейдоскопе представлений неизменно пульсировало странное, непривычное ощущение отчуждения. Как будто всё, чем человек жил, о чём думал, что видел и что чувствовал, повернулось под каким-то новым неудобным углом зрения, сместилось с обычного места и обнаружило свою оборотную неожиданную сторону.

Инки Таль шёл не спеша, погружённый в свои мысли, на плече у него болталась сумка с несколькими музыкальными дисками.

- №1. Другая планета.
- №2. Земля.
- №3. Другая планета. Грегор Дик – с Земли.
- №4. Другая планета. Грегор Дик был на Земле.
- №5. Другая планета. Земля фигурирует как объект исследования.
- №6. Другая планета. Бывшая колония Земли.
- №7. Другая планета. Потомки обитателей Атлантиды.
- №8. Другая планета. Гесперия = Земля.
- №9. Земля. Гесперия = колония Земли.
- №10. Другая Планета. Гесперия = колония на этой планете землян-космонавтов.
- №11. Земля. В смеси с землянами жители другой (других?) планет.
- №12. Другая планета. Примесь землян.
- №13. Интер-планета. Смесь людей с разных планет.

- №14. Молодые люди, которые несут авторскую концепцию.
- №15. В каждом эпизоде повествование ведётся от лица одного героя, несущего в данный момент авторскую концепцию.
- №16. Антураж времени действия есть смесь времён.
- №17. Ирония.
- №18. Самое сложное в описании людей будущего общества – это образ обывателя будущего.
- №19. Обыкновенный человек будущего – не обыватель и не великий мира того.
- №20. Обыватели всех времён и народов на одно лицо?
- №21. Будет ли в будущем интеллектуальная элита? Тогда чем отличается будущее от прошлого и настоящего? Тем, что элита – у власти?
- №22. Может ли быть общество, состоящее сплошь из суперменов? Наверное, всё-таки, нет. Но если общепризнанная мораль и идеология – суперменские, то каково живётся в таком обществе обывателям?
- №23. Обыватель без мании величия? Обыватель всегда был и сейчас есть обыватель с манией величия, сознающий своё неизблемое положение, уверенный в своей правоте. Постольку, поскольку всегда обыватель пользовался поддержкой и поощрением общества. Что случится с обывателем, если его лишить этой поддержки?
- №24. Общество всегда тянет за собой балласт обывателей. Общество без балласта – слишком лёгкий железнодорожный состав, который легко может сойти с рельс. Общество, сознающее это и рассматривающее этот балласт именно как балласт, общество с суперменской психологией – трезвое общество. Обыватель такого общества также трезв.
- №25. Может ли человек признать себя обывателем?
- №26. Что такое обыкновенный человек? Который не обыватель и не супермен? Может ли такой быть? Сейчас обыкновенный человек существует. Потому что общество имеет обывательскую психологию. Если же общество будет иметь психологию суперменов, то не произойдёт ли поляризация общества на обывателей и суперменов? Свободное общество ведёт к поляризации и через неё к фашизму?

- №27. А может быть обывателя следует описывать с лирической грустью?
- №28. Как уничтожить разрыв в авторском подходе к обыкновенным людям и суперменам?
- №29. Суперменство автора должно проявляться в суперменстве героев, а не в словах от автора – то есть не в оценке их.
- №30. Ирония в фантастике будущего общества. Где она?
-

Остывающей каплей расплавленного металла Солнце стекало по небосклону за линию горизонта, бросая на небо и землю кровавые отблески. Природа застыла в грациозном оцепенении. Ветер не смел шелохнуться, птицы не решались своим полётом нарушить всеобщую неподвижность.

Глосс любил эти минуты во время заката Солнца. Он стоял у окна и почти физически ощущал, как отдыхает мозг, суетливые мысли замедляют свой бег, сознание освобождается от груза мелочей. Как это ни странно, но часто несколько минут созерцания уходящего дня возвращали Глоссу бодрость и силы, потраченные в долгие часы напряжённой работы.

Хрупкую тишину надломил сигнальный звонок. Глосс отошёл от окна, которое представляло собой просто всю западную стену его кабинета, сел за стол и, достав досье по делу Питера Блоу, начал его перелистывать не потому что, что-нибудь искал, а, скорее всего, чтобы переключить своё внимание в нужную сторону.

В комнату вошёл Харди.

– Добрый день, – сказал он, усаживаясь в кресло.

– Добрый день, – ответил Глосс. – Ты что-нибудь разузнал о Ректе?

– Да, мне всё рассказал Винье.

– Ты уверен в этом?

– В чём? – не понял Харди.

– В том, что он тебе рассказал всё. И главное, ты проверял его слова?

– Нет. Да и как это сделать? А, кроме того, я не понимаю, какой смысл ему нас обманывать. Ведь если мы пойдём на коалицию с Блоу, то легко всё узнаем. А именно такую коалицию от лица Питера Блоу нам и предлагает Винье.

– Всё правильно. Но как быть, если Блоу нужен наш отказ?

– Зачем ему нужен наш отказ? – изумился Харди.

– Это я к примеру. Так что сообщил тебе Винье?

– Глосс, ты настроен скептически. А ведь я поддерживаю предложение Блоу. Во-первых, мы сможем держать Питера под постоянным контролем. Таких трюков как захват Урады он уже выкинуть не сможет. А во-вторых, Блоу, в самом деле, стоящий помощник. Хотя это и мальчишество, но Ураду он захватил мастерски.

– Это не мальчишество, а тонкий психологический расчёт. Как иначе он заставил бы нас обратить на него внимание и серьёзно отнестись к предложению о помощи?

– Пожалуй, верно. Там всё было построено на эффекте: фейерверк лазеров, взрывы, шум, грохот, штурмовые отряды ректианских молодчиков и правая рука наместника Совета оказывается тайным агентом Питера Блоу и арестовывает его.

– А, кстати, как наместнику удалось бежать? Он уверяет, что его кто-то спас, кажется?

– А это как раз самое смешное. Наместнику с перепугу показалось, что его спаситель перебил никак не меньше десятка ректианцев, тогда как на самом деле это был заранее подготовленный спектакль и спасителем оказался никто иной как Шарль Винье.

– Винье?

– Именно он. Этот ректианец попросил высадить его на Луне, будто бы по делам, а потом прилетел на Землю на пассажирском планетолёте. Блоу надо было, чтобы наместник попал в Совет и своими рассказами наделал побольше шуму.

– Ловко! Это ему, пожалуй, удалось. Так что же ещё рассказал тебе Винье?

– Ты, конечно, знаешь, что когда Блоу прибыл на Ректу, в работе с туземцами имелись значительные успехи. Питер постепенно сосредоточил вся работу в своих руках и после этого никаких сведений с планеты не поступало. То есть, конечно, формально

приходили ежегодные отчёты, но это только формально: в отчётах по существу ничего, кроме общих фраз не было.

– Всё это мне известно.

– Очень хорошо. Так вот из слов Винье, а также ещё кое из каких косвенных источников можно сделать вывод, что на Ректе образовалась своеобразная цивилизация внутри цивилизации.

Аварийный сигнал кибер-швейцара застал Питера Блоу на прогулке в парке. Немало удивлённый неожиданным и бесцеремонным вторжением в свои владения, Питер поспешил к дому кратчайшей дорогой – по узкой тропинке в зарослях дикого кустарника. У входа в здание он обнаружил скорчившегося на ступенях робота с бестолково дёргающимися конечностями. Пахло горелым пластиком. Незванный гость явно хотел привлечь к себе внимание. Блоу прошёл в свой кабинет, но не успел он отстегнуть замысловатую пряжку и стряхнуть с плеч тяжёлый плащ, как дверь шумно распахнулась, и вошел, или точнее вбежал, разбрасывая по ходу перчатки и шляпу, ректианин.

– Bonjour, Питер! How do you do?! Шарль Риккерт де Винье желает получить у тебя аудиенцию. Есть срочные news с моей захудалой планеты.

– Рикки, мой мальчик, я рад тебя видеть. Но зачем ломать машины?

– Это ты про тот колченогий табурет, что валяется за порогом этого дома? Он не хотел меня впускать: встал на дороге и стал молоть какой-то Quatsch.

– Его программировал я. Твой приезд для меня неожиданность.

– Тем хуже для робота – я проткнул его шпагой. Это point of honour!

– Ты ещё таскаешь с собой эту игрушку? Земляне не научили тебя спокойствию?

– Ты прав, учитель, земляне очень спокойны. Хуже того – они необыкновенно разумны. Но кажется и в истории Земли были весёлые времена?!

– И во времена французских мушкетёров было мало весёлого. Однако что случилось на твоей Лайне?

– Моя Лайна! Боюсь, что скоро она перестанет быть моей.

– Что это значит?

– Это значит, что один прохвост, один отпрыск ящика с учёным барахлом, один, видите ли, *sauveur la terre*...

– Друг, Аркадий, не говори красиво!

– Аркадий? Ах да, есть такая русская поговорка. Но ругань должна быть длинной, чтобы её можно было прочувствовать. А короче один член Совета, а именно Грегор Дик, имеет намерение заменить меня на Лайне машиной.

– Уже и Лайна? Что ж, этого следовало ожидать. Надеюсь, ты да согласишься?

– Of course! Но каков негодяй!

– Нам необходимо выработать план дальнейших действий.

– за этим я и приехал. Признаться, Питер, если бы не твои указания, я бы сбил спесь у этого Грегора. Я думаю, ты посвятишь меня в свои замыслы?

– Конечно.

Зябкое осеннее утро. Недвижимо небрежно наброшенное на небосвод лёгкое покрывало облаков – нет ветра. Солнце где-то у горизонта, но где именно определить трудно, – всё расплылось в жидком тумане.

Двое: Глосс и историк Громов – подошли к зданию космопорта дальнего приёма. Кроме них, в стороне ещё несколько человек нетерпеливо посматривали на часы. Через несколько минут посадка корабля.

– Что это за экспедиция? – спросил Глосс у историка.

– Ещё не установлено. Во всяком случае, очень дальняя – судя по кораблю начало XXI века.

– Ого! На звездолёте человек из XXI века – это интересно.

– Смотри! Кажется, начинается.

Действительно, высоко в небе сверкнула яркая звёздочка – корабль шёл на атомных двигателях. Шарахнулись в сторону облака. Тишину взрезал неприятный нарастающий гул. Несколько секунд – и громоздкая махина звездолёта повисла в десятке метров от земли. Ветер погнал тучи пыли – пришлось отойти в укрытие.

Вскоре всё кончилось. В нескольких сотнях метров от здания космопорта возвышалось гигантское неуклюжее сооружение. Прошло десять секунд и в бронированных боках звездолёта открылись люки, упали лепестки пандусов и на гладкое покрытие космодрома, грохоча и завывая, стали выезжать мощные вездеходы. Отъехав на некоторое расстояние, они окружили корабль плотным кольцом и замерли, насторожённо вращая лазерными антеннами. На корабле пандусы поднялись обратно, наглухо закрылись люки. Казалось, звездолёт собирается улетать.

– Что это он делает? – сказал Глосс.

– Странно. Очень странно, это похоже на пятую программу – высадка на особо опасных планетах, – заметил кто-то из собравшихся.

Немало озадаченные происшедшим, люди медленно направились в сторону корабля. Едва они прошли половину пути, как Громов воскликнул:

– Посмотрите на вездеходы!

В самом деле, на нескольких ближайших машинах антенны лазеров нацелились на людей.

– Дальше идти опасно, – сказал Глосс.

– Не собирается же он нас уничтожить?! – изумился кто-то.

Робот не двинулся с места.

– Иди в дом и жди приказа, – повторила Наташа. – Дик, он не понимает команды?

– Понимает, но подчиняется только мне.

– Только тебе? – изумилась девушка. – Но зачем же ты так его запрограммировал?

– В космосе, кроме меня, никого не было.

– Но ведь ты уже на Земле.

– Привычка. А, кроме того, так удобнее.

– Удобнее? Да ведь, кроме тебя, этим роботом никто не может пользоваться.

– На Земле достаточно машин.

– Странно...

За полупрозрачной панелью возник силуэт девушки. Панель упала вниз, и Грегор увидел Наташу. Сейчас она была в тёмном спортивном костюме, подчёркивающим линии её фигуры, распущенные волосы спускались ниже плеч.

– Дик? – удивилась девушка. – Так это тебя ждёт сегодня Глосс?

– Да.

– Мне поручено развлекать гостя. Глосса вызвали в Совет, он скоро будет.

– У меня ограниченный запас времени.

– И ты не хочешь провести его со мной?

– Я этого не говорил. Но мне нужен Глосс.

– Придёт твой Глосс. Через полчаса самое большое.

– Хорошо, я подожду.

– Ждать будем вместе, – Наташа провела Грегора в комнату и усадила в кресло. – Сейчас робот приготовит чай. По моему собственному рецепту.

– Спасибо, я уже обедал сегодня.

– А я и не предлагаю тебе обед. Дик, ты пил в космосе чай?

– Нет.

– Твоя машина не умеет готовить чай.

– Умеет, но не считает это целесообразным.

– Можно подумать, что твоя машина всё умеет.

– Было бы неверно так думать.

– А вот и чай, – из стены выдвинулся низкий столик с двумя чашками напитка. – Настоящий крепкий чай.

– Грегор, я хотела тебя спросить. Что, уравнения в локально проникающих пространствах ты получил один или машина тоже...

– Эти уравнения вывела машина самостоятельно.

– Но ты ничего не говорил об этом на конгрессе.

– А разве это имеет какое-либо значение?

– Нет, но... Пей свой чай, он уже остывает.

Маленький лагерь был разбит прямо на берегу реки. Теплая августовская ночь спускалась на землю, костёр прогорел, но раскалённые угли ещё давали достаточно света, чтобы ориентироваться в живописном беспорядке бутылок и закусок. Хмельные и радостные Нет Горн и Инка Таль сидели друг против друга на коленях, болтали всякие глупости и пили молодое вино, беспрестанно чокаясь по древнему обычаю землян. Они соревновались в произнесении тостов, смешных и серьёзных, торжественных и легкомысленных, и смеялись своим шуткам, своей молодости и своей беспечности. Несовременность обстановки забавляла их, пробуждала казавшиеся странными привычки и инстинкты древнего человека; от всего этого, да ещё от вина кружилась голова...

– Включим музыку? - спросил Нет.

– Угу, – глаза Инки озорно заискрились. – Знаешь, что я придумала? Представь себе, что сейчас тысяча девятьсот... ну скажем... пятидесятый год. Тогда в конце каждой недели люди выезжали загород отдыхать на природе. Это называлось уикенд. Они так же пили вино, веселились и танцевали...

– Они возили с собой огромные ящики с вот такой трубой...

– Эти ящики назывались патефонами. Потанцуем?

– А почему они любили танцевать?

– Не знаю... Может быть, потому что им нравилось как сейчас нам складывать свои движения с ритмами музыки. Может быть потому...

– Что они хотели доказать друг другу, что вдвоем они так же ловки, упруги, подвижны, как поодиночке. Так же красивы как поодиночке.

– Человек красив для кого-нибудь. Красив для себя только Нарцисс. Помнишь, как у греков? Он влюбился сам в себя и так и замер над своим отражением в воде. Он не смог бы танцевать ...

– А мы можем, и впрочем, даже неплохо.

– Мне всегда нравилось, как начинается музыкальная программа. Звуки идут ниоткуда. Рождаются из пустоты. Сначала то тише то громче, словно ищут тебя. Потом тихо-тихо, так что начинаешь прислушиваться. И чтобы другой услышал, кажется надо обязательно положить голову на плечо, и закрыть глаза, чтобы все вокруг исчезло.

– И медленно закружиться.

– И стать этими звуками, слиться с этим движением, соединиться кружением головы с вязью мелодии.

– Ты где научилась танцевать? В школе?

Расплавленное солнце огненной каплей стекало по небосводу в море. Тёмные медлительные волны, подгоняемые слабым и тёплым ветерком, едва дотягивались до берега, устало плескаясь у ног двух людей. Григорий и Наташа молча сидели на большом гладком камне, отполированном штормами многих веков. Обхватив руками одно колено, девушка тихо раскачивалась в такт дыханию моря. В лучах заходящего солнца плотная ткань свитера, облегающего её фигуру, отличала пламенем и металлом. Словно древняя кольчуга воина. И вероятно такие же вьющиеся, спадающие на плечи волосы были у молодых князей Московской Руси. Услышав это от Григория, Наташа рассмеялась:

– Ну что Вы, Дик. Кольчуги носили богатыри. У них были во-о-т такие плечи! – она широко развела руками. – И грудь колесом!

– В одном музее хранится кольчуга 13 века. Мне, во всяком случае, она мала.

– Тоже мне, нашли образец! Да Ваши плечи не то что в кольчугу, а и в дверь не протискиваются.

Вдруг откуда-то сверху сорвался лихой свист. Подняв головы, Григорий и Наташа увидели на краю обрыва фигуру Савина.

– Эй, хозяйева! Гости ожидают вас в вашем доме.

– Мы сейчас идём, Виктор! – ответил Дик и вместе с девушкой начал подниматься по крутой тропинке. На середине пути Наташа заговорила с Григорием:

– Вчера вы предложили мне участвовать в эксперименте. И сейчас, вероятно, ожидаете ответа.

– Я не тороплю тебя.

– Я уже подумала и теперь соглашаюсь... только...

– Что только?

– Григорий, я слишком хорошо помню ТОТ ужас, ТОТ безумный уничтожающий страх! Я всегда старалась забыть. Иногда мне казалось, что я забыла уже навсегда, но потом всё снова вставало в памяти с беспощадной ясностью. А теперь...

– Понимаю. Мы примем все меры предосторожности. Начнём с самого простого и будем продвигаться медленно с максимальной осторожностью.

28. стишки Из цикла «ДЕТСКИЕ ГОДА».

Лирическое

2.2.71

Как-то раз зимой на даче
Я глотал табачный дым,
Мир был девственно прозрачен,
Я был очень молодым.

Я глядел с тоской в окошко
Пожирая взором лес.
Я был глуп тогда немножко
Сдуру в душу к людям лез.

Думал я, что мир прекрасен
Я не знал себе границ.
И гордился я напрасно
Длиннотой своих ресниц.

Я хотел любить и плакать,
Целовать её лицо,
И её в неравной драке
Уберечь от подлецов.

Я не знал, что в этой жизни
Много прозы и тоски,
Что до жизни в коммунизме
Мы ещё не доросли.

А она была строптива –
Она мне не отдалась.
Поступила некрасиво:
От меня к нему ушла.

Я теперь в себе уверен
Годы прожил я не зря.
Чары девственной Венеры
Мне теперь до фонаря.

29. стишки Попурри из стихов и мыслей 1971 года (70?)

2.2.71

Сегодня вечер будничный,
Предлогов – никаких.
А я поехал пьянствовать
Среди друзей своих.
А я поехал праздновать
Своей тоски начало.
Солью бокалы разные
На дно своей печали.

СТРОГО ГОВОРЯ, ЖИЗНЬ не так плоха, как кажется. Особенно,
если учесть, что всё проходит. Вот истина жизни.

Всё проходит. Безднадёжны попытки остановить мгновение.

Всё проходит. Значит, нет ничего, достойного существования.

Всё проходит. В этом заключена основа надежды.

Всё проходит. С каждым днём мы теряем целый мир. Мир
вчерашнего дня. Что с того, что завтра мы приобретём новый
мир? Послезавтра мы его потеряем.

Всё проводит. Уходят друзья и женщины. Уходят надежды и
сомнения. Уходят радости и беды. Уходим мы...

МЫ ВСЕ НЕМНОЖЕЧКО ШАЛЬНЫЕ,
Нам всем чуть-чуть не по себе.
Мы словно узники Бастилий
Готовим втайне свой побег.

К самим себе побег отчаянный...
Себя встречаем мы молчанием
Как непрошенных гостей.

Тонкая девочка с русой косой; быстрые руки,
внимательный взгляд...

Твои тонкие быстрые руки,
Твой шальной недоверчивый взгляд
Я ни разу не вспомнил в разлуке...

Не смотри на меня вопросительно,
Не ищи объяснения встреч –
Я пришёл к тебе только как зритель,
Просто выдался пасмурный вечер.

Изначальная ирреальность бытия... Темнело. Ветра не было, но дверь скрипела. Резная спинка стула подпирала ЕГО лопатки. ОН пребывал...

Вокруг ходили люди и говорили фразы. Одну за другой... Что-то знакомое. Зашагали ноги, заговорили голоса, захлопали двери... СОН. Я пришёл к тебе только как зритель...

Дзинь! Дзинь! Леди и джентльмены, занимайте свои места в партере! Уже был второй звонок. Начинается следующий акт премьеры трагикомедии «Жизнь». Быстрее! Быстрее!

...Мадам! О, мадам! Куда же Вы в шубе? Нет, нет, никак нельзя. Подумайте, как Вы будете воспринимать тонкие переживания актёров, если на Вас будет шуба!..

Быстрее! Быстрее! Зрители успокаиваются, актёры встали в позы! Проектора! Эй, там, наверху! Какого чёрта вы включили синий свет? Вы что, хотите, чтобы актёры выглядели мертвецами? Вот так! Начинается следующее действие под названием «Я вас любил...». Трагикомедия с клоунадой, диалогами, страданиями героев, воспоминаниями и мечтами, с барабанным боем и похоронным маршем! Маэстро – музыка! Всё готово. Занавес!!

...Ох, ты господи! Наконец-то можно отдохнуть. Сядем в кресло, закурим сигарету и вытянем ноги во всю длину... Пока актёры разыгрывают свои роли, а зрители жуют конфеты и резинки, можно спокойно посидеть за кулисами «Жизни» и поразмышлять, не торопясь и без претензий... (из записок конферансье на премьере трагикомедии «Жизнь»)

Далеко за полночь
Мысли дан карт-бланш,
Интеллект отточен,
Как острый карандаш...

КАК НАША ЖИЗНЬ НЕОДНОЗНАЧНА

И как неясна наша цель!

Как много попусту растрчено

Желаний мыслей чувств и дел!

Как мы подчас бываем мелкими

В забвеньи собственных измен!

Неумолимо мчатся стрелки

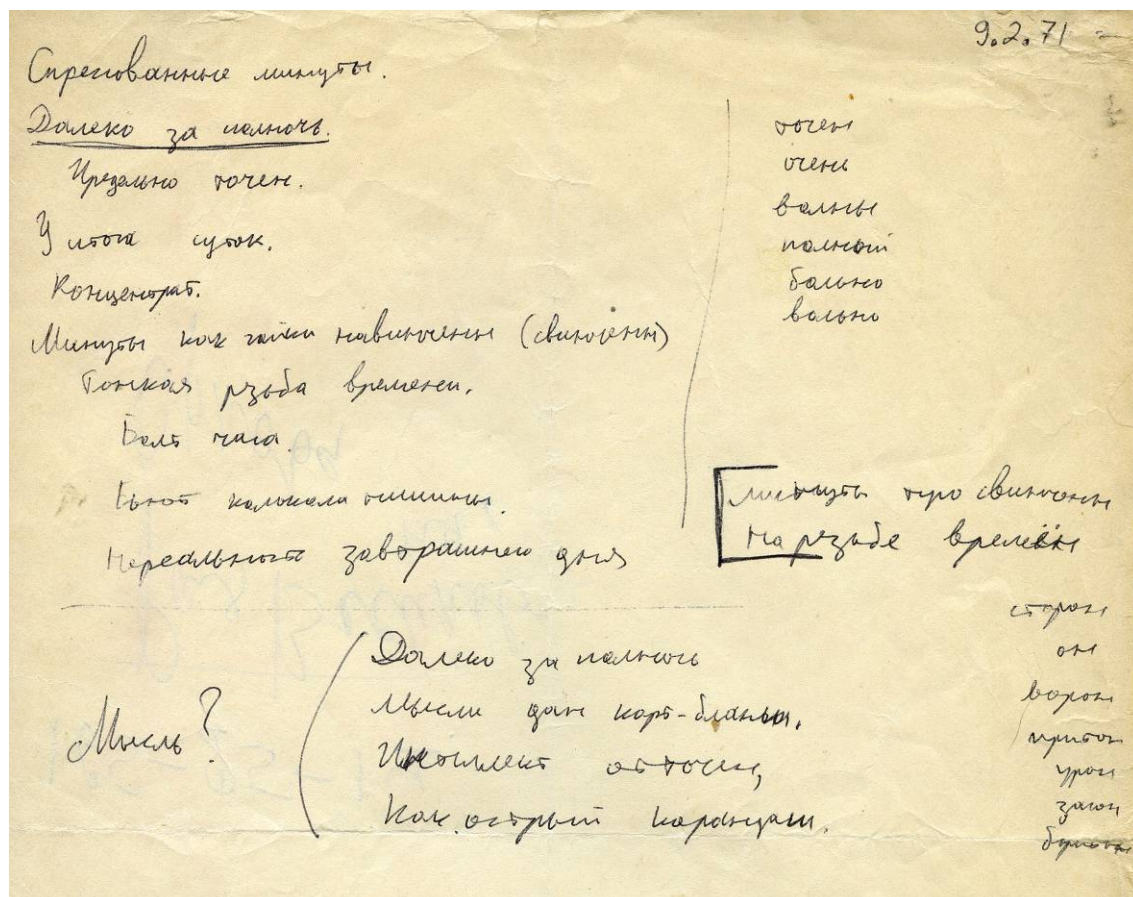
По циферблату перемен...

НЕСКОЛЬКО СЕНТЕНЦИЙ:

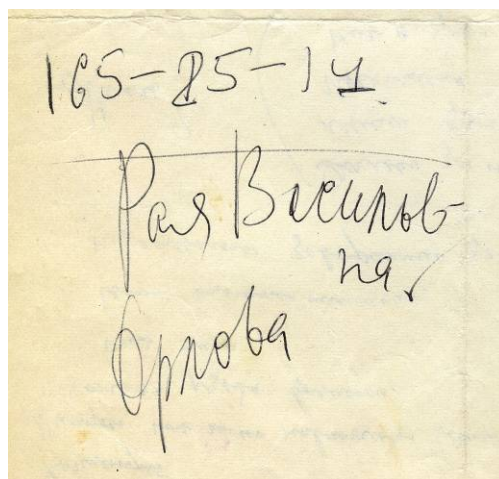
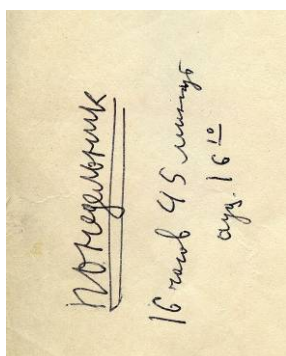
- §1. Отрезвление пришло, но надежда осталась. Эта смесь мне нравится.
- §2. Не бывает света без тени – можно лишь не замечать теней.
- §3. Закрывать на что-то глаза – значит кастрировать свой интеллект.
- §4. Тень есть продукт света, не бывает одного без другого. Говорить на заведомо белое, что это чёрное – какой смысл?
- §5. Интеллект в мире эмоций – это механизм, при помощи которого мы правильно распределяем свет и тени
- §6. Если человек слишком серьёзно относится к самому себе, к тому, что он делает, к своим эмоциям, к своим убеждениям, идеалам и мыслям – это всегда немножко неменяемый человек и, как правило, это скучный человек.
- §7. Надо всегда быть немножко за кулисами.
- §8. В каждом из нас сидят два человека: тот, который живёт, и тот, который наблюдает за этим. Мы актёры и зрители одновременно.
- §9. Жизнь – это всегда немного игра.
- §10. Надо смотреть на жизнь, как на своего рода эксперимент.

30. стишки Далеко за полночь мысли дан карт- бланш

9.2.71

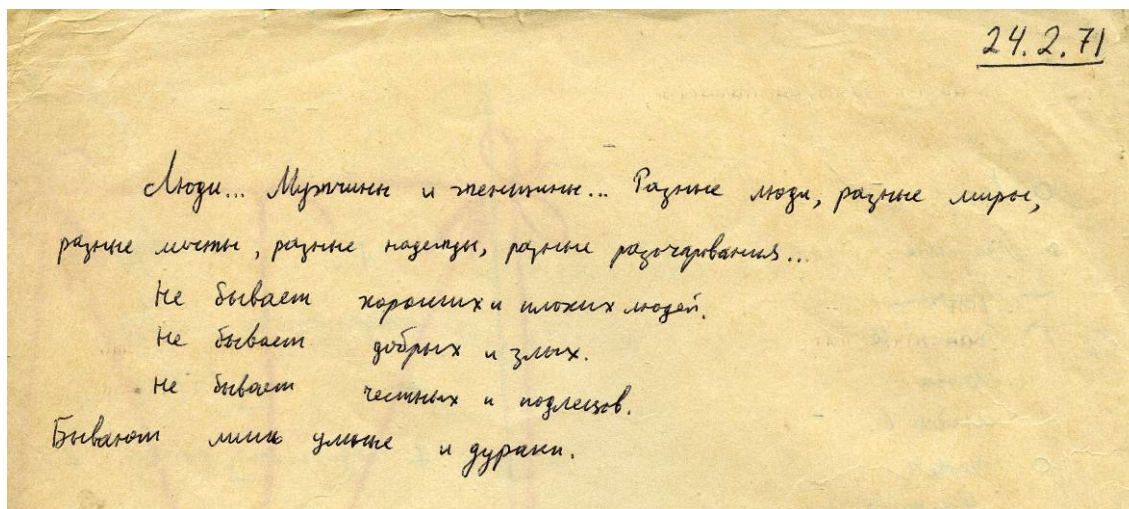


Далеко за полночь
 Мысли дан карт-бланш.
 Интеллект отточен,
 Как острый карандаш.



31. Люди... Мужчины и женщины...

24.2.71



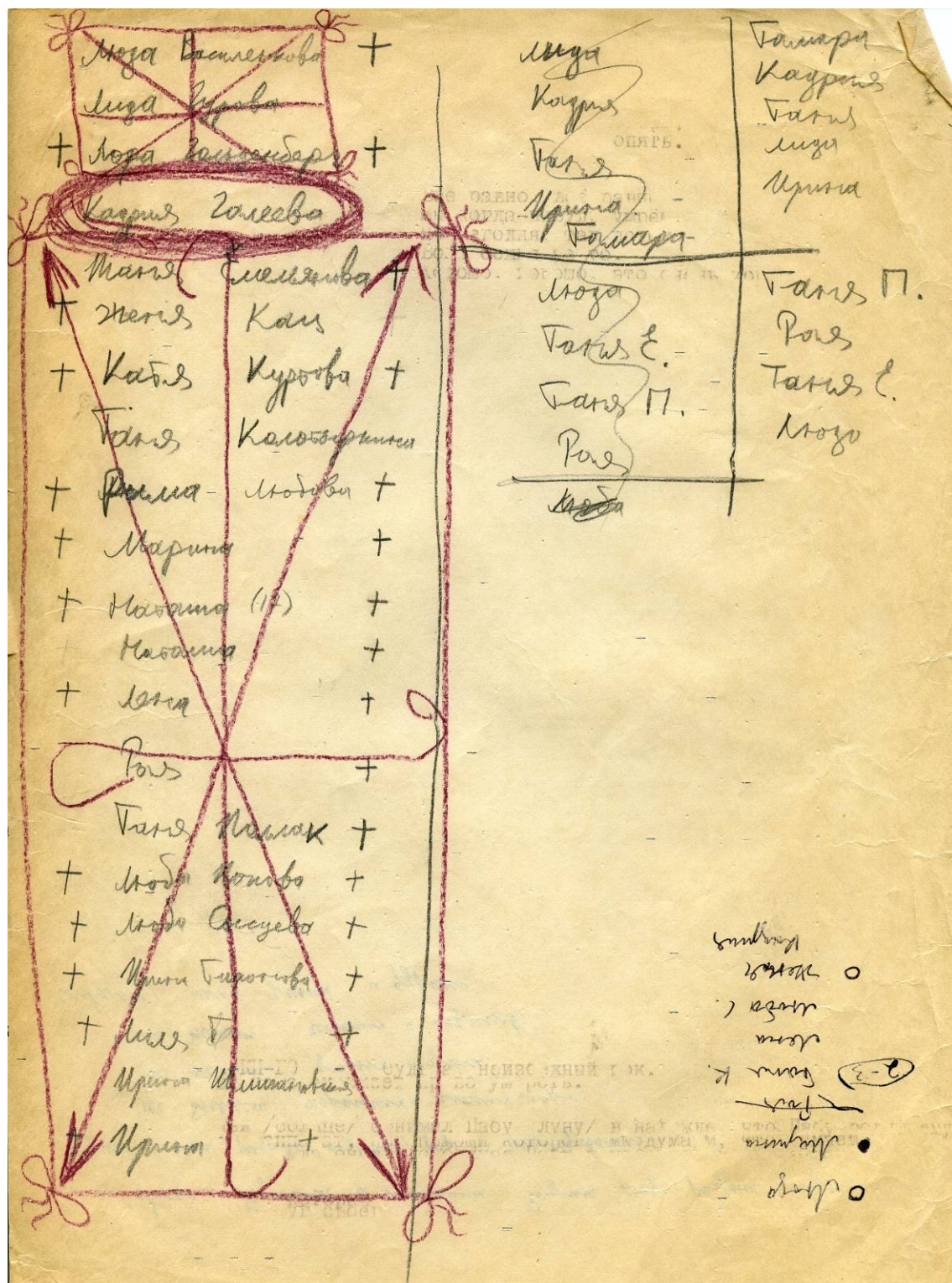
Люди... Мужчины и женщины... Разные люди, разные миры, разные мечты, разные надежды, разные разочарования...

Не бывает хороших и плохих людей.

Не бывает добрых и злых.

Не бывает честных и подлецов.

Бывают лишь умные и дураки.



32. СКАЗКА НИ О ЧЁМ

- 1). *За ночь у меня выросли крылья*
- 2). *Я – Мефистофель.*
- 3). *На восьмом этаже жилого дома по Садовому Кольцу*

1) *За ночь у меня выросли крылья*

За ночь у меня выросли крылья. Я сразу понял в чём дело, едва открыл глаза. Крылья были белые и очень большие, во всю длину тела. Для того чтобы расправить их, мне пришлось встать на стул посередине комнаты и направить одно крыло в верхний угол комнаты, а другое – в противоположный нижний угол, по большой диагонали параллелепипеда моего жилища. Это были сильные крепкие крылья без всяких ненужных украшений, строгой формы. Но именно этой силой и простотой они были по-настоящему красивы.

Я быстро привёл себя в порядок, выпил несколько чашек хорошего крепкого чая и позвонил в институт предупредить, что сегодня я буду работать дома. После этого я открыл окно, взлетел вверх, выше троллейбусных проводов, и полетел медленно вдоль улицы. Некоторые любопытные останавливались посмотреть, как работают мои крылья. Со стороны это, вероятно, должно было выглядеть красиво – редкие плавные и сильные взмахи белых, как только что выпавший снег, крыльев равномерными толчками двигали моё вытянувшееся в струнку тело вперёд. Некоторые прохожие удивлённо почёсывали в затылке, показывали на меня пальцами, другие приветливо махали рукой – как-никак не каждый день у людей вырастают крылья за спиной.

.....

2) *Я – Мефистофель*

Я – Мефистофель. С 12 до часу ночи.

Я – Фауст. Всё остальное время.

.....

3) На восьмом этаже жилого дома по Садовому Кольцу

На восьмом этаже жилого дома по Садовому Кольцу в моей квартире вместе со мной живёт Конь. Белый арабский иноходец. Каждый вечер, как только раздаётся по радио первый удар кремлёвских курантов, мой Конь наостряет уши, поднимает голову. Он подходит к моему рабочему столу, горячо дышит мне в затылок и нетерпеливо бьёт копытом по паркетному полу.

И я должен отложить работу и вместе со своим Конём отправляться на прогулку. У меня нет ни седла, ни уздечки. Я вскакиваю на Коня и держусь за его длинную подвижную как ртуть гриву. Мой Конь осторожно спускается по лестнице, бетонные ступени отвечают чёткими быстрыми звуками, эхо улетает вверх, проскальзывает в узкую щель, вокруг которой извивается лестница, и теряется где-то там, на двенадцатом этаже дома.

Влюблённая парочка в подъезде не замечает нас, и вот мой Конь уже бежит неторопливой рысью по Садовому Кольцу во втором ряду. Нас обгоняют такси и последние автобусы. Но постепенно мой Конь набирает скорость и вот уже он несётся стремительной иноходью, которая удаётся на такой скорости только моему Коню. Мой Конь никогда не переходит на галоп, но движется он необычайно быстро, просто мчится стрелой вдоль улицы точно по центральной линии. Ветер бьёт мне в лицо, городские огни сливаются в сплошные линии, я уже не различаю ничего вокруг. Неподвижна только упрямо пригнутая вниз узкая голова моего Коня, да ещё звёзды над головой...

33. стишки БАЛЛАДА О ПРОСТОТЕ

9.3.71

О, господи! До чего же гнусное состояние. Состояние сие гнусно своей фатальной беспричинностью. Полная девальвация всех желаний. Это ничто иное как результат длительного безделья.

БАЛЛАДА О ПРОСТОТЕ

Дети, женщины, мужчины
Изнывают от тоски –
Этой жизни беспричинность
Их волнует и томит.

Ах! Карету мне, карету!
В голове сплошной туман.
Люди словно статуэтки
Расфасованы в домах.

Я хочу уйти на крышу,
Сесть спиной к печной трубе
Дальний колокол услышать –
Панихиду по себе.

Прекратите этот юмор!
Ничего смешного нет.
Я подсчитываю сумму
Прошлых радостей и бед.

Утро позднее.
Очень скучно.
Солнце розовое –
За белой тучкой.

Ах, что-то происходит
С обычными вещами.
Как будто люди ходят
С кинжалом под плащами.

Дым сигареты.
Солнца луч.

Друзья и женщины меня
Себе за равного считают.
А я, молчание храня,
Им тем же самым отвечаю.

Но если б мог я им сказать,
Кто я такой на самом деле,
Они б, наверное понять
Такое вовсе не сумели.

А я ведь прост, как огурец –
Закуска к водке и не более.
Я не герой и не хитрец,
И не ищу я ветра в поле.

А мне синица в клетке прочной
Дороже всяких журавлей.
Любви и дружбе непорочной
Предпочитаю сто рублей.

А вы ко мне с серьёзным видом,
А я шутя, всё со смешком.
Неужто сразу вам не видно,
Что вы общаетесь с шутком?

Я шут, мне место в балагане.
Я не могу серьёзно жить.
Моё великое призванье –
Людей дурачить и смешить.

34. Мир устроен плохо

до 15.3.71

Мир устроен плохо. Даже скверно. И нет ему оправдания. Ничему нет оправдания. Оправдание – это слишком роскошно при нашей бедности. Поэтому нам приходится довольствоваться констатацией. Такова природа вещей, так устроен мир. Плохо устроен. Даже скверно. Ничего не поделаешь. Нечего делать.

Зачем вы стоите на голове? С такой позиции вселенная, должно быть, предстаёт перед вами совсем в извращённом виде. Вы не можете постигнуть суть вещей и координацию мира. Кроме того, кровь приливает к вашему лицу, и оно становится красным, как варёный рак. Может произойти кровоизлияние в мозг. Не лучше ли перевернуть вас и поставить с головы на ноги?

Мне не совсем понятно ваше функциональное назначение. Ваш образ жизни и мыслей, быть может, и оригинален, но я не усматриваю в нём практической для себя пользы. Мне не совсем понятно, с каким маслом вас надлежит кушать. Предоставить же вам право на автономное существование – слишком расточительно для меня. Будь вы мужчиной, я мог бы получить удовольствие (впрочем, сомнительное), набив вам морду. Будь вы женщиной, я использовал бы вас по прямому назначению. Но ведь вы претендуете на звание мыслящего существа! Право, вы ставите меня в тупик таким поведением.

По вечерам жители нашей Деревни обыкновенно собираются в одном месте. Мы пьём чай и сплетничаем.

35. Жизнь человека состоит из скачков

15.3.71

Жизнь человека состоит из скачков. Скачок начинается с какой-либо «бодренькой» идеи. Человек увлекается этой идеей, и вся его жизнь преломляется в кривом зеркале этого увлечения. Идея сия должна быть по возможности наиболее удалена от реальной действительности по содержанию и наиболее близка к ней по форме. Это должна быть ИГРА.

Играя в заданную игру, человек невольно проецирует правила, атмосферу, задачи и т.п. этой игры в реальный мир. Отношение человека к игре, несерьёзное по сути своей, становится в какой-то степени отношением человека и к реальной жизни. Самая жизнь представляется ему игрой. Разумеется, при всём при том человек отдаёт себе полный отчёт в иллюзорности и односторонности такого подхода к жизни. Человек рассматривает жизнь со стороны, как игрок, и воспринимает жизнь несерьёзно, как нечто забавное и интересное, но к нему лично не имеющее прямого отношения. И, самое главное, такое же отношение складывается у человека и по отношению к нему самому. Взгляд на самого себя со стороны.

Игра в обязательном порядке должна быть САМООРГАНИЗУЮЩЕЙСЯ: она должна сама себя порождать, генерировать всё новые и новые идеи в плане генеральной идеи игры. Только тогда игра может составить содержание жизненного скачка. Когда игра захватывает человека целиком и полностью, сам этот человек становится элементом игры. Человека волнуют проблемы и ситуации, не имеющие к реальной действительности ровным счётом никакого отношения по своему содержанию и, наоборот, абсолютно идентичные ей в плане формы и структуры.

У человека вырабатывается своего рода математический подход к своей жизни: его начинает интересовать не субстанция жизни, не реальный смысл жизни, а лишь формальные отношения структуры и динамики, которые имеют место быть в жизни, но которые, вообще говоря, могут соответствовать и чему угодно, в данном случае – игре. А это как раз и есть метод математики по своему философскому аспекту: как раз математика в отличие от всех наук не занимается изучением существа дела, а лишь формы.

Не следует думать, что процесс игры обедняет человека, что игра никому не нужна и означает только напрасно потерянное время. Дело обстоит как раз наоборот. Именно игра даёт возможность получить пусть односторонний, но очень ясный и всеобъемлющий взгляд на жизнь. Игра даёт чёткие и определённые начальные позиции, точки отсчёта и измерительные инструменты. Через свой ассоциативный аппарат человек может устанавливать аналогии между игрой и жизнью и таким образом получать множество ценных сведений и наблюдений о жизни, устанавливать презабавные закономерности и т.д. и т.п. Главное в игре – это то, что она МОДЕЛИРУЕТ жизнь. А, как известно, моделирование – это единственный способ познания окружающего нас мира. Но игра моделирует не только жизнь, но и самого человека, самого игрока, моделью этого человека является его место в игре.

Кроме того, в отличие от серьёзного отношения к жизни, во время игры человек превосходно осознаёт всю односторонность и несоответствие игры и жизни (как всякое несоответствие модели и объекта). И это даёт ему необычайно трезвый и широкий взгляд на вещи. Игра, выходит дело, не ограничивает, а как раз наоборот, расширяет горизонт человека.

36. Церковь. Утреня

19.3.71

Церковь. Утреня.

Лекция на факультете журналистики МГУ.

Московские улочки.

Архангельское.

Если факты против нас – тем хуже для фактов.

Иоганн Себастьян Бах.

Просто секс.

Я пришёл к выводу, что всё окружающее нас есть действительно объективная реальность, данная нам в ощущения и независимая от нас.

Научно-популярные статьи с Гусевым. Научная публицистика.

Разбойники в Нододевичьем.

Зеленоград. Чай.

37. К изначалу возвращение

весна 1971

... К изначалу возвращение. Ибо всё имеет своё начало. Ибо это начало совпадает с концом. Всё возвращается на круги своя.

... Тихо. Ничего нет. Всё стало маленьким и негромким. Разве это плохо? Не печалься. Ведь мы уже можем расстаться. Потому что всё равно ты останешься. Сегодня очень грустно. Так и должно быть. Так случилось. Есть ты. Есть я. И вот стало что-то третье. Оно не очень понятное и не очень счастливое и не очень печальное. Что это третье?

... Время бежит. Ты слышишь, как бежит время? Тихий шелест убегающих минут, они скользят стремительно в прошлое. Их нельзя вернуть. Прекрасное мгновение, наступит ли оно когда-нибудь? Посмотри назад, может быть оно уже в прошлом? Мы что-то делаем, мы ничего не делаем, мы размышляем, мы радуемся, мы скучаем, мы печалимся, мы мучаемся... Но вспомни, что минуты всё время одинаково быстро убегают в прошлое. Мы качаемся на «скользкой снежинке времён». Всё проходит, всё приходит, всё возвращается. Это вовсе не странно и не печально, и не радостно. Это просто бежит время, так устроен мир, так устроены мы...

Лилия Трофимова:

Вздох... Хрип. Крик. Топочет, до визга напряжены мышцы – ноги, ноги, ноги... Стены обрываются и летят вниз, за плечи – в одну линию – бетонный тоннель, конец – нет конца. Поворот, ещё – то же. Пляшет, глумится лабиринт, кружит... Окна оскалились раскорёженными рамами, захлупали, заквакали, задребезжали стёклами. Гон. Травля. Ату его, ату! Плеском, воплем о камни разбилось ВРЕМЯ.

38. ОПЫТ САМООПРАВДАНИЯ

25.3.71

Ну что, мой маленький мальчик? Ничего, моя странная девочка. Ничего не могу тебе гарантировать, кроме одного. Только то, что сам требую от других людей, я могу тебе гарантировать. Свободу выбора твоего. Хочешь – приходи. Не хочешь – уходи. Раздумаешь – приходи. Раздумаешь – снова уйдёшь. Только свободу. Но сердце моё несвободно – предупреждаю. Оно заключено в оси координат моего рассудка. Ты апеллируешь к моему рассудку? Напрасно – это всё равно, что апеллировать к арифмометру. Важен не арифмометр, а то, что на нём считают. Замкнутый круг. Порочный круг. Всё возвращается на круги своя...

Сердце и рассудок? О нет, сам я никогда не мыслю в терминах этой противоположности. Разве что для других. Дело не в этом...

Я пришёл к тебе. Потому что я иду к той, другой. Но её нет. Она даже не плод моего воображения, она – лишь путь, по которому я иду к ней. Не ревнуй .меня. Я ведь пришёл к тебе. Разве можно ревновать к тому, кого нет. Можно? Тогда она есть. Это ты. Я пришёл к тебе и увидел, что ты – это она. Я пришёл к ней и увидел, что она – это ты. Всё правильно. Но ведь мы всё равно знаем: ты – это ты, а она – это она. Её нет в прошлом. Её нет в будущем. Она есть только в настоящем, и в настоящем она – это ты. Что будет завтра? Завтра будет будущее, а её там нет. Там есть ты. Там есть я. Разве? Ведь и тебя завтра не будет и меня завтра не будет. С каждым днём мы теряем целый мир – мир вчерашнего дня. Завтра мы будем трезвее. И мы будем плакать о потерянных иллюзиях...

Но дело не в этом. Я люблю тебя. Это так. Но это не так – я люблю её. Я люблю её. Это так. Но ведь это не так – я люблю тебя. Не будем играть словами. Из всего спектра моих отношений к человеку лишь очень немногое я, быть может, смог бы назвать любовью. И это не самое лучшее. И это не самое моё. Ведь любовь – это абстракция. Возможно полезная, даже необходимая – не спорю. Но вернёмся к реальности. Разве абстракции лучше реальности? Абстракции могут воплощаться в действительность? Пусть так. Сегодня этого нет. Я всегда говорю: это будет завтра. Наверное, наступит момент, когда я скажу: это было. Вчера. Разве можно сказать:, это есть сейчас?

Но дело не в этом. Вернёмся к реальности. То есть станем самими собой. Тебе хорошо со мной? Будь со мной. Тебе хочется уйти? Уйди. Ты не знаешь? Брось монетку. Орёл или решка. Бросила? Выбрала? Значит, всё правильно. Тебе не нравится результат жеребьёвки? Значит ты обманулась – ты знаешь, чего тебе хочется. Ах,

ты не знаешь чего ты ХОЧЕШЬ... Ты хочешь его. А его нет. Он даже не плод твоего воображения – он лишь путь, по которому ты идёшь к нему. Я не ревную тебя. Ведь ты пришла ко мне...

Но дело не в этом. Мы безразличны. И при всём нашем безразличии, нам бы хоть капельку безразличия! Мы вовсе не безразличны – мы максималисты. И при всём нашем небезразличии, нам бы хоть капельку небезразличия! Мы совсем не безразличны к тому, чего мы хотим, но мы безразличны к тому, что есть. Так не надо. Жизнь состоит в том, чтобы жить, а не в том, чтобы готовиться к этому или ждать этого. Если нам бывает хорошо друг с другом, разве это плохо? Нам не так хорошо, как хотелось бы? Нам никогда не будет так хорошо, как хотелось бы. Но может быть лучше? Верно. Когда тебе будет лучше, со мной или без меня, тогда и поговорим об этом. Это противоречит максимализму? Разумеется. Но противоречит ли это тебе? Если да, значит ты знаешь, чего ты хочешь. Точнее – ты знаешь, чего ты не хочешь. И мы расстаёмся. Ты не знаешь, противоречит ли это тебе? Следовательно, сейчас это тебе не противоречит. Когда будет иначе, тогда и поговорим. Но дело не в этом...

Мне не плохо живётся. На улице хорошая погода. У меня неплохие задатки. У меня есть интересные занятия. У меня есть надежды и желания. Совсем хорошо: у меня есть сомнения и разочарования. У меня есть воспоминания, у меня есть любимые образы, мысли и ассоциации. Меня окружают неплохие люди, даже хорошие, некоторая даже отличные. Я могу размышлять, я могу спорить, я могу волноваться, я могу радоваться, я могу грустить. Мне бывает очень хорошо, мне бывает очень плохо. Я живу. Но дело не в этом...

Я один. Я – в изоляции. Полная, глухая, непробиваемая изоляция. Как-то от скуки я заглянул себе внутрь и усмехнулся. Вот тогда и родился ОН – дьявол моей печали, мой печальный дьявол... С тех пор он живёт во мне. Он неплохой парень, хоть и не человек. С ним можно поговорить о квазарах, поболтать о Камю или поспорить о плюралистической демократии. С ним можно выпить бокал вина или рюмку водки, выкурить сигарету или просто помолчать. Только есть у него одна дурная привычка: мой печальный дьявол усмехается; он усмехается тому, над чем нельзя усмехаться и остаётся серьёзным, когда все смеются... Впрочем, у каждого есть свой маленький недостаток.

Но дело не в этом. Просто «я придумал ложь – лучше не найдёшь, Что этот грустный край – су-щий рай!» И ещё одна цитата, пусть слишком длинная, но хорошая:

« Бог создал глину.

Бог создал глину.

Богу стало скучно.

Богу стало скучно.

И бог сказал комку глины:»Сядь!»

И бог сказал комку глины:»Сядь!»

Взгляни, что я сотворил, – сказал бог, – взгляни на моря, на небеса, на звёзды.

Взгляни, что я сотворил, – сказал бог, – взгляни на моря, на небеса, на звёзды.

И я был тем комком, кому повелели сесть и взглянуть вокруг.

И я был тем комком, кому повелели сесть и взглянуть вокруг.

Счастливцев я, счастливый комок.

Счастливцев я, счастливый комок.

Я, ком глины, встал и увидел, как чудно поработал бог!

Я, ком глины, встал и увидел, как чудно поработал бог!

Чудная работа, бог!

Чудная работа, бог!

Никто, кроме тебя, не мог бы это сделать! А уж я и подавно!

Никто, кроме тебя, не мог бы это сделать! А уж я и подавно!

По сравнению с тобой я чувствую себя ничтожеством.

По сравнению с тобой я чувствую себя ничтожеством.

И, только взглянув на остальные комки глины, которым не дано было встать и оглянуться вокруг, я хоть немного выхожу из ничтожества.

И, только взглянув на остальные комки глины, которым не дано было встать и оглянуться вокруг, я хоть немного выхожу из ничтожества.

Мне дано так много, а остальной глине так мало.

Мне дано так много, а остальной глине так мало.

Благодарю тебя за честь!

Благодарю тебя за честь!

Теперь ком глины снова ложится и засыпает.

Теперь ком глины снова ложится и засыпает.

Сколько воспоминаний у этого комка!

Сколько воспоминаний у этого комка!

Как интересно было встречать другие комки, восставшие из глины!

Как интересно было встречать другие комки, восставшие из глины!

Я любил всё, что я видел.

Я любил всё, что я видел.

Доброй ночи!

Доброй ночи!

Теперь я попаду на небо!

Теперь я попаду на небо!

Жду не дождусь...

Жду не дождусь...

...УЗНАТЬ ТОЧНО, КАКОЙ У МЕНЯ ВАМПИТЕР...

...УЗНАТЬ ТОЧНО, КАКОЙ У МЕНЯ ВАМПИТЕР...

...И КТО БЫЛ В МОЁМ КАРАССЕ...

.. И КТО БЫЛ В МОЁМ КАРАССЕ...

...и сколько добра мой карасе сделал ради тебя.

...и сколько добра мой карасе сделал ради тебя.

Аминь.

Аминь».

Ведь по существу, это единственное, что мы хотим узнать в этой жизни: какой у нас вампир и кто в нашем карассе. Поэтому каждый из нас – в изоляции. Поэтому наша жизнь – это путь к нашему вампиру и к людям нашего карасса. Мы никогда не достигнем этой цели, разве что на небесах. Но всякая цель – абстракция и важна не цель, а движение к ней. То, что нам нужно (вампир), и люди нашего круга (карасс) – вот единственные истинные ценности в этом мире для нас лично. В этом и заключается смысл нашей жизни, которая вся – совсем непростой путь из внутренней пустоты и внешней изоляции к вампиру и карассу.

И я не знаю: из одного мы с тобой карасса или нет, один у нас вампир или нет. Но я знаю: для моего пути ты стоишь впереди, а не позади. И мой карасс и мой вампир сегодня для меня в тебе, или если угодно через тебя. Я могу пойти и другой дорогой к той же цели, мимо тебя. Но сможешь ли ты мне объяснить, почему я должен так поступить? Ведь любой путь – это только путь, а не цель. Конечной остановки, кроме тривиальной смерти, не будет. Ты хочешь чтобы я сделал у тебя конечную остановку, а если не могу этого сделать, то выбрал бы другую дорогу? Если ты хочешь именно этого, то я выбираю другую дорогу. Встреча с тобой – это остановка в чём-то, но, разумеется, не во всём. Но «каждый человек может объявить перерыв, но ни один человек не может сказать, когда этот перерыв кончится». Может быть, этот перерыв кончится вместе с моей смертью. Но тогда это должно произойти само собой, как и всякая неизбежность. Можно ли заранее знать? Если это случится, что наши дороги должны разойтись, то я буду первым, кто тебе скажет об этом. Но нельзя, стартуя, заботиться о финише. Или точнее: зная что конец возможен или даже вероятен, отказаться от начала.

Я сказал всё. Но дело не в этом...

39. Тексты 23-24 апреля 1971 года

- 1). ...На Третьей Планете начиналась ночь
- 2). ...Через отрицание к утверждению
- 3). ...Ибо я влюблён!

- 1) ...На Третьей Планете начиналась ночь

17 часов 23 апреля 1971 года

...На Третьей Планете начиналась ночь. В небе горели яркие звезды, а на земле один за другим гасли разноцветные огни Сказочного Государства. Только на самом верху Центрального Дворца, так высоко, что его можно было спутать со звездой, горело маленькое жёлтое окошко. В маленькой тёплой комнатке, уставленной старинными книгами и блестящими электронными приборами, протянув ноги к затухающему камину, отдыхал в глубоком кресле Старик. Он был очень стар и очень добр и очень мудр. Он был правителем Сказочного Государства с самого его возникновения. А когда возникло Сказочное Государство, никто не знал, потому что это было необыкновенно давно...

- 2) ...Через отрицание к утверждению

утро 24 апреля 1971 года

...Через отрицание к утверждению. Через отступничество к вере. Через цинизм к романтике. Через трезвость к безумию. Через конечное к бесконечному...

...Потребление и творчество... Стратегическая идея...

- 3) ...Ибо я влюблён!

ночь 23 апреля 1971 год.

...Ибо я влюблён! Как известно, в таких случаях полагается воскликнуть: «Остановись мгновение! Ты прекрасно!» А мне почему-то хочется крикнуть: «Быстрее! Ещё быстрее! С места в карьер!»

Эта безумие. Дикость какая-то! «Бурдонов влюбился!» – представляю, как хохотали бы остаповцы, если б знали.

После безумия приходит отрезвление. Это истина» Но через безумие, за безумием, в безумии лежит другая трезвость, трезвость высшего порядка. Это уже идея.

«Выше себя не прыгнешь» – гласит народная мудрость. Скучный какой-то глас. Ни грана диалектики. Вся прелесть как раз заключается в таких «прыжках». Безумие есть прыжок выше самого себя. Разумеется настоящее, полноценное безумие, а не какая-нибудь заурядная глупость. И если удаётся не сорваться, удержаться на новой высоте, то приходит трезвость. Трезвая уверенность победителя.

И приходит логика. Это уже не прежняя логика, появляется новое измерение. Это логика высшего порядка, старую однолинейную логику она включает как частный случай.

И приходит юмор. Ну разве не смешно, что мне так хорошо! Просто анекдот. И не какой-нибудь бородатый про Василия Ивановича или бедного еврея – это всё частности. Всё-таки настоящая любовь удивительно весёлое чувство! Нет, вы только поймите юмор ситуации: жили-были два человека, они встретились по чистой случайности, и им стало так хорошо друг с другом, что они начали сходиться с ума. Каждый прекрасно знает, что он сходит с ума, и что это очень смешно, и что вообще всё хорошо и всё плохо и поэтому хорошо необычайно!

А завтра придёт отрезвление. Мы будем вовсе не безумны. И нам будет совсем не так хорошо. Может быть нам, вообще, будет плохо. Но, господа! Мы же будем прекрасно знать, что на самом-то деле мы – безумцы! Мы заговорщики! Заговор двух против двух. Я свергаю тебя. Ты свергаешь меня. К власти приходим мы! Ведь это же хорошо, что завтра нам будет плохо. Ведь потому нам и будет плохо, что нам хорошо необыкновенно! И мы это знаем. Чёрт возьми, до чего же забавно!

Я остаюсь самым собой. Ты остаёшься сама собой. Потому что я влюблён как безумец, но не как дурак. Ты стала совсем другой. Я изменился совершенно. Враки! Только теперь ты стала сама собой. Только теперь я стал самым собой. Любовь ослепляет! Гениальная мысль! Точно также ослепляет яркий свет, который зажигаешь в тёмной комнате. Но, может быть, кто-то считает, что в темноте лучше видно?

40. Тетрадь в клетку

Блеск и нищета Бурдонова

2 часа ночи 6 мая 1971 г.

«Блеск и нищета Бурдонова»

«Клуб Неинтересных Встреч»

«История одного романа»

41. Человек играет на фортепьяно

7.5.71

... Человек играет на фортепьяно. А другой человек идёт по весенней улице. И третий человек сидит за рабочим столом. И всё это в одно и то же время. И время одинаково быстро, а может быть одинаково медленно, перетекает из будущего в прошлое. Как тонкий речной песок в песочных часах...

... У него была геометрически правильная душа. Точно рассчитанная, тщательно отрегулированная. Каждая линия старательно вычерчена, без единой пометки, аккуратно расставлены обозначения греческими и латинскими буквами. Особо важные грани заштрихованы мелкой штриховкой, жирными или двойными линиями выделены основные связи и зависимости. Рядом, вероятно в области рассудка, приведено логически стройное, безукоризненное доказательство. Очень красивое смелое доказательство. И прекрасный, радующий глаз чертёж. И всё это при помощи циркуля и линейки!..

42. стишки А над миром гремели рассветы

*Из тетрадки стихов 1969, 70, 71 и 75.
в которую стишок записан 9.5.71*

(весна 71 г.)

А над миром гремели рассветы,
А над миром вставала гроза.
И смеялись и плакали где-то
Невыносимо
сухие глаза.

Солнце вставлено в стекло,
В запылённое окно.

43. Третья точка

12.5.71

Танк двигался по самой середине улицы медленно и нешумно. Ствол пушки был направлен строго горизонтально в направлении движения, все люки наглухо захлопнуты. В этом было что-то непонятное и чуждое весеннему городу, распахнутым настежь окнам с развевающимися тюлевыми занавесками, ярко голубому небу и разношёрстной оживлённой толпе людей. Люди переговаривались, показывали на танк пальцами, пожимали плечами и строили догадки: что бы это могло значить – парад? аттракцион? какое-нибудь шествие?

Только один человек стоял в стороне, засунув руки в карманы, и был серьёзен и молчалив. Этот человек неожиданно для всех сошёл с тротуара и направился наперерез танку. Он встал на середине улицы, лицом к грозной машине и ждал.

Танк продолжал двигаться ещё несколько метров и остановился сразу, громыхнув гусеницами. Человек сделал шаг вперёд. Ствол пушки дрогнул и замер. Несколько секунд неподвижности человека и машины. Затем послышался глухой удар, и верхний люк танка откинулся. Человек понял и, быстро подбежав к танку, легко вскочил на броню, скрылся в люке. Крышка люка вновь закрылась, ствол пушки дрогнул, коротко взвыл двигатель, и танк двинулся дальше. Так же медленно и нешумно, по самой середине улицы.

44. Тетрадь в клетку

Книга о «Сентябре»

12 мая 1971 г.

Книга о «Сентябре»

Книга об «ОСТАПе»

Сцена с танком – переписывать много раз.

Также другие вещи!

45. МОЁ САМОЕ ГЕНИАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

17 мая 1971 года

МОЁ САМОЕ ГЕНИАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

[illegible]

Я люблю тебя, Кадрия. Я люблю тебя, Кадрия. Я люблю тебя, Кадрия

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, КАДРИЯ

ИГОРЬ

46. Тетрадь в клетку

Кадрия мучается

14 июня 1971 г.

Кадрия мучается, мечется, грустит, сомневается. Почему? Я, лично, спокоен. Спокойная, уверенная в себе любовь. А может быть, привязанность? И Кадрия это чувствует? Да, нет. Я-то знаю чётко: если я сам вполне уверен, то с моей стороны всё в порядке. Прочто сейчас экзамены, я устал, и притупились мысли и эмоции. А если всё дело в ней? Может быть, изменились её чувства ко мне, и поэтому кажется, что изменился я? Если это так, то это интересно – у меня такого ещё не было. Но сейчас мне и не хотелось бы этого.

Однако дело, по-моему, в другом. Просто надо ещё п-ое количество «выяснений отношений» с Кадрией, чтобы и она стала уверена. Кажется, она всё же любит меня. А это всё для меня решает – для меня проблемы в этом вопросе нет. (Может быть, кстати, именно потому её кажется, что я стал другой – равнодушный и т.п.)

Боюсь писать

14 июня 1971 г.

Сегодня уяснил одну вещь: я боюсь браться за ту или иную научную, техническую или общественную проблему для статьи, считая себя недостаточно компетентным. Отчасти верно. Но только отчасти – полной компетентности никогда не будет. Она придёт лишь в процессе непосредственной работы (даже если придёт лишь иллюзия компетентности – это не важно).

Точно так же «боюсь» писать прозу. Единственное, на что способен психологически – наброски и «начала», плюс рассуждения. Но это ложный путь, если он единственный. Нет «объективного движения». Нужен живой материал. И получать его надо не созерцанием, а практикой.

К концу экзаменов

14 июня 1971 г.

К концу экзаменов неважное психологическое состояние – некоторая нервозность. Особенно, когда размышляю о последующей работе и всяких планах на лето. Следует опасаться психологической реакции после сдачи экзаменов. Хорошо бы уже сейчас что-то делать, но подготовка к экзамену всё парализует. Кстати, не мешало бы и отдохнуть после экзамена. «Чистый» отдых порядка недели (или дня три).

Проекция

20 июня 1971 г.

1. Проекция (отражение) Я на мир, на внешнюю реальность.
2. Мир → Я → Мир*.
3. Я вхожу в Ленину комнату.
4. Патруль и проститутка.
5. Замкнутое пространство в походе.
6. Разговоры людей в переходе метро. Мы их не «слышим». А если вдруг прислушаться?

«Знание – Сила»

25 июня 1971 г.

«Знание – Сила»

стр. № год

4	12	70	Математика и популяция. Межвидовые отношения. Модели
5	12	70	Юпитер – горячий?
5	12	70	В городах больше снега. Тепло и пыль.
5	12	70	Молоко из овощей
5	12	70	Жирная пластмасса. Смазка.

Фрейд о защитных механизмах

26 июня 1971 г.

Фрейд о защитных механизмах сознания и системный подход!

- 1) Вытеснение
- 2) образование противоположной реакции
- 3) проекция
- 4) вымещение
- 5) рационализация
- 6) сублимация

Теория автоматов

26 июня 1971 г.

- 1) Теория автоматов.
- 2) Все проблемы Гильберта!
- 3) Интегралы. Меры (площадь).
- 4) Что такое система?
Что такое самоорганизующаяся система?
- 5)

47. ПЛОДЫ СИДЕНИЯ Щучкина Н.В. и Бурдонова И.Б. СОВМЕСТНО БЕЗ ПИВА

5 июля 1971 года.

ПЛОДЫ СИДЕНИЯ Щучкина Н.В. и Бурдонова И.Б. ОТДЕЛЬНО ОТ ПИВА

5 июля 1971 года.

1 – Щучкин

2 – Бурдонов

1: Сидим, значит, отдельно от пива, по совместно с чудесным вином, пока Гусев не приём ещё какой-нибудь алкогольной отравы. Даа.

– В каком направлении пойдём?

– ?..

– Ну, в направлении... в каком, говорю, это... пойдём?

– ?..

– Я говорю, куда направимся, что ль? Понимаешь, ну?!!

– ?..

– ...

– !!!

– ?..

– Во, где идиотизм-то, а!

2: Констатация №1: Сижу я пишу. Не потому, что не могу не писать. Вполне могу! А впрочем, в принципе всё что угодно я могу в принципе не делать. Именно поэтому я всё должен делать. Я сижу и пишу. И так будет завтра. И послезавтра. И послепослезавтра. И через неделю. И через месяц. И через год Так устроен этот мир, такова природа вещей, что я оказываюсь самым естественным образом сидящим и пишущим.

Воспоминание №1: Ходил в поход: пятница, суббота, воскресенье. Это были чудесные дни... Дорога. Грунтовая хорошая лесная нескончаемая дорога. Она не имеет начала. Она не имеет

конца. Слева от дороги – лес, за лесом лес, а ещё дальше – тоже лес. Справа от дороги – лес, за лесом лес, а ещё дальше – тоже лес... Нас двое, два рюкзака на двух спинах, две пары ног шагают по дороге. 10 утра, суббота. Мы идём по дороге... 11 утра, суббота. Мы идём по дороге. 13 часов, 14 часов, 15 часов, 16 часов, суббота. Мы идём по дороге... Грунтовая хорошая лесная дорога. Справа от дороги – лес, слева от дороги – лес. А за лесом – лес...

Пруд. Мёртвый пруд. Голые засохшие деревья торчат из воды. Скелеты бывших живых растений. Идёт дождь. Стоит палатка. Нас двое... Ночь, идет дождь. Комары исчезли. Тепло. Горсть земляники. Бутылка шампанского. Огарок свечи. Нас двое...

Мысль №1: Вино. Музыка. Дождь. Излом времени, угол, грань. Мир вокруг меня удивительным образом находятся во мне. Мир есть моё представление. Это Фихте. Я есть инобытие мира. Это я. И то и другое верно. Очень интуитивная мысль.

Замысел №1: Перспектива. Программа. Алгоритм дальнейшей моей деятельности. Как будто передо мной развёртывается спираль, сложная, трудная, почти безнадёжная спираль творчества. Это надо реализовывать. Это трудно, потому что основные трудности внутри меня. Можно назвать это ленью или как-нибудь ещё. Превозмочь себя. Выложиться до предела. Сейчас вот, например, хорошо очень представляю себе это. Лёгкость есть приятная в моем представлении. Лёгкость, которая органически содержит внутри себя понимание всей тотальной сложности и почти безнадёжности задуманного предприятия. Это понимание в свою очередь порождает эту лёгкость. Вот в таком состоянии я бы хотел и находиться, как сейчас.

Раздражение №1: Этот тип отрывает меня. Он мне надоел. Какого х.! Я же творю!

1: Приятно иногда бывает почитать Игоря Бурдонова. Но очень трудно попасть с ним в одну струю восприятий и эмоций. Первичные эмоции, как видно выше, уже заставляют как бы настроиться, заставляют проникнуться неуловимыми нюансами в сущность квинтэссенции смысла, охватить всю глубину необъятного чувствования и пропитаться образностью восприятия многогранного мира, бесконечного в своём всеобъемлющем развитии. От них веет невидимым трепетом времени, мирская суeta, мирская суeta, неслышимый шелест секунд, минут, мучительных часов, бесконечных дней, – суeta, серая повседневность, как вонючее болото, засасывает, чтобы отпустить ненадолго и опять... Диковинно, удивительно и

многое непонятно, но ассоциации, представления, воспоминания, всё как-то... н-даа...

Воот...

– И всё-таки, по какому же пути мы пойдём, в каком направлении?

– ?..

2: Сидим! И что видим? Бутыл! Водка! В графине! Люкс... хе-хе. Музыка. Ритм. Быстрый. А мысли медленные. Почему? Налъём по одной. Для Ольги. Ты почему не ешь селёдки? Водка вкусная. Как? Рецепт вкусной водки. Можно дёрнуть и тебя разок. Я приверженец (это Гусев сказал, а чего он приверженец, я не понял). На этом стенограмма совместного сидения с водкой обрывается...

1: Объясняю ситуацию: пришёл А.Гусев с Ольгой и принёс отвратительную бутылку водки, которую мы все с удовольствием пьём. Гусев рвётся к машинке – дай написать, гад, – орёт. Што у ём говорить, какая страсть у ём? Куда идти?..

2: Хватит с него того, что я ему оставил. По прежнему идёт дождь. Как паутина. Ромашки в вазе. Десятки ромашек. Десятки «любит – не любит». А сколько ромашек ещё не сорвано. И они дрожат под ветром на лугах и лесных полянах. И многие увядают, так и не сорванные. Так и не сказавшие ни «да», ни «нет».

----- вновь появившемуся Гусеву видается инвентарный номер **3**. Пиши, сволочь!

3: Для начала выражаю признательность и благодарность Николаю В. Щучкину за прекраснейшие и полные глубокого уважения рекомендации. Очень рад. Милейший человек этот Вучкин (Не «С», не «Ч», не «К»)

Сокольники. Дождь дождь заставляет человека забыть о любви и выводит меня к пруду. Милиционер. Таких много в Москве. Нормальный милиционер, не больше и не меньше других. Даже интеллигент. Стоит опершись на столб и беседует с рыболовом.

– Да здесь и окуня бывают. Нармальные окуня. Жена не верит, что сам поймал. Говорит, что у мальчишек отобрал.

– Ну это ты старик брось, здесь таких окуней не бывает.

– Вот те крест бывает. А караси какие ходят...

Караси здесь знатные, – говорит представитель власти и прислоняется к столбу другим плечом. Табличка «купаться и ловить рыбу в прудах строго воспрещается» качается на ветру.

– А плотва здесь есть? – зевнув, спрашивает представитель власти.

– Может и есть, мне не попадалось, – говорит рыбак, доставая спичечную коробку и укладывая туда очередную добычу.

– А ребята может и ловили, но чегой-то не слыхал.

1: Интеллектуальный запор. Куда пойдём, куда?

2: Выпил, значит. Курнул. Щас творить буду. Чего? Вот Он спрашивает, куда пойдём. А я так скажу: на х. пойдём. И ничего тут не поделаешь – все там будем. Весело. Всем весело. Ха-ха. Хо-хо. Хе-хе. Хи-хи. Зуль-буль. А музыка-то грустная. Нешто не видите? Глазки закрой, ротик открой. Вот тут Гусев всё про рыбу, да про рыбу. Милицию вспомнил. Сокольники там разные. Жену опять же, которая чему-то там не верит. Всё, конечно, правильно – жёны всегда не верят. И не без основания. Но я спрашиваю: где мысль? Где великое духовное горение? Где звёздные минуты человечества? Где накал страстей? Где буйство молодости? Импотенты вы все – вот что!

3: Вот – взлет! Вновь – полет!

Метроном – закончен счет.

1: Продолжаю совместное сиденье с Бурдоновым И.Б., Гусевым А.А., девушкой Ольгой и остатками водки, сдобренной лимонными корочками и чайной ложкой сахару. Итак, вопрос стоял о выборе путей. Неизменная сущность заключается в вопросе «куда?». Куда – это прежде всего. Потом уже «что?». То есть ясно, что если «куда», то «что» куда. Оно и понятно: если есть направление, то должен быть и субъект, иначе как же направление, без ничего? Таким образом и получается, что «куда» без «чего» не может быть. Это понятно. Что

куда – с одной стороны, а с другой – куда чего. Иначе: резонный вопрос может последовать – если ничего и никуда, то тогда вообще «зачем?»...

2: Вопрос №1: куда? Куда-нибудь. Вопрос №2: что? Что-нибудь. Надлежит ясно усвоить раз и навсегда: куда-нибудь это не просто нечто абстрактное и неопределённое. Куда-нибудь – это не просто отсутствие всякого направления. Это направление вполне определённое. Так дети под словом «куда-нибудь» имеют ввиду вполне определённое, но просто неопределяемое в данный момент направление.

Вышеизложенная теория термина «куда-нибудь» целиком и полностью приложима и к понятию «что-нибудь». Поэтому нам представляется нецелесообразным утруждать читателя повторением этой теории.

Серое небо. Чем серое небо лучше ясного голубого или, к примеру, грозового чёрного? Своей изначальной неопределённостью! Равномерный серый цвет есть символ неопределённости. Есть символ вопросительного знака. Ибо всякая неопределённость – это вопрос.

Я... И материя... Материя воздействует на мои нервные окончания, производя известного рода ощущения. Мой мозг обрабатывает сии совокупности ощущений, переводя их в восприятия. Далее следует представление. Я живу в мире своих представлений. Из него я черпаю своим мысли. Идеи. Понятия. Умозаключения. Вот это и есть жизнь. Очень забавно...

__._._._г__._._._._. (аноним: забавно, када так нажрёшси!)

1: О чём я думаю сейчас? Ах, да! Ужасно почему-то приятно. Спокойно. И думаю я вот о чём: нужно что-нибудь более интересное. Чтобы не читать и читать так себе, наталкиваясь на крупницы остроумия и отсветы оригинальности иногда, а чтобы действительно настоящее что-нибудь и стоящее. Но что? Я и сам не знаю что. Но что-то надо. Без всякого «куда». Просто «что-нибудь». Но при этом такое чтоб, не просто так, как-нибудь, а чтоб действительно настоящее что-нибудь...

Эх, не слушает никто... Н-даа. Мальчик, – говорю я ему, – повернись боком. Он доверчиво повернулся. Я ему раз! – по затылку.

У него кепка слетела. И он едва не упал. Потом отбежал шагов на пять и кричит: – Дяденька, а дяденька!

Я уж было уходить хотел, не поворачиваясь, но повернулся всё же, а он мне булыжником по лбу как заедет! В глазках у меня чёртики забегали, серебрянные точки заскользили по-броуновски. Всё так стало нереально и чудно...

– Что же ты, мальчик, – прошептал я, погружаясь в темноту, – как-то ты так... – И я без чувств скатился в канаву.

2: Мальчик, – говорю я ему, – повернись боком. – Ха! – кричит он, отбежав на пять шагов, – Знаем мы ваши шутки! Я повернусь боком, а ты мне по затылку – раз! – Чудной мальчик какой-то. Я ведь просто хотел его по головке погладить. Очень миленький такой мальчик. А уже испорчен. Ай-яй-яй!

Мысль №2: Сделаем художественное произведение, уж не знаю какого там жанра, но вот какое: оно будет состоять из плодов вот такого сидения совместно с пивом, водкой, вином и т.д. Как это сделать, чтоб хорошо было? Я думаю так: будем достаточно много писать вот так, как щас пишем маразма всякого. А потом соберём всё в кучу и выберем всё самое лучшее, но не одно только серьёзное или там смешное или там парадоксальное или там какое ещё однотипное. А всё в своей цельности, многогранности и контрастности. А?

Девочка идёт по проволоке. Маленькая такая девочка, очень миленькая. А проволока протянута высоко над землёй. Страшно, наверное, девочке очень. А внизу стоят зрители. Это лавочники, толстые такие в замасленных фартуках. И я тоже стою внизу и также как эти лавочники смотрю на девочку, которая идёт по проволоке. На кого я больше похож? На девочку, которая идёт по проволоке, или на лавочников, которые в замасленных фартуках? На кого мы больше похожи? И вообще кто мы?

– Кто мы? – спрашиваю я девочку. – Ты меня слышишь? Ответь?

– Конечно, слышу, – отвечает девочка, миленькая такая девочка, которая идёт по проволоке. – Вы все

48. Тетрадь в клетку

Я и Гусев в гостях

6 июля 1971 г.

Я и Гусев в гостях.

Оля и Мила. Сёстры – близнецы.

Приятный непринуждённый вечер.

Музыка, чай, анекдоты.

Мне всё это нравилось, и не было особой необходимости желать в этот вечер чего-то большего.

Мила мне понравилась. У неё совсем неплохие внешние данные. Она не так эффектна, как её сестра. Но лицо очень своеобразное, я даже могу сказать без натяжек, что в нём есть нечто, что может очаровать человека.

Поэтому большее значение для меня имеет её характер, манера поведения, мироощущение, взгляды. Первые впечатления вполне благоприятные. И хотя я, вообще говоря, очень плохо разбираюсь в людях, и это отмечают многие, кто меня знает, но, тем не менее, я всё-таки думаю, что на интуитивном уровне, на уровне общих ощущений и впечатлений я довольно правильно оцениваю людей. Но когда я пытаюсь сформулировать свою оценку или просто перевести её из интуиции в сознание, то получается весьма искажённая и попросту неверная картина. И происходит это не потому, что у меня плохо развита рационалистическая часть мышления, а как раз наоборот – я слишком рассудочен и поэтому не очень доверяю своим правильным интуитивным впечатлениям, и всё пытаюсь перевести или, точнее, создать прямо в рассудке в виде формулировок; а это, конечно, ведёт к огрублению вплоть до полного искажения.

Но, в общем-то, мне понравилось, как Мила сидит, ходит, слушает, смеётся, разговаривает и т.д. Есть в этом что-то очень естественное, невраждебное, располагающее и в то же время достойное и независимое.

Кадрия... Я думаю, что нет никакой необходимости расставаться с ней и даже расставаться на время. Это всё остатки ребячества и наивности. Просто можно реже встречаться и даже дело не в том, чтобы просто редко видаться (это совсем необязательно), а в том,

чтобы наши встречи, их частота и то, что мы делаем, не превышали наши желания и потребности, а может быть, даже немного не достигали их, как правило, оставляя некоторый зазор между «есть» и «хотелось бы».

Любовь и вообще отношения двух людей можно сравнить с сакраментальной задачей о резервуаре с двумя трубами: по одной трубе накачивается жидкость, а по другой – откачивается. Первая труба – это те источники внутри нас, что питают любовь, вторая труба – наши действия, «потребление» любви. Если пить из резервуара слишком мало, могут возникнуть всякие напряжения, и резервуар может даже лопнуть, взорваться. И вообще количество выливаемой жидкости оказывает обратную связь на источники. Если же припадать к питью слишком часто, то может случиться, что вместо ожидаемой животворящей струи или потока получаешь лишь несколько капель. Источник любви не может дать больше, чем он может дать. Поэтому главное – соблюдать разумную меру, выдерживать оптимальный график. Недаром «народы боготворят меру».

Наши отношения с Кадриёй вовсе не иссякли; всё очень хорошо и так же может продолжаться ещё не одну неделю. И нет ничего «криминального» в моём интересе к Миле и вообще к новым знакомствам и связям. Всё это вполне естественно, надо только нигде не перебарщивать, не требовать слишком многого или невозможного, не идти наперекор своим желаниям, не сдерживать их насильственно без достаточных на то причин.

Сегодня, например, у меня было днём плохое настроение, скучное и бесперспективное, безыдейное. А после приятного вечера и после появления желания и намерения сблизиться с Милой у меня повысился тонус, стало легко, забродили какие-то идеи и, как ни странно, улучшилось отношение к Кадрие. Я вспоминаю поход (2,3,4 июля) и кафе: это было очень здорово, романтично, просто чудесно. И мне радостно, что есть Кадрия, что мы встречаемся, что я люблю её.

Как я раньше не любил этого термина – «любовь»! Считал его неясным, расплывчатым, неточным, грубым, затемняющим суть дела. Так, в общем-то, и есть, если считать, что любовь одна единственная. А на самом деле очень много всяких «любовий». И почему бы не сказать, что я люблю Кадрию сегодня очень сильно, завтра, наоборот, не люблю, послезавтра опять люблю, но спокойно, а вчера, например, любил ещё в каком-то определённом плане. К чему опять-таки (сколько раз я это говорил!) пытаться всё подгонять под один общепринятый стандарт? Надо просто без всяких «судейских» оценок констатировать факты, что вот сегодня, например, у меня «такое

ощущение», а завтра «вот такое». Это очень естественно, к этому легко привыкнуть тем, с кем ты имеешь дело, и тогда меньше будет ссор, непонимания, недоразумений. И больше радостных минут, свободы, независимости и просто любви.

По вопросу о таком подходе к человеческим эмоциям и мыслям (это подход Индивидуального Рационализма) очень много есть в романе Чарльза П. Сноу «Смерть под парусом» в сборнике «Современный английский детектив». Вообще неплохо бы поразмышлять над старой идеей Теории Рационализма: Гиперкомплекс – Индивидуальный Рац. – Социальный Рац. – Философский Рац., но начиная с конца, а не с начала этой цепочки как раньше.

2 часа ночи. Ложусь спать.

сковывающим фактором для воображения. Давай выпьем по рюмочке...

0: Дзынь... буль-буль-буль...

2: Нормально так идёт, да?

Ну, вот. Да. Героя. Не смейся, но КУДА поедать его, не знаю. Не уверен, что моё направление тебе понравится, хотя сам готов принять любое. Надо подумать. Налей ещё по одной. Так.

С этой музыкой я бы его обнаружил где-нибудь на пустынном берегу большой реки. Он в задумчивости сидит на дне опрокинутой лодки, вокруг ни души, и ветер слегка треплет его волосы. Какой он, о чём думает, – это мы сейчас узнаем. Я думаю, что он одет свободно, с преобладанием спортивной линии. Задумался в тихой грусти, приятной грусти свежих воспоминаний, подпёр голову рукой, смотрит на маленькие волны, которые катают камешки у его ног. Где-то вдали, где линия воды сливается с синей полоской леса, показался силуэт не то катера, не то небольшого парохода. Солнце иногда игриво выглядывает из-за частых и светлых облачков...

0: Ре – ми – фа. Ля – ля – ля. Ре – ми – фа. Ля – ля – ля. Ре – ми – фа. Ля – ля – ля – ля. До. До...

1: О! Как сладко поют небесные сферы! Гладкие круглые скользящие вращающиеся небесные сферы. Чистые звуки музыки сфер, льются ручейки мягких мелодий. Цок-цок-цок! Катится подпрыгивает мелькает падает и взлетает колесница Солнца. Радуга жёлтая, красная, зелёная, синяя, голубая, оранжевая, радужный мост перекидывается через небо, пронзает небесные сферы, опускается на тёплую землю. Белые барашки облачков, мягкие влажные все в завитках. Веет ветерок, завихряется, гудит в сплетении солнечных нитей. Круглая мягкая уютная планета переворачивается на другой бок, скользит граница дня и ночи, скачут по земле тени и блики. Копошится, булькает, движется в тёплом вкусном бульоне биосфера Земли. Зеленеют листочки, птички выводят звонкие песенки, ползают червяки, порхают бабочки, горделиво ступают олени, мягко неслышно мчится, выпуская острые когти, тигр. На полянках, на зелёной травке, среди ласковой природы совокупляются носители высшего разума. Красивые бронзовые и белоснежные тела их нежатся на солнышке,

полны радостного трепета от взаимных прикосновений. Блаженство, наслаждение, спокойствие и счастье разлиты щедрой мерой в воздухе, в воде, в земле, в космическом вакууме.

Катит несёт увлекает свои полные воды спокойная большая река. Мелкие барашки волны расходятся кругами, пенятся, лижут берега, перекачивают камешки. Старательно ласкают мелкий песок, тянутся дальше, но не могут достать ног человека. Плещутся вокруг опрокинутой лодки, гладят её округлые бока. Сидит человек в задумчивости, понимает всё это мировое единство. Тонко чувствует жизнь, светлую жизнь окружающего мира. Но думает он о другом, какие такие странные мысли его волнуют? Что у него на сердце? Не знает никто. И сам он теперь далеко-далеко, там, в далёком большом и шумном городе он, наверное, что-то оставил, забыл, а быть может, нарочно бросил, сбежал в этот тихий ласковый уголок...

2: Ах, ах! Ах, куда же меня уносит? И ещё я хочу спать. Ты спросишь, почему я забыл про нашего героя? Про Андрея. Мне всё-таки хочется назвать его Андреем. Да. Почему я забыл про него? Потому что мысль течёт СЛИШКОМ свободно. Нельзя давать мысли и воображению ТАКУЮ свободу. Здесь кроется какая-то объективная закономерность, но какая – у меня не хватает сил понять. Лень. Вино. Да и зачем именно сейчас?

А рамки и чёткая линия направления, они сковывают. Тогда где же золотая середина? У меня не хватает сил понять. Лень. Вино. Да и зачем сейчас именно? Но Андрюха? Да, Андрей. Он ведь у нас как всегда с пистолетом в кармане, неизвестно зачем. Сидел, думал. Потом встал и пошёл. Шёл вдоль берега, а там по берегу вскоре начался отгороженный забором платный пляж. Но абсолютно пустынный. Погода и вправду совсем не пляжная: ветер, солнце за облаками прячется, да и довольно прохладно.

Шёл-шёл наш Андрюха вдоль берега, а потом упал.

Вот и всё. Упал и лежит, как дурак. А ты говоришь, что нельзя писать это всё несерьёзно. Можно. Пошли, спросим у Андрюхи. Вот он лежит на песке.

– Слыш-к, Андрей, у меня к тебе вопросик.

– Не мешай, друг, дай полежать.

– Так ты чего лежишь-то?

– ...

– Ну, ладно, лежи. Пистолет-то с собой у тебя?

– При мне.

– Ну, бывай!

– Ладно.

Вот так. Погода явно проясняется. Облачко эти маленькие почти не могут скрыть солнца. Становится теплей. Мало-помалу на пляже начинает появляться народ, но в воду пока никто не лезет. Подплыло то, что тогда показалось на горизонте. Это резиновая камера от двадцатипятитонки. На ней Александр в трусах до колен, но с револьвером. Протирает тряпочкой ствол, иногда медленно подгребает, чтобы не прибило к берегу. К камере куском медной проволоки привязана для охлаждения бутылка «румынского сладкого». В небе тает последнее облако.

0: Бам! Бам – Бам! Тррррр – рррр! Уууу – уу – уу – уу – бац!

2: Выстрел! Туда – за огромный поросший мохом камень. Удобная, очень удобная выемка. Две гранаты на песке, автомат высовывается из-за камня.

0: Тра – та – та!

2: Ха-ха-ха! Вот те пляжники! Сволочи! Бандиты Александровские! Револьверы под плавками, автоматы в бюстгальтерах.

0: Бам – бам! Трррррр – ррррр! Тра – та – та! Тра – та – та! Бац! Бац!

2: Ну, держись! Так просто не возьмёшь!

0: Тра – та – та!

2: Дрожит, прыгает смертоносное оружие в руках.

0: Цок – цок – цок.

2: Скачет металл по камню, выбивает замысловатую чечётку. Завораживает танец смерти, притягивает растянувшиеся цепочки нападающих. Мелькают яркие вспышки, падают в воду люди, захлёбываются прохладной водой, судорожно сжимают руки острые водоросли.

Тянутся из воды, словно сказочные волны подводного царя, цепочки аквалангистов. Редуют, изламываются шеренги, скрываются в водной стихии.

Восторг сжимает сердце, пугающая радость смертельного боя ударяет в голову, словно крепкое молодое вино. Чувствуешь своё

крепкое здоровое тело. Руки, стиснувшие автомат. Ноги, напряженно слившиеся с почвой. Светит солнце, ослепляет глаза. Ветер, как будто всё тихо и мирно, перебирает мягкие волосы.

0: Шик! Шик – шик – шик!

1: Пули прошипели в песке совсем рядом. Что это? Опасность! Атакующие заходят с фланга. Бежать! Скорее! Граната летит точной параболой в изрыгающие смерть кусты. Взрыв! Дым! Стон!

Встать! Автомат в руки, быстро, пружинисто двигаются ноги. Тело пригнулось к земле. Одно – два мгновения. Вверх! На холм – в высокую колышущуюся траву. В сплетение стеблей, в колыхание цветов, в жужжание шмелей! Оттуда вниз направлено дуло автомата. Длинные очереди прошивают воздух, словно швейная машина – яркий ситец.

Ах ты, чёрт! Кончились патроны! Кончились гранаты! Один пистолет, половина обоймы. Одно солнце над головой, одна река внизу, одно сердце в груди, одна жизнь впереди. Риск? Да! Как же быть? Но ведь ради этого я и придуман моими авторами, – думает Андрей. – Значит, бой!

Где же Александр? – Всё это в одну секунду пронеслось в голове Андрея, пока он лежал, подставив затылок уже начинавшему припекать солнцу. – И как же, господи, всё это надоело...

2: К тому времени Александр уже подплыл к тому месту, где забор пляжа входит в воду, отвязал от баллона бутылку холодного вина, сунул за резинку трусов револьвер и пошёл вдоль забора. Но не прошёл он и десятка шагов, как увидел лежащего в песке Андрея. Один миг понадобился Александру, чтобы в два прыжка скрыться за бугром песка, взвести курок и сжаться в комок.

Андрея как будто стальная пружина подбросила. Он вырвал из кармана пистолет и на корточках, крадучись подскакал к фанерной будке «Кассы пляжа – 30 коп». Щелкнул курок. Александр выглянул из-за бугра. Никого нет. Только со стороны пляжа доносятся обрывки голосов, чей-то смех, плеск воды...

Александр пробрался к забору. Мушка пистолета Андрея колебалась между подбородком и чёрными трусами Александра. Палец медленно начал натискивать курок. Неожиданно над мушкой Андрей увидел бутылку «румынского». Рука его опустилась.

– Эй, – неожиданно для самого себя позвал он Александра.

Тот подпрыгнул, как ужаленный и уронил свой револьвер в песок. Андрей вышел из-за будки. Александр резко взмахнул бутылкой...

– Не надо! – заорал Андрей. – Не надо, ради бога!!!

Рука с бутылкой нерешительно остановилась.

– Слушай, – Андрей замялся и спрятал пистолет в карман. – Давай, может, её того, а?

Александр в недоумении уставился на «румынское». Потом на Андрея, который отвёл руку назад, показывая что-то, и сказал:

– Там есть маленький трактирчик, если что... Давай туда что ли...

Всё ещё не совсем понимая происходящее, Александр поднял свой револьвер, вытряхнул из дула песок и двинулся вслед за Андреем.

А через полчаса они сидят в полупустынном кафе, выпив по стаканчику «румынского», потом ещё по стаканчику, и уже новая бутылка стоит у них на столе.

– Эх, – вспоминает, прослезившись от умиления, Александр, – ну и постреляли же мы с тобой друг в друга когда-то, а?

И он обнимает Андрея левой рукой, поднимая правой стакан.

– Давай выпьем, старина!

– Давай, – соглашается Андрей и поднимает свой. – Давай, и ну их всех к чёртовой матери! Ведь нас с тобой, кроме Игоря и Николая, никто толком-то и не понимает. Даже Толик Гусев, а? То-то

Он задумывается на секунду и вздыхает.

– Да и эти тоже... Подходят сегодня ко мне на пляже там, около забора...

– Ты выпей, – перебивает его Александр, – выпей...

«НОСКИ В ЛИМОНАДЕ»

...Белые облака ползли по крышам домов. На фоне тёплого неба был нарисован башенный кран, на стреле которого повисло предзакатное солнце. Под перекрёстным огнём солнечного света и ветра трепетали берёзовые листья. Из-за угла забора снова застрочил пулемёт, и к неровному ритму музыки приклеились звуки падающей штукатурки.

Андрей положил руку на влажный металл вальтера и обернулся к товарищам. Николай отодвинул недопитый бокал вина и вновь застучал на машинке. «Вдохновение приходит к нему в самый неподходящий для этого момент, – подумал Андрей, – а, впрочем, этот момент ничуть не хуже других. И, кажется, пулемётную очередь он воспринимает сейчас как соло на барабане. Интересно, как он будет реагировать, если одного из нас убьют».

Осада длилась уже третий час, положение стабилизировалось, и Андрею становилось скучно. Про себя он решил, что если подкрепление не подойдёт в течение часа, придётся пробиваться собственными силами. В конце концов это просто смешно – заяц обманул охотника! Загнал его в кусты и берёт измором, не давая высунуть носа. И всё из-за этого недоделка Зипко, будь он неладен! Очередной анекдот для Центра, да и только...

Вначале всё шло как по маслу. Андрей всегда гордился своими агентами. Они провели тщательную разведку, выяснили места дислокации и вооружённость группы Александра, обнаружили ставку самого Александра. Андрей лично разработал превосходный план операции: требовалось минимум сил, минимум стрельбы, – всё должно было закончиться за двадцать-тридцать минут. Андрей уже видел себя в чёрном смокинге (на днях специально заказал себе такой в лучшем ателье города) с белоснежным галстуком и с гаванской сигарой в зубах (в торжественные минуты Андрей почему-то всегда представлял себя с сигарой в зубах, хотя сам никогда не курил даже сигареты) и Александра в наручниках с хмурым лицом.

На этот раз группа Александра действовала в качестве служащих государственного банка, следовательно, располагала значительно большими средствами защиты, притом совершенно легально. Казалось бы, потребуется много больше людей и времени, чем обычно, но Андрей нашёл выход из положения. Его группа должна была играть роль гангстерской организации, решившей поживиться

звонкой государственной валютой. Если всё пойдет, как задумано, то такая операция не должна вызвать у противника никаких подозрений и прежде, чем они сообразят, что имеют дело не с обыкновенными бандитами, которых в этом штате пруд пруди, а с Андреем, прежде чем они решатся пустить в ход свои скрытые силы, всё уже будет кончено.

В точном соответствии с планом Андрей и несколько человек из его группы, в том числе Зипко (знал бы, ни за что не взял с собой этого болвана), подкатили в роскошном бьюике к дверям банка. Перед глазами Андрея, сидевшего рядом с водителем, болтался на резинке проволоочный чёртик. Глядя на его весёлые ужимки, Андрей подумал, что все они, и он и Александр, чем-то похожи на этого чёртика, и что их война между собой, которую они ведут неизвестно зачем, чем-то напоминает кукольное представление. Последнее время эта мысль часто приходила Андрею в голову, но никогда надолго не овладевала его вниманием, потому что он знал ответ на все подобные вопросы. Эти несколько секунд размышления не были потеряны даром – другой частью своего мозга Андрей оценил обстановку: под вывеской банка тип с равнодушным лицом, пиджак застёгнут на все пуговицы, правый карман подозрительно топорщится, на другой стороне улицы добропорядочная леди преклонных лет втаскивает по лестнице детскую коляску (вот кому совершенно безразлично наше дело, машинально отметил Андрей). Несколько секунд ожидания, дама скрылась в подъезде, и Андрей повернул голову – двое вышли из машины, быстрым шагом направились к дверям банка. Подозрительный тип опустил руку в карман – это было его последнее движение: красное пятнышко на белоснежной рубашке, подгибающиеся колени и странный удивлённый мягкий взгляд серых глаз промелькнули перед глазами Андрея как кадры киноленты. Человека подхватили под руки, и заднее сиденье бьюика покорно приняло его тело.

В холл вошли пятеро в чёрных очках, плавающим шагом, поигрывая револьверами, словно заправские гангстеры. Николай свистнул, чтобы привлечь внимание клерков, усердно склонившихся над бумагами, разложенными на столах вдоль невысокого прозрачного барьера. Увидев наставленные на них дула револьверов, служащие стандартно побледнели, подняли руки вверх и очень медленно поднялись. «Всем повернуться спиной к стене и не шевелиться! – хриплым бутафорским голосом приказал Андрей. – И чтобы никаких фокусов, а не то... – Андрей сделал выразительный жест рукой. Про себя он подумал, что всё это, пожалуй, несколько

опереточно и нарочито гротескно, но вряд ли эти крепкие парни с фигурами атлетов, довольно ловко изображающие ссутулившихся и высохших канцелярских крыс, смогут отличить людей Андрея от настоящих бандитов. Судя по всему, пьеса удалась, и люди Александра всё приняли за чистую монету.

... В лесу уже была ночь. Световое пятно электрического фонаря катилось по узкой тропинке, подпрыгивая на еловых корнях. Вслед за ним размеренно шлёпали три пары разбитых кед. Они принадлежали мне, Николаю и Андрею. Я сжимал в руке холодный цилиндр фонаря и размышлял над странностью всего происходящего. Куда я веду этих двух людей? Мы углубляемся всё дальше и дальше в лес, обычный подмосковный лес, в котором нет и не может быть ничего неожиданного, а между тем я абсолютно уверен, что эта тропинка приведёт нас в другой мир и в другое время. Там будет Чайный Клуб, существующий лишь в моём воображении, там будет и многое другое, что я ещё должен придумать. Вслед за мной идут два человека, которые на самом деле суть два варианта одного – реальный и воображаемый.

КАК ВОЛКА НИ КОРМИ – ВСЁ ОВЦЫ СЫТЫ.

– Далеко ещё? – спросил Андрей.

– Откуда я знаю – я здесь первый раз.

– Ах, да... – до меня дошёл смысл вопроса, и я как-то сразу вспомнил то, чего никогда не знал. – Ещё минут пятнадцать-двадцать.

– Что-то мне не по себе, – сказал Николай. – Воздух какой-то не такой. Ты замечаешь? Сыростью несёт.

– Да и лес заметно изменился. – Андрей остановился и поднял с земли какой-то предмет. – Это жёлудь.

– И стоим мы сейчас, между прочим, под дубом. Я так думаю ему лет сто, не меньше.

– Никогда бы не подумал, что в этом месте может находиться столетняя дубовая роща.

– А мы вовсе и не в этом месте, – заметил я.

– То есть как?

– А так, – я вдруг осознал каким-то внутренним чутьём, где мы находимся. – Это Шервудский лес. Британские острова. Средние века... – я немного подумал и добавил. – Но отчасти и наше время... И, пожалуй, отчасти Россия...

– Нормально, – Коля с минуту смотрел на меня так, как будто нас разделяло бронированное стекло машины времени. – Твоё дело... А что если в тех кустах – люди Робин Гуда в засаде?

– Какого чёрта! – крикнул я, но было поздно. Тяжёлая стрела просвистела в трёх сантиметрах над головой Николая и вонзилась в упругую кору дуба. Рука моя инстинктивно дёрнулась – луч света прыгнул в сторону, и словно остановившийся кадр фильма из тьмы возник куст жасмина и человек с луком в руках, глядевший на нас между раздвинутыми ветвями.

АНДРЕЙ ВЫСТРЕЛИЛ, НЕ ПРИЦЕЛИВАЯСЬ. ЧЕЛОВЕК ИСЧЕЗ.

Я вырубил фонарь, и мы бросились в чёрную ночь. Ноги легко выбрасывали тело вперёд и вверх, ветви деревьев скользили по натянутым мышцам, словно маленькая дрожащая стрелка компаса, пробудилось в сознании первобытное чувство правильного пути. Краем уха я фиксировал где-то рядом учащённое дыхание Андрея.

Наконец, я решил, что опасность миновала, и остановился. Тут же рядом стоял Андрей. Я включил фонарь, и через несколько секунд из кустов вылез Николай – он забрал немного влево. Мы стояли друг против друга, тяжело дыша, обмениваясь взглядами.

– Какого чёрта, – наконец сказал я, поворачиваясь к Николаю. – Ты хоть понял, почему это случилось?

– Кажется... Всё из-за того, что я вспомнил Робин Гуда.

– Это мне знакомо, – тихо заметил Андрей. – А знаете, что происходит, когда вы начинаете вносить в текст изменения?

– Можно себе представить...

– Ну вот что, господа, – вмешался я. – В дальнейшем таких фокусов быть не должно – Я вас сюда привёл – вы здесь гости, а я, в некотором роде, хозяин. Попридержите своё воображение до следующего раза.

– Всё понятно, старик.

– А сейчас нам надо торопиться – нас ждут. Осталось совсем немного.

Через несколько минут мы подошли к воротам замка. Это было довольно древнее строение, выложенное огромными ледниковыми

булыжниками, с высокими, обитыми железом, воротами. Замок имел правильную форму параллелепипеда, по углам высились остроконечные башни. Окошки, очень маленькие, по одному-двум на каждой стене, светились слабым светом где-то под самой крышей. Свет из них падал на замершие в безветрии листья деревьев, вплотную подступивших к стенам замка. Разглядывая всё это в лучах ярко-голубой луны, мы не заметили, как из-за угла неторопливо вышел человек и остановился рядом с нами. Я вздрогнул, когда рука в кожаной перчатке опустилась мне на плечо.

– Я жду вас уже три минуты, джентльмены, - спокойный уравновешенный голос, который я никогда не слышал и который, тем не менее, мне хорошо знаком.

– Добрый вечер, Дик! – я снова почувствовал, как в моём сознании тяжело прокрутилось колесо памяти, и я вспомнил то, чего никогда не знал; одновременно возникло ощущение полной ясности – вероятно, вся новая информация, связанное с переходом этот мир, уже ассимилировалась мозгом.

– Друзья! Разрешите вам представить моего друга Ричарда Гордона. Он владелец этого замка и Президент Чайного Клуба.

Дик по очереди поздоровался с Андреем и Николаем.

– Кроме нас сегодня в замке никого не будет, и, я надеюсь, мы сможем, не торопясь, обсудить интересующие всех нас вопросы.

– За чашкою чая, – вставил Коля.

– О, разумеется. Кстати, вы можете остаться у меня на несколько дней. Место тут тихое – настоящая глушь...

– Да. Глушь, – Николаи и Андрей переглянулись.

– Робин Гуд в счёт не идёт, – сказал я. – Побочный эффект перехода в этот мир.

– Робин Гуд? – Ричард заинтересовался. – И как он... вооружён?

Николай достал из кармана огрызок стрелы (успел-таки вытащить из дерева).

– Стрела, – констатировал Дик. – Тогда, конечно, побочный эффект, – он посмотрел на меня.

Я всё понял: игрою моего воображения в окрестности замка проник вездесущий двадцатый век. И, вероятно, он вооружён. Отнюдь не стрелами. Я даже кажется начал догадываться, кто именно представляет здесь наше время. Но ребятам пока решил ничего не говорить.

Тем временем Гордон привёл нас к небольшой, совершенно незаметной среди зарослей хмеля, двери и мы вошли внутрь. Небольшой холл с высокими викторианскими стульями, потом каменная лестница со стёршимися ступенями, какие-то переходы, комнаты, увешанные шкурами или картинами в тяжёлых рамах, полумрак или неровное освещение свечами, – всё это вызывало в памяти картины, прочитанные когда-то давно, в детстве. Всё внушительное, тяжёлое, строгое... Чопорный английский дом, крепость его обитателей.

Наконец, за нами закрылась последняя резная дверь. Комната, похожая на все прежние: те же картины, потускневшие от времени, те же свечи в серебряных подсвечниках, с которых тщательно соскабливается нагар, те же стулья с высокомерно выпрямленными спинками. Посередине комнаты прямоугольный стол красного дерева без скатерти. И справа, в глубине комнаты, гигантский камин, вокруг которого расставлены глубокие почти современные кресла, Остывающие угли уютно потрескивали, и от них по всей комнате разливалось приятное тепло. В противоположном конце комнаты оно смешивалось с чуть сыроватой ночной прохладой, веющей из распахнутого окна. Вся эта резко контрастирующая с нашей обычной жизнью обстановка подействовала на нас мгновенно и однозначно.

– Дааа... – протянул Николай и, не найдя ничего лучшего, закончил, – ноооо... нет!

– Ричард – ты бог! – безапелляционно заявил Андрей, после чего с разгона плюхнулся в кресло, задрав ноги на каминную решётку. Дик усмехнулся

50. Уже почти полгода жил Андрей

Кажется, Щучкин

Уже почти полгода жил Андрей в этой заброшенной подмосковной деревушке. Прасковья Никитична, хозяйка, у которой Андрей снимал комнатку, никогда особенно не интересовалась его личностью. Мужик он был мирный: не пил, не буянил, выполнял кой-какую мужскую работу по дому, исправно платил за харчи, а о себе только говорил, что ожидает в своей судьбе каких-то перемен. Хозяйка особенно и не любопытствовала. Может быть, чувствовала, что её постоялец – не из разговорчивых.

Забывалась уже и частушка, которую сочинили было заводные местные девчата, заинтригованные загадочной новой личностью, появившейся в деревне. Андрей терпеливо коротал долгие сельские дни и вечера, разгуливая по окрестным полям и озёрам с удочками или со стареньким охотничьим ружьём, оставшимся у Прасковьи Никитичны от покойного мужа.

Иногда он запирался в своей комнате и доставал из видавшего виды рюкзака свой столько раз ему служивший верой и правдой автоматический револьвер. Он разбирал его, тщательно протирал и смазывал каждую детальку. Потом, собрав, подолгу любовался игрой света на блестящих изгибах его красивых стальных форм. Световые блики переливались и скользили по продолговатому воронённому телу револьвера, наполняя Андрея воспоминаниями о пережитых, казалось, ещё так недавно приключениях.

Однажды в дверях его комнаты появился Бенцман. Андрей радостно бросился к нему:

– Сэм, кажется, ты вытащишь меня, наконец, из этой болотной скуки! Здорово, дружище! Влезай сюда и рассказывай скорей, с чем ты прибыл на этот раз.

– Спакуха, парень, без спешки, – говорил тем временем Бенцман, – доставая из новенького модного саквояжа какие-то свёртки.

– Слушай, – продолжал он, – давай-ка сейчас по нормальному так выпьем и закусим, а потом между делом переговорим о том, что тебя так интересует.

Он раскладывал на столе закуску и продолжал объяснять:

– В вашей группе теперь будет 12 человек. Из старых остаются только Скаров, Биров и Зубко.

– А полковник Оранжедов?

– Он получил пулю в левую ягодицу в последней заварушке на Роже-плац, – ты, наверное, слышал, что там дело кончилось основательной перестрелкой, – и теперь лежит в госпитале.

– И Александр, как всегда, конечно, ушёл?

– Да, поэтому опять ты будешь заниматься этим делом. Найдёшь его, куда бы он ни смылся. Это ведь твоя всегдашняя стихия, насколько я разбираюсь в положении вещей.

– Стихия, стихия, – закивал Андрей, – но зачем мне этот идиот Зипко? Он всегда чуть было не проваливал наши самые ответственные операции!

– Нужен, Андрюша, нужен и Зипко, как ты его называешь. Подумай сам, какую остроту придаёт он обычно развитию сюжетной линии ваших приключений, поступая в трудных ситуациях самым неожиданным образом.

– Неожиданным! – оборвал Бенцмана Андрей. – Идиотским образом, уж сказал бы.

– Идиотским или нет, это ещё надо посмотреть. Но согласись, что с ним всё же значительно интересней.

Андрей криво ухмыльнулся и безнадёжно махнул рукой. Бенцман развернул последний свёрток, и на столе появилась бутылка «Двина».

– Это сюрприз, – не без гордости заявил он, – сейчас просто так коньячок не купишь – цены не те.

– И где ты только находишь такие связи, Сэм, – спросил Андрей, откупоривая бутылку, – да, и денег у тебя не мало, а ты вроде бы нигде не работаешь?

Он разлил коньяк по рюмкам. Молча выпили. Бенцман зажмурил глаза, понюхал лимонную дольку, посыпанную сахаром, тщательно разжевал её и, проглотив, с наслаждением вытянулся в кресле.

– А что делать, Андрюшенька, – вздохнул он, удовлетворённо улыбаясь, – такова сель а ви, как говорят... Кстати, ты ведь тоже нигде не числишься, но существуешь и ещё как!

Андрей пожал плечами.

– Я действую и существую по воле своих авторов, как и Александр, чего же ты удивляешься. А ты вот и в настоящей жизни такой же, как и в этой выдумке. Согласен со мной?

– Лично меня это не трогает, Андрюха. Неужели я тебе так неприятен?

– Да ну, что ты, Сэм, совсем наоборот. Я уж тебя давно знаю. С удовольствием бы взял тебя в свою боевую группу. Представляешь, постоянное напряжение воли, ума и нервов, ощущение погони и опасности, непрерывная и ожесточённая борьба...

– О, нет, дружище, это как раз не моя стихия. Давай-ка лучше я тебе подробно всё объясню о твоей предстоящей деятельности.

Самуил Бенцман уехал поздно ночью, оставив Андрею адреса явочных пунктов, кучу различной валюты, небольшой запас патронов к револьверу и несколько скудных сведений об Александре: о его возможных планах и вероятном местонахождении. Андрей начал укладывать вещи.

51. О том, как некоторые остаповцы встретились вдруг с Андреем

Кажется, Щучкин

– Всё-таки я тебя не могу представить реально, – сказал я Андрею. – Ты знаешь, я тебя, в сущности, выдумал, верил в то, что ты просуществуешь с пользой для дела, вообще верил в эту затею с тобой, хоть и не знал конкретно, чем это может кончиться.

– Ну, и что?

– Что? А то, что теперь я в этом сильно сомневаюсь, что из этой задумки выйдет что-нибудь.

Андрей сидел передо мной на пенёчке и задумчиво разминал в руке иглы хвойной веточки. Вокруг нас шелестели ветвями дерева равнодушного леса. Лёгкий веерок разбрасывал листьями пятна солнечного света. Я опустил на корточки и прислонился к стволу раскидистой липы. Андрей взглянул на меня, и мне показалось, с какой-то хитринкой в глазах.

– А мне вот, – сказал он, улыбнувшись, – нравилась моя жизнь. Объяснить, почему нравилась, я тебе не могу. И ты не можешь. Это парадоксально, но мы с тобой являемся одним и тем же и притом совершенно разными вещами. То есть, я – порождение твоего разума. Мы с тобой эту проблему не решим.

– Кажется, это всем понятно. Но что из этого следует? Понимаешь, Андрюха, нужно найти из создавшегося положения какой-то выход. Без лишней сентиментальности скажу тебе – мне не хочется с тобой расставаться. Может быть, просто жалко. Может быть, просто живёт у меня внутри подсознательное чувство, что не просто так появился в моём воображении именно ты, Андрей, без фамилии, без отчества, но с какой-то эфемерной целью... Вообще, чувствую сейчас, что мысли свои выражаю плохо.

– Пустяки, я тебя отлично понимаю.

Я засмеялся. Куда уж не понять! Мы поглядели друг другу в глаза. На мгновение мне показалось, что я сплю и вижу сон. Сейчас проснусь, и всё исчезнет. Андрей угадал мои мысли. А, чёрт бы побрал, как это трудно! Он же действительно существует! И он – выдумка чистой воды. Но вот он, сидит передо мной, обхватив руками

голову и. смотрит на меня внимательным и умным взглядом. Ждёт, пока я приведу в порядок свои мысли.

– Да, тяжёлая ситуация, – говорю я, так ничего и не придумав.

– Тяжело тебе со мной будет, – отвечает он. В сущности, я ведь сейчас превращаюсь в некий символ твоих внутренних противоречий. Как раз в данную минуту они тебя и раздирают. Должен тебе прямо сказать, что для настоящей ситуации у тебя, кажется, не хватает умишка. Ты не находишь?

– Нахожу, мой друг, и ты прекрасно это понимаешь. Оставь своё ехидство.

– Твоё...

– Слушай, так я с тобой разговариваю или сам с собой, в конце концов?

Андрей пожимает плечами.

– Однако, парень, сейчас ты выступаешь в совершенно новой для себя роли, – говорю я, немного помолчав. – Ничего общего со стрельбой и. разными Александрями. Это удивительно!

– Коля, кому ты коптишь мозги?

Андрей смеётся.

– Я — это ты, а ты – это я, но мы совершенно две различные личности. Существоем независимо друг от друга, то есть, пардон, я, конечно, от тебя завишу в том смысле, что меня вообще можешь забросить, в Лету, если тебе вдруг надоест когда-нибудь со мной возиться. Только ведь я абсолютно уверен, что ты этого просто так легко не сделаешь.

– Не сделаю, да; а вообще что мы теперь будем делать? Никак не пойму, как это так всё получилось неожиданно, что мы вот с тобой сидим тут и не можем разобраться в сложившемся положении вещей.

– Ну, старина, вряд ли мы друг другу сможем чем-нибудь помочь.

– Да что же делать, чёрт! Так ведь здорово получается, а?

– Гм, вообще-то действительно. Такие перспективы открываются, что дух захватывает просто. Я, например, могу выступать в самых различных ролях. Забросим на время стрельбу и постоянную борьбу с Александром. Когда ты начинаешь рассуждать о чём-нибудь эдаком, порождающем сомнения, то это я – выразитель твоих сомнений. В дискуссии, которая неизбежно у нас возникнет,

столь же неизбежно не будет единичного решения, но и на мёртвой точке твои сомнения тоже не останутся.

– Согласен, дружок, согласен. Даже рассуждая вдвоём, мы будем идти вперёд, находить что-то новое, как это происходит сейчас, например. Вслух когда говоришь, то мысли формулируются более чётко, а представь какие находки и открытия нас ожидают в этой области, если наш новорождённый творческий приём предполагается вести только письменно!

– Этот новорождённый, правда, был рождён тысячи так две назад, ещё у древних греков, у философов тогдашних. Форма диалога.

– Не важно. Главное, эту идею развить в нашем направлении. Знаю я, в чём корень зла, Андрюха. Если мы будем с тобой вариться в собственном соку, как сейчас пока что варимся, то из этой затеи опять ничего не выйдет, как и из предыдущей. Пусть там две тысячи лет одному философскому уму хватало собственного багажа, чтобы при помощи диалога выразить определенные идеи, даже целые учения, мировоззрения и прочее там, а мы пойдём другим путём.

От возбуждения я вскочил и начал, как маятник, ходить взад-вперёд мимо пенька, на котором сидел Андрей. Он закусил губу и напряжённо о чём-то думал. Впрочем, как это «о чём-то»? В эту минуту мы вместе с ним думаем об одном и том же. Только, честное слово, я уже не могу сказать, одинаковы ли наши мысли. Нет, я не сошёл с ума, друзья мои. Я действительно разговариваю с Андреем. Неизбежны моменты, когда наши чувства и мысли настолько едины, что мы сливаемся в одну личность, необыкновенно цельную и последовательную во всём, но только в такие моменты.

Сейчас он молчаливо согласен со мной. Но не раз ещё мне придётся с ним спорить. Оба мы абсолютно уверены при этом, что в наших спорах мы обязательно, вне всякого сомнения, в той или иной степени приблизимся к истине, если не придём к ней вообще. Это одна сторона дела.

Я остановился против Андрея и, прищурив глаза, произнёс вполголоса:

– У меня есть одна идея.

– Только чтоб твоя идея вывела нас из нашего замкнутого круга,
– вздохнул он в ответ.

– Выведет, не волнуйся. О наших лично с тобой проблемах мы поговорим на досуге, когда уже вполне освоимся с возникшим

положением вещей. А сейчас вот что, дорогой. Ну-ка скажи мне, с чего это всё началось, с чем мы никак не можем разобраться здесь?

– Как с чего? Ты мучился отсутствием темы, а Игорь тебе посоветовал бросить вас всех в необыкновенные обстоятельства и развить эту тему, проявив соответствующим образом соответствующие характеры в соответствующих обстоятельствах и ...

– Ясно. А как ты думаешь, что он сам скажет и вообще как отнесётся ко всему тому, что сейчас тут у нас с тобой происходит? Как видишь, в конечном итоге его идея была только толчком для этой находки.

– Ты считаешь это находкой?

– А почему нет?

– Впрочем, да. Уверен, что это находка и довольно оригинальная, не сказать бы большего.

– Ха, ты уже, как Гусев, хочешь сказать, что ты гениален.

– Да, но он же действительно не без способностей!

– А ты дай ему эту строчку почитать – он наверняка воспримет это как иронию с твоей стороны.

– Ну, так он значит действительно не дурак парень.

– Оставим Толика. Я хотел призвать на помощь Игоря. Пусть теперь и он в наш разговор встрянет. Чертовски интересно его мнение по этому поводу!

– Но он занят. Что-то пишет для Структуры ОСТАПа. Надвигается очередная Ассамблея, как ты знаешь.

– Знаю, знаю. Пусть прервётся немного. В конце концов, от него во многом зависит твоё существование, Андрюха.

Андрей кисло улыбнулся. Он презрительно посмотрел на меня и сказал:

– Один ты, конечно, не потянешь, хоть тебе и жалко со мной расставаться, как ты сказал.

Я тяжело вздохнул. Что я мог ему ответить? Он всё понимал.

– Ладно, Андрюха, давай позовём Игоря. Посмотрим, что он скажет.

– Тут и Толик не лишним будет, как ты думаешь?

– О, господи, кто в этом сомневается! Но он с самого начала как-то скептически был настроен к этой идее. Поэтому я предлагаю

позвать сначала Игоря, ему всё выложить, послушать его спокойно, а может быть, придётся кой в чём с ним поспорить, в чём-то убедить... В общем, прийти надо, как это обычно у нас было, в рассуждениях и лёгкой дискуссии к оформившимся идеям, которым начало положено и которые витают в воздухе.

– Надо поговорить, значит. А где? Опять здесь, в лесу?

– А у Игоря есть идея чайного клуба. Это ведь идеальное приложение на практике его идеи.

– Ну, зови его. Пусть ведёт в тот чайный клуб, который он хочет создать, и там, в идеальной обстановке, закинув ноги на спинку кресла-качалки...

– Не хочет создать, а уже создал.

– ???

– В воображении.

– Ух, чёрт, ну да, мы же это всё в воображении.

– И в действительности.

Мы расхохотались. Ну и дела. Кто кроме нас троих способен понять?..

– Ладно, Коля, давай за Игорем, я вас здесь подожду.

Андрей встал и потянулся. Я бросился к даче, держа два печатных листика с нашим диалогом. У ворот наткнулся на Толика.

– Дай почитать, – попросил он. Мне не терпелось поделиться и я не смог ему отказать.

– Только шток! – Я сделал выразительный жест.

Толик быстро пробежал глазами листы.

– Ну как? – спросил я с нетерпением.

Он приложил палец к губам и кивнул на Игоря. Тот уже был достаточно заинтригован. Но я и без этого чувствую, что идея обретает плоть и кровь. Игорь отпробовал кабачки, которые принесла Ирина, и откинулся на стенку. Ждёт и слушает музыку. Я сую ему эти два листа и говорю:

– Прочитаешь и подключишься. Внимательно только. Веди в чайный клуб, рассаживай, накрывай на стол, и начнём.

Игорь молча взял два листа, прошёл в другой конец комнаты и уткнулся в бумаги. Лицо у него стало таким, как будто он разбирал текст по слогам. Пальцы нервно барабанят по колену – музыка,

разговор, шипение сковородки с кабачками явно раздражают его. Я откинулся на стенку. Жду и слушаю музыку. Быть может от предвкушения ужина, но в животе у меня появилось ощущение лёгкой пустоты. Вспомнил, что Андрей сидит сейчас в лесу на пеньке... Почему-то очень захотелось увидеть его сейчас... Вдруг, краткой искрой промелькнуло в создании ощущение нереальности событий последних минут: как будто не было никакого Андрея, и пришёл я не из леса, а только что встал из-за пишущей машинки... Игорь кончил читать, подошёл к столу, задумался и сел за машинку...

.....

Я кончил читать, подошёл к столу, задумался и сказал:

– Мне это нравится. Кстати у меня есть идея. Какая – скажу потом. А сейчас собирайтесь.

Николай посмотрел на меня, и на мгновение мне почудилась в его глазах какая-то тоска. Но он сразу же встрепенулся:

– Ну как? Ты вообще понял, что я тут хотел сказать?

– Вообще понял.

– Вот тут я, по-моему, так по делу выступил. Я только хочу, чтобы ты понял, и вот Толик тоже. Тут один момент такой...

...На улице уже была ночь. Фонаря мы не взяли и Коля боялся не найти то место, где должен был ждать нас Андрей. Когда мы наткнулись на непролазную чащу высохших ёлок, стало ясно, что мы заблудились.

52. Плоды нового сидения Игоря Бурдонова и меня совместно с вином, законспирированного под чай

Кажется, Щучкин

Вдруг несколько порывов весеннего ветра влетают в окно, но, ослабленные раздувшейся тюлевой занавеской, они лишь слегка гладят неприкрытую кожу лица и рук лёгкими прохладными дуновениями. Этих нежнейших прикосновений утренней свежести достаточно, чтобы сознание почти проснулось. Ритм музыки нарастает. Тревожные звуки щёточек выбегают из-за медленного и мягкого звучания остальных инструментов, они уже готовы образовать новый, быстрый, ПРОБУДИВШИЙСЯ ритм, но сознание не хочет покидать этого состояния сладостной утренней неги, желание толкает его назад, к прежним смутным образам сновидений, которые где-то ещё неуловимо появляются и вновь исчезают.

Неожиданно навстречу этому желанию откуда-то из глубины распускается ещё раз пленительно-вязкий туман сна, и сознание опять погружается в его сладкую истому с радостным облегчением окончательного... ПРОБУЖДЕНИЯ. Как на огромных качелях ещё на взлёте возникает предчувствие падения, так последняя волна сна не в силах побороть в сознании предчувствия неотвратимо надвигающейся реальности, она медленно спадает, и с последним, широко растёкшимся аккордом пьесы сознание окончательно просыпается...

+++++

Не могу сказать, что всё здесь наверно было написано два года назад. Это похоже на пробуждение вообще, есть что-то и от "Пробуждения" Игоря Бриля, но, кажется, что всё-таки не совсем то. Здесь нет тревоги, которую вводит смычок контрабаса, даже не тревоги, а просто какого-то тревожного предчувствия.

+++++

ПЛОДЫ НОВОГО СИДЕНИЯ ИГОРЯ БУРДОНОВА И МЕНЯ
СОВМЕСТНО С ВИНOM, ЗАКОНСПИРИРОВАННОГО¹ ПОД ЧАЙ

10 июля 1971 г.

Бурдонов – 1.

Я – 2.

1. §1. Ничаво гениального мы на даче не накатаем (?).

§2. Смысл есь. Почему? Смотри ниже.

§3. А вдруг накатаем?

§4. Если мы будем писать каждый день и довольно по многу и довольно упорно и не одни лишь «сидения совместно» (здоровье надо беречь), то мы:

1. лучше пообтерёмся, подладимся, подстроимся друг под друга в смысле стиля, идей, тем.
2. можем выработать совместный стиль путём поиска надлежащей организации совместного писания.
3. выработать эту организацию можно, но только путём практики, то есть: сесть и пробовать.

§4. Есть надежда! Мне кажется, что уже наклёвываются идеи и теми и деже (!) стиль. Не дать этому раствориться в дурости «совместного сидения» и формализме и пустоте предварительного обдумывания «как писать и что писать»!

§5. Женя?! По-моему тут есть нечто достойное написания. Никто из нас в её не влюблён (хе-хе), но это и клучшему. Мысль – трезвее, эмоции не мешают (я писал о Кате лучшие места после эмоций, а не во время их), тема знакома. Собственно говоря, и это надлежит взять в основу, Женя тут как бы и ни причём. Она – лишь повод для написания, центр, вокруг которого мы можем вращать свои гениальные мысли и образы и который сам по себе суть пустота (почти). Она – лишь точка опоры, печка, от которой можно танцевать. Но не печка – главное в танце!

§6. Что ещё, кроме Жени? Как ни покажется тебе это старым и бесперспективным (мол, тока что этому болвану втолковывал!) – Андрей. Но не сам Андрей, а Мы, которые о

¹ ПРИМЕЧАНИЯ ЗАКОНСПИРИРОВАННЫМ

нём хотим и пробуем писать! Ведь это весьма забавно и на первый взгляд даже странно (потому и наводит на размышления), что мы, вполне нормальные обыватели, живущие в 20 веке и т.д и т.п., решили вдруг писать про какого-то там Андрея с пистолетом за резинкой трусов, вечно гоняющегося неизвестно зачем и почему за таким же сумасшедшим Александром?' А? На фига? Да ещё считаем, будто бы сие как-то очень переплетается с нашим внутренним миром.

53. стишки Дурацкие стишки во время какого-то
совместного сидения

Согласно теореме Бьюльценбаха в банаховом пространстве.....

ВО глубине сибирских руд Нашёл Бурдонов изумруд

Вот пиво пенится в стакан,
А вот мой мозг лежит в
тумане.
Вот это пиво льётся в рот
И охлаждает пищевод
Производя переворот
В моём измученном сознании.

И. БУРДОНОВУ.

Ты нам мозгой не нагоняй тумана
И пищевод цистерне твой подстать.
Всё врешь зараза, будто пьешь
 стаканом.
А почему же пива не достать?
А.ГУСЕВ

Нам пиво не достать,
Сиё, конечно, факт.
Для вас, е... мать
Готов сибирский тракт!

Когда же в остром недостатке
аргументов
Ты прибегаешь к фирме «КГБ»
Тебя назвать осталось
«экскрементом»
И на ушко, без женщин, буквой «Б»

Я «Б» давно!
Чтоб дать ответ
Тебя, г...
Спущу в клозет...!

Есть предложение, дискуссию закончить.
Твой мозг обратно унести в туман.
Ну и для примеренья, между прочим,
Наполнить мною твой большой стакан.

Все вирши дурацкие эти ваши
Не стоят мизинчика Пушкина Саши.

Но стоят они в то же самое время
Того, по чему ставил Лермонтов время.

Вот Щучкин стонет (прости Коля, опечатка)
за столом
В его изысканном сознание
Минога бьёт (прости, Коля!) сырым хвостом
Ита-та-та-та
В иступленьи (два сс/ ЭсЭс)

Сиё, конечно, очень скушно!
Но даже этот Саня Пушкин
Не придумал рифму лучше,
чем простая «пива кружка»!
И вообще, сказать должен:
Этот Пушкин был пижон!
В с пижоном разговор
Очень прост, быстр и сор...

Игорь, Игорь, ты могуч!
Ты меж мыслей, как меж туч.
Что ты ругаешь, всё уж ругано.
А меж словами ты как пугало!

Разве ж я пугало, бог с тобой!
Я – человек совсем простой.
Разве что так, иногда, между прочим
Выдам я что-нибудь очень...
Ну, не совсем уж банальное,
Просто «простое, как гениальное»!

Читаю стихи твои, музыку слыша.
Мечтаю про пиво, про кружку и тишь.
Умри ты Бурдонов, лучше не напишешь
И лучше чем я не сочинишь!

54. О снах

точная датировка неизвестна

1. Походы.
2. Дача.
3. ОСТАП и его люди.
4. Свадьба и подобное.
5. Сидения совместно с ...
6. Авиатор. Лена.
7. История с Борисом.
8. Общие знакомые: Лена, Оля Хатлубей, Гусев, Ирина Попова, Печковская Оля, Женя Кац, Букетов,
9. Игорь: Наташа Козлова, Катя Куртова, Кадрия, Петя, Вадим, Рая,
10. Коля:
11. «Сон» и что происходит, когда кончается сон.
12. Два героя. Каждому снятся сны. И что-то происходит в бодрствование с этими героями.
13. От первого лица, – «я».
14. Притчи из «сидения совместно с ...»
15. «В последнее время Боб живёт странной ночной жизнью.
16. Три сна – вехи. Первым сон – то, что написано 4 года назад. Второй сон – всё хорошо, люди – «за нас». Третий сон – как Игорь написал бы щас. Или второй и третий сон меняются местами. НАОБОРОТ.

Процесс развития из мальчика мужчины. Комплексы неполноценности. «А я на всё плевал...». Мудрость зрелого человека.
17. Последовательность знакомств:

Первое – новая компания знакомых. Девушка, которая сразу бросается в глаза. Оказывается через некоторое время, когда «мне» уже кажется, что всё в порядке, что она «замужем» или уезжает или что-то в этом роде.

- Второе – одна из девушек этой компании незаметно входит.
«История с Катериной».
- Третье – «История с Людой»(?).
- Четвёртое – серия мелких связей (Женя и т.п.)
- Пятое – любовь зрелого человека.

Первый сон – перед первым знакомством.

Второй сон – между вторым и третьим.

Третий сон – в середине или в конце пятого.

18. Что бы ещё хотелось включить: «Козлова» (четвёртое?)

«Кадрия» – ? Уже...

19. Такие мелочи, как: «Оля Степанова»

«Лида»

«Наташа с какой-то»

«Рая»

20. К вопросу о психологии героя: самое верно...[неразборчиво]... поведения с психологической стороны оказ...[неразборчиво]... парадоксальным.

21. И тогда я ей предварительно наврал...

55. Я сидел за письменным столом

Я сидел за письменным столом и кусал ногти. Работа не клеилась. И вообще ничего не клеилось. Мир разрезали на мелкие кусочки и тщательно перемешали их между собой, так что восстановить целостную картину было совершенно невозможно. Тем более, что у меня не было уверенности в том, что все составные части картины находятся в моём распоряжении. Содержание картины мне неизвестно (иначе не было бы нужды её восстанавливать), но я знаю, что это нечто весьма важное и даже решающее в моей жизни.

За стеной у соседа, сурового реалиста, громко играла весёлая музыка и молодые голоса исполняли песню с не очень понятными словами не то о том, что любви нет, не то о том, что она всё-таки есть. За окном, наглухо закрытым и занавешенным плотной шторой, шумели автомобили. Приближался душный июльский вечер. Я закурил, зажёл лампу, и погрузился в созерцание столбика пепла на конце сигареты.

Через полчаса я уже принял решение и, уютно устроившись на заднем сидении такси, бросил водителю короткое «вперёд». Шофёр такси оказался самым обычным, заурядным, заспанным человеком с слегка мутноватыми глазами. Но затылок, покрытый коротким ёжиком жёстких волос какого-то странного серого цвета, был очень хорош. Как раз то, что мне надо, подумал я, и начал эксперимент.

.....

§1. Начала.

§2. Концы.

§3. Продолжения начал.

§4. Сюжеты.

§5. Наблюдения, зарисовки.

§6. Развёрнутые мысли.

.....

А почему бы мне и не выпить, подумал я, и внимательно оглядел собравшихся за праздничным столом. Пожалуй, они тоже не прочь. Разумеется, по другой причине, совсем по другой причине. И я налил себе бокал шампанского и выпил его до дна. Гости набросились на салаты, заливные и паштеты, тогда как я, в отличие от них, лишь слегка надкусил яблоко. Правда, очень хорошее сочное яблоко.

Завели музыку, закурили сигареты, завязали разговоры. И я тоже слушал музыку, курил сигарету и даже, кажется, принял участие в каком-то споре. Но всё это было для *меня* лишь формальностью, которую, конечно, необходимо соблюдать, но которая вовсе не имеет отношения к *существованию* происходящего. Пристально изучая окружающую меня реальность, я фокусировал свой взгляд не на ней самой по себе, а на то, что находилось *за* нею. По ту сторону явления я обнаружил, впрочем, предвидя это, нечто совсем иное, я бы даже сказал, *противоположное* качество. Ну, а когда начались танцы, я прямо таки физически ощутил двойственность или, точнее, двусторонность наличного бытия. Вообще, в движении истина становится отточенней и нагляднее, хотя сама по себе наглядность не была моей целью.

Вначале я только наблюдал за танцующими парами, отмечая целую серию любопытных и чрезвычайно важных *подробностей*. Особенно много пищи для размышлений и выводов давал шейк, а также очень медленные танцы, особенно при слабом освещении или вовсе без него (правда, в последнем случае наблюдение становилось затруднительным и кое-что приходилось домысливать). Исчерпав возможности метода простого созерцания действительности, я перешёл к активным *экспериментам* с имеющимся естественным материалом и в *естественной*, что очень важно, среде. Я пригласил на танец (следует отметить, что это был *медленный* танец) молодую особь женского пола, отличавшуюся, что я выяснил во время начального этапа простого наблюдения, особенно живым и вполне однозначно интерпретируемым взглядом больших голубых слегка расфокусированных под воздействием алкоголя глаз.

Поскольку в исследуемом мною виде живых существ весьма большое значение придаётся не только выражению и форме зрительных органов (это имеет место везде и всегда), но и многим другим внешним признакам человеческого тела (подчас, как ни странно, эти другие внешние признаки играют даже большую роль), то я останавлиюсь подробнее на описании выделенной мною особи. У неё были светлые волосы, распущенные и завитые на концах, маленькие уши, слегка вздёрнутый прохладный нос, слабо выраженный подбородок и влажные, свежие губы, рот слегка приоткрыт и можно заметить два ряда ровных острых зубов сравнительно красивого белого цвета. Фигура этой особи, хотя и скрытая, как у всех людей, под одеждой, просматривалась всё же достаточно чётко. Как и обычно несколько покатые плечи были уже, нежели бёдра, но шире, чем талия. Последняя, правда, была

вдобавок перетянута широким поясом с пряжкой из жёлтого металла. Молочные железы, хорошо развитые и сильно упругие, подчёркивались специальной составной частью одежды, скрытой под верхним платьем. Бёдра, закрытые частично одеждой, мягки на ощупь, подвижны и обладают повышенной чувствительностью (того особого рода, которая связана с принятой у людей системой продолжения рода), особенно в верхних своих частях.

.....

Тугая пружина вновь сжалась, дверь захлопнулась и я оказался в городе. Ночной тёплый воздух медленно плыл в берегах пятиэтажных домов, вбирая в себя запахи горячего асфальта, дворовой зелени и чего-то ещё, неуловимого и всегда сопутствующего большому городу. В окнах домов горел свет.

.....

– Однако, странно вы рассуждаете, – возразил Александр и взвёл курок.

– Отчего же? По-моему вполне логично, – отозвался Андрей и тоже взвёл курок.

56. ДВЕ ПРИТЧИ

Мальчик.

– Мальчик, – говорю я ему, – повернись боком.

Он доверчиво повернулся. Я ему раз! – по затылку. У него кепка слетела, и он едва не упал. Потом отбежал шагов на пять и кричит:

– Дяденька, а дяденька!

Я уж было уходить хотел, не поворачиваясь, но повернулся всё же. А он мне булыжником по лбу как заедет! В глазах у меня чёртики забежали, серебряные точки заскользили по-броуновски. Всё так стало нереально и чудно...

– Что же ты мальчик, – прошептал я, погружаясь в темноту, – как-то ты так...

И я без чувств скатился в канаву.

(Н.Щучкин)

День

Проснулся я – день солнечный.

– Что ты мне принесёшь, солнечный день? – ~~сказал говорю~~ сказал я вслух.

А он отвечает: – Ничего.

– Как ничего?

– А так. – ~~посмотрел на меня серьёзно очень, а губы улыбаются странно как-то. Повернулся и ушёл. говорит он, поворачивается и уходит~~ повернулся и медленно ~~пошёл~~ начал уходить.

Я ему кричу вслед: – Подожди! Надо же что-то сделать. Нельзя же просто так уходить.

Не слышит. Я ~~поглядел~~ ~~гляжу~~ поглядел вокруг – вечер уже. Темно. Я снова лёг ~~ложусь~~ лёг спать.

57. ТАБОЛОВО-71

плоды совместного сидения Бурдонова И.Б. отдельно от
а л к о г о л я

эпиграф № 1: «Очевидно всё же, что сочинения этого незаурядного мастера слова при всей их неравноценности, причудливом сплетении в них принципиально для нас неприемлемого с подлежащим критическому освоению оставили свой след в культуре ...»

С.Великовский. Из предисловия к книге «Йльбер Камю. Избранное».

эпиграф №2: «Приятно иногда бывает почитать Игоря Бурдонова. Но очень трудно попасть с ним в одну струю...»

Н.Щучкин

эпиграф №3: «Книга рассчитана на советскую Интеллигенцию, партийный актив, лекторов, преподавателей истории, военных работников, студентов высших учебных заведений».

Из предисловия к «Истории Дипломатии», Москва, 1941.

Эпиграф №4: «Учитывая сложность и спорность многих вопросов, автор не стремился уложить весь материал в жёсткую схему, предпочитая дать читателю пищу для самостоятельных размышлений».

И.С.Кон. Из предисловия к «Социологии личности».

эпиграф №5: «Я сижу и пишу. И так будет завтра. И послезавтра. И послепослезавтра. И через неделю. И через месяц. И через год Так устроен мир, такова природа вещей, что я оказываюсь самым естественным образом сидящим и пишущим».

И.Бурдонов, недавний.

эпиграф №6: «хоть и прекрасно знаю, уверен про себя, что я очень умный, а не могу выразить... что выразить? Ах, да выразить это самое. В общем, умный я, а выразить не могу...»

Н.Щучкин.

«Вот ты умный, да... талантлив ты в..»

Н.Щучкин.

эпиграф №7: «Снова шумит поток мыслей...»

И.Бурдонов, ранний.

эпиграф №8: «ПИШИ, ГАД, таково твое предназначенье.

Тут ничаво, брат ни папишешь.

продолжай своей мысли тиченья...»

А.Гусев

эпиграф №9: «Создавая свою философскую систему, он преодолевает односторонние подходы своих предшественников».

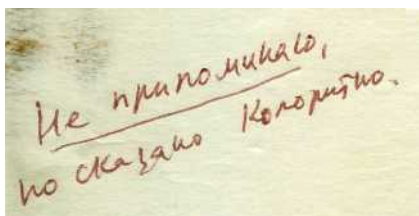
М.Розенталь. Из предисловия к «Науке логики» Гегеля, Москва, 1971.

эпиграф №10: «Кроме того, надо ведь доставить моим будущим биографам достоверный материал, дабы они не имели возможности перевернуть, передёрнуть, интерпретировать, измышлять, фантазировать, злословить, клеветать, идеализировать упрощать, усложнять и т.д. и т.п. реальную действительность в отношении меня.»

И.Бурдонов, поздний.

эпиграф ПОСЛЕДНИЙ: «Бурдонов – это ярко выраженная романтическая блядь.»

П.Короп. Из реплик.



ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. Автор выражает сердечную признательность С.Великовскому, Н.Щучкину, авторскому коллективу «Истории Дипломатии», И.С.Коню, А.Гусеву, М.Розенталю, П.Коропу и др. за ценные пожелания и советы, которые сыграли значительную роль в создании настоящей работы.

Содержание:

- Таболово 1 – Ну и что? – сказал я и закурил сигарету.
- Таболово 2 Я плыву на лодке по затопленному кладбищу. Таболово 2
- Таболово 3 Тихо. Горит лампочка в оранжевом абажуре.
- Таболово 4 Н-да... Что-то меня клонит ко сну.
- Таболово 5 Утро. Эби Роуд. Солнце за окном.
- Таболово 6 ОДИН ГОД СПУСТЯ...
- Таболово 7 Мысль: Надо бы переписать заново
- Таболово 8 Уяснение: Чем хорош Андрей?
- Таболово 9 Мысль: Недостаток «Сна» в попытке
- Таболово 10 СОН
- Таболово 11 Переписал «Сон». Вроде бы и лучше вышло
- Таболово 12 По просёлочной дороге среди колыхания трав
- Таболово 13 Когда пробило полночь, человек сидел
- Таболово 14 Какие чудесные краски на горизонте!
- Таболово 15 Мне приснился сон. Детектив. В цвете.
- Таболово 16 Ничего так сон. Алогичность полная.
- Таболово 17 Куда идти? Надо бы написать что-нибудь
- Таболово 18 Ну, в общем ладно. Устал я.
- Таболово 19 Дик Френсис. «Фаворит».
- Таболово 20 23 часа 15 июля тире 3 часа 16 июля.
- Таболово 21 ПОПЫТКА К ВОЗВРАЩЕНИЮ
- Таболово 22 Я прервал написание «Попытки»
- Таболово 23 Всё-таки не могу писать.
- Таболово 24 Из серии «Маленькие притчи»
- Таболово 25 Кадрия вчера приехала. В 23 часа 30 минут.
- Таболово 26 19 часов 30 минут. Были в лесу.
- Таболово 27 Час назад уехали тётя Наташа и дядя Андрей
- Таболово 28 Кроме того, надо ведь доставить моим
- Таболово 29 Это прекрасная мысль! Надо бы как-нибудь
- Таболово 30 – Неужели вы никогда не испытывали страха
- Таболово 31 – Да на вас лица нет!
- Таболово 32 – Неужели вам всё безразлично?
- Таболово 33 – И вам не надоело это дело?
- Таболово 34 – Жизнь – игра!
- Таболово 35 – Вам никогда не хотелось начать жизнь
- Таболово 36 Прослушал новости «БИ-БИ-СИ».
- Таболово 37 – Войдите в моё положение.
- Таболово 38 Сказано ж было – спать. А может быть
- Таболово 39 из серии «Маленькие хитрости»: – Чего-с?
- Таболово 40 Вот где дурость-то!

Таболово 41	<i>Утро. Светло. Прохладно. Спокойно. Чинно.</i>
Таболово 42	<i>стишки Ветер завихряется в листве деревьев.</i>
Таболово 43	<i>Ну и ну! Чего это такое я написал?</i>
Таболово 44	<i>– Господин посол! Я слышал, что ваша страна</i>
Таболово 45	<i>Отрывок из сна, который приснился мне</i>
Таболово 46	<i>из серии «Маленькие хитрости»: – Да есть ли</i>
Таболово 47	<i>из серии «Маленькие хитрости»: – Не мешало</i>
Таболово 48	<i>Господи! Если ты есть – останови маразм!</i>
Таболово 49	<i>В четыре часа я решил совершить</i>
Таболово 50	<i>Идёт дождь. Губу почему-то раздуло.</i>
Таболово 51	<i>Итак, писатель, который описывает своё</i>
Таболово 52	<i>Я занимаюсь тем, что усердно</i>
Таболово 53	<i>Не мешало бы написать небольшое эссе</i>
Таболово 54	<i>Продолжаю вести прицельный огонь</i>
Таболово 55	<i>Бам! Бам! Бам-бам-бам! Бумс! Это музыка</i>
Таболово 56	<i>Будни, заполненные заботами и скукой</i>
Таболово 57	<i>Я кончил предыдущий отрывок, потому что</i>
Таболово 58	<i>ОПЫТ САМОКРИТИКИ</i>
Таболово 59	<i>Боже мой! Что за чушь я написал?!</i>
Таболово 60	<i>Неужели я так и не напишу</i>
Таболово 61	<i>23 часа 30 минут. Сейчас я лягу спать</i>
Таболово 62	<i>10 часов 51 минута. 11 часов 6 минут.</i>
Таболово 63	<i>Он шёл по дороге. Дождь и ветер.</i>
Таболово 64	<i>Он шёл по дороге. Между небом и землёй</i>
Таболово 65	<i>«ОЛЯ! (А также Коля – если он приехал).</i>
Таболово 66	<i>Надоели, однако, мне эти</i>
Таболово 67	<i>Разговор в самолёте</i>
Таболово 68	<i>Неплохой диалог, по-моему.</i>
Таболово 69	<i>Сходил в террасу и устроил</i>
Таболово 70	<i>стишки В чёрном окне – Чёрная ночь.</i>
Таболово 71	<i>18 часов 52 минуты. Голова у меня</i>
Таболово 72	<i>8 часов 45 минут. Проснулся я – семи не было</i>
Таболово 73	<i>Сегодня ночью мне приснился сон (1)</i>
Таболово 74	<i>Сегодня ночью мне приснился сон (2)</i>
Таболово 75	<i>Сегодня ночью мне приснился сон (3)</i>
Таболово 76	<i>Сегодня ночью мне приснился сон (4)</i>
Таболово 77	<i>Сегодня ночью мне приснился сон (5)</i>
Таболово 78	<i>Таболово 78Итак, семь вариантов одного абзаца</i>
Таболово 79	<i>Перехожу ещё раз на страницу</i>

13 июля 1971 года Таболово

Таболово 1. – Ну и что? – сказал я и закурил сигарету.

– Ну и что? – сказал я и закурил сигарету.

– То есть, как что! – молодой человек находился в явном замешательстве. – Вы же сами только что сказали, что ждали этого события всю жизнь.

– Я вовсе не отказываюсь от своих слов. Но и не вижу причин для радости. Скорее я должен быть печален – мне нечего больше ждать.

– Странно, – сказал молодой человек и замолчал в задумчивости.

Действительно странно, подумал я про себя, как же так получилось, что

.....

Таболово 2. Я плыву на лодке по затопленному кладбищу.

Я плыву на лодке по затопленному кладбищу. Из воды торчат гранитные памятники и железные, покосившиеся кресты. Густые кроны деревьев смыкаются над моей головой. Я знаю, что сейчас день и светит яркое солнце. Но здесь, на кладбище, царят зелёные сумерки. Мои руки, лежащие на вёслах, – светлого зелёного цвета. Зелёная вода. Зелёные камни. Зелёный, сырой и холодный воздух.

Я один. Вокруг никого нет. Вообще нигде никого нет. И не будет. Я очень хорошо это знаю – здесь нет ничего, кроме бесконечного зелёного одиночества. Я один посередине этого бесконечного зелёного одиночества плыву на лодке по затопленному кладбищу.

Камень. Большой круглый надгробный камень, заросший зелёным мохом. Я провожу рукой по влажному мягкому мху, я стараюсь расчистить поверхность камня. Там, на этом надгробном зелёном камне, написано что-то очень важное, что я обязательно должен прочитать. Я стараюсь содрать слой зелёного моха, но у меня ничего не получается. Слишком долго лежит здесь этот камень, слишком долгое время покрыт он мохом. Мох крепко врос в

поверхность камня, нет никакой возможности добраться до надписи. Это очень важная для меня надпись.

Я плыву на лодке по затопленному кладбищу. Бесконечное зелёное одиночество наполняет всего меня изнутри. У меня нет мыслей. У меня нет желаний. У меня нет памяти. Я ничего не знаю, кроме этого бесконечного зелёного одиночества. И кроме этой бесконечно важной для меня надписи на надгробном камне, поросшем зелёном мохом. Надписи, которую мне никогда не прочитать...

.....

Таболово 3. Тихо. Горит лампочка в оранжевом абажуре.

Тихо. Горит лампочка в оранжевом абажуре. Дым от сигареты поднимается кверху, проникает в трещины старых почерневших досок низкого потолка. Белые занавески на окнах. Остановившиеся часы с гирями. Большая икона с вышитым полотенцем. Свежевымытый тёплый пол деревенской избы. Яркий календарь «Техмашэкспорт» за прошлый год. Застеленная кровать с чистыми белыми простынями. Испорченный телевизор. Поцарапанный приёмник какой-то странной древней конструкции. Рядом с огромной давно не белёной печью – большой сундук, накрытый зелёной клеёнкой. Рассыпанная колода карт. Пишущая машинка на столе.

.....

Таболово 4. Н-да... Что-то меня клонит ко сну.

Н-да... Что-то меня клонит ко сну. К чему бы это? А? И музыка уже не слушается и сигарета не курится... Молился ли я на ночь? По всему видно – не молился... Что-то сегодня мысли низко летают. Вот ещё одна полетела: что за мысль, так и не успел рассмотреть. Ну вот: теперь целых две летят, какие-то тёмные и неясные. Стало быть, гнездо близко... Успокоились, наконец, и мысли. Эмоции уж давно баиньки-баю. Бабочка залетела, гонялся за нею – всё пришибить хотел, а она взяла и снова в окно упорхнула. Нда... Ощущения вот только остались, самые такие первичные... Засыпаю я – как сказать об этом? В общем, сплю уже, а выразить не могу. Сплю потому что я и...

.....

среда, 14 июля 1971 года Таболово

Таболово 5. *Утро. Эби Роуд. Солнце за окном.*

Утро. Эби Роуд. Солнце за окном. Прохлада в комнате. Приятно. Однако чего писать? Может быть, почитать детектив? А? Не мешало бы позавтракать и закурить сигарету. А то натошак курить вредно. Надо бы перечитать «Падение» Камю, а то я уж забыл его совсем.

Начал читать «Падение» Камю – как-то уж больно скоро надоело. Куда идти? А?

.....

Таболово 6. *ОДИН ГОД СПУСТЯ...*

ОДИН ГОД СПУСТЯ...

Вечером 27 января я вышел на остановке автобуса

.....

Таболово 7. *Мысль: Надо бы переписать заново*

Мысль: Надо бы переписать заново «Размышления» в части касающейся Кати под новым углом зрения – как я сейчас смотрю на всё это. НО включить также органически и свое ТОГДАШНЕЕ состояние.

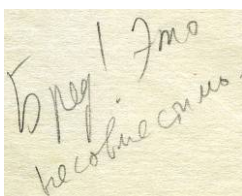
.....

Таболово 8. *Уяснение: Чем хорош Андрей?*

Уяснение: Чем хорош Андрей? Чтобы это понять, надо прочесть начало «О том, как некоторые остоповцы встретились вдруг с Андреем». Всё дело в ОБРАТНОЙ СВЯЗИ авторов и героев! Обратная связь, которая отражается на бумаге: поэтому речь уже с самого начала идёт не только об Андрее, Александре и т.п. но и О НАС САМИХ и о нашем отношении к выдуманному нами героям.

Таболово 9. Мысль: Недостаток «Сна» в попытке

Мысль: Недостаток «Сна» в попытке анализировать сон, причём плохо. Петя говорил о необходимости всё сделать в сюрреалистическом КОНТРАСТНОМ духе. Но ведь вся прелесть «Сна», по-моему, заключается в его РАЦИОНАЛИСТИЧНОСТИ, которая сочетается с СЮРРЕАЛИЗМОМ. Может быть, поэтому надо как раз наоборот обыграть анализ сна после пробуждения. Во сне я не анализирую и не размышляю – но там есть рационализм, только это рационализм ОЩУЩЕНИЙ.



.....

Таболово 10. СОН

Сегодня ночью мне приснился сон.

Я стоял в углу небольшой квадратной комнаты. Гладкие серые стены без окон. Дверь. Потолок. Пол. И больше ничего. Странное ощущение нереальности и вместе с тем обыденности. Я никогда не был в этой комнате, она была незнакома мне. И всё же я не чувствовал себя неловко: как будто я знал, для чего я здесь.

Почему я не сразу заметил этих людей? Они стояли в стороне от меня тесной группой и негромко о чём-то переговаривались. Эти люди были старше меня. Я понял, что они хорошо меня знают и говорят тоже обо мне. Что они говорят, я расслышать не мог, но было ясно, что это нечто важное и может быть даже решающее для меня. Казалось, между нами существует какая-то договоренность, и эти люди обсуждают, как лучше выполнить мою просьбу. У меня возникло чувство полного доверия к этим совершенно незнакомым мне людям, я предчувствовал, что они должны разрешить какие-то мои трудные вопросы, придумать что-то очень нужное для меня. Я уже ждал конца их разговора, когда они обратят на меня внимание; они принесут мне какое-то избавление, дадут то, чего я так долго ждал. Такое было у меня ощущение, но о чём конкретно шла речь, я не смог бы тогда сказать.

Сегодня ночью мне приснился сон.

Я стоял в углу небольшой комнаты с гладкими серыми стенами без окон. Дверь. Потолок. Пол. И больше ничего. Я никогда не был в этой комнате, она была незнакома мне. И всё же я не чувствовал себя неловко: как будто я знал, для чего я здесь.

Почему я не сразу заметил этих людей? Они стояли в стороне от меня тесной группой и о чём-то переговаривались между собой. Я совсем не слышал их голосов, но понял, что они говорят обо мне. Странное чувство ожидания владело мной. Должно было произойти то, о чём я всегда мечтал, но что было совершенно невозможно по самой своей природе. Это была ненормальная мечта: мечта о том, что кто-то всё понимавший и всесильный одним разом покончит с моими сомнениями и трудностями, легко и быстро устроит всё самым лучшим образом. И мне ничего не надо будет делать, ни о чём не надо будет беспокоиться. Этот волшебник сможет так понять меня, как никогда не смогу понять себя я сам, и сможет так повернуть мою жизнь, всё, что происходит вокруг меня, как это хочется мне самому, даже если я не подозреваю об этом. Конечно, такого не может быть – это сродни вере в бога. Но я и чувствовал, что эти совершенно незнакомые мне люди как раз и собираются исполнить эту мою патологическую мечту, и я испытывал к ним абсолютное, болезненное доверие.

Странное чувство ожидания владело мной. Я испытывал к этим, совершенно незнакомым мне, людям, какое-то болезненное чувство абсолютного почти что рабски покорного доверия. Эти люди всё про меня знали и понимали меня так, как никогда не смогу понять себя я сам. Я чувствовал, что они способны разрешить все мои вопросы, исполнить все мои желания, даже те желания, о которых я и не подозреваю. Я был целиком в их власти, и теперь они будут управлять моей жизнью, разрешать все мои вопросы, исполнять все мои желания, даже те, о которых я не подозреваю. У меня не будет сил сопротивляться им, потому что это всё равно, что сопротивляться самому себе. Они могут делать со мной всё, что захотят, потому что, это я так захочу.

Странное чувство ожидания владело мной. Я испытывал к этим, совершенно незнакомым мне, людям какое-то болезненное чувство покорного доверия.

СОН

Сегодня ночью мне приснился сон.

Я стоял в углу небольшой комнаты с гладкими серыми стенами без окон. Дверь. Потолок. Пол. И больше ничего. Я никогда не был в этой комнате, она была незнакома мне. И всё же я не чувствовал себя неловко: как будто я знал, для чего я здесь.

Почему я не сразу заметил этих людей? Они стояли в стороне от меня тесной группой и о чём-то переговаривались между собой. Я совсем не слышал их голосов, но понял, что они говорят обо мне. Люди эти были серьёзны, они не смеялись, не жестикулировали. Но их лица не были и хмурыми, казалось они деловито и не торопясь обсуждают детали какого-то дела, в общем-то уже решённого раньше. Ни один из них ни разу не взглянул в мою сторону, казалось, они не замечают меня. Неизвестно почему я испытывал к этим людям доверие и чувствовал, что мне следует постоять здесь и подождать конца их разговора.

Дверь открылась и в комнату вошла девушка. На ней было платье, короткое серое платье, плотно облегающее фигуру. Воротник платья был отделан гладким и мягким мехом коричневого цвета, у неё были волосы, не очень длинные, но и не очень короткие, скорее тёмные, чем светлые, и уложенную в несложную, но красивую причёску. На ногах – туфли на невысоком каблуке, без всяких украшений, капроновые чулки. Была ли девушка красива? Я бы сказал, что да.

Девушка посмотрела на меня. Все посмотрели на меня. Никто не сказал ни слова, ~~но я понял~~. Я молча вышел вслед за девушкой в длинный серый коридор. Мы пошли по длинному серому коридору, а люди, те люди, что находились в комнате, стояли в дверях и смотрели нам вслед, пока мы не скрылись за углом. У них были всё те же серьёзные, но не хмурые лица, казалось, они обо всём договорились и теперь просто наблюдают за событиями. Больше уже я не видел этих людей, но чувствовал, что они не забыли меня и, может быть, опять обсуждают какие-то детали, касающиеся меня. Я был благодарен этим людям, что они решили познакомить меня с этой девушкой, хотя мы не были даже представлены друг другу.

Девушка остановилась. Она остановилась сразу и повернулась ко мне. Она остановилась так сразу, что я, продолжая двигаться, подошёл близко к ней, слишком близко. Зачем стоять так близко? Это неудобно, неудобно разговаривать, неудобно двигаться, даже

неудобно дышать. Девушка не отстранилась; её глаза искали мои; её тело коснулось меня, едва коснулось.

Меня охватил страх, и даже не страх, а робость, и даже не робость, а боязнь. Боязнь близости. Мне захотелось убежать, убежать и остаться одному, одному, когда тебя никто не любит. Так привычнее.

Кто-то засмеялся, заговорили голоса, захлопали двери, зашагали ноги. В коридоре стало много людей. Девушка отодвинулась, мне показалось, что она чуть слышно вздохнула. Мы пошли дальше. У неё была красивая походка, неторопливая и прямая. Мне трудно её описать.

Мы спустились в нижние этажи. Здесь были мрачные помещения, низкие потолки и массивные стены. Немного пахло сыростью, и свет казался тусклым. Девушка коснулась моего плеча, и я обернулся, и наши лица оказались рядом. Мне было неловко стоять так, полуобернувшись. Мне было неловко с девушкой, потому что в этом сне мы были друг для друга. И я не мог просто уйти, и мы не могли быть просто знакомыми или даже чужими.

На нижних этажах тоже ходили люди, и мы снова поднимались выше. Я и девушка должны были любить друг друга. Почему? Мы ни разу не думали об этом. Это казалось естественным, как будто не могло быть иначе. Странное чувство, когда рядом девушка, и ты знаешь: стоит вам остаться наедине, и ты будешь любить ее, и она будет любить тебя. А пока мы незнакомы и нам неловко друг с другом. И она для меня первая и я для неё первый и всё впервые, но уже известно заранее, что мы будем любить друг друга. Надо только остаться наедине и мы ищем укромное место и облегчённо и разочарованно вздыхаем, когда появляются люди.

Мы бродим по этажам, заходим в пустующие, но тут же заполняющиеся людьми, комнаты, поднимаемся по узким лестницам. И везде много народу: прогуливаются старые люди, играют ребятишки, хозяйки развешивают бельё на верёвках, протянутых через огромные залы, торопятся по делам мужчины с портфелями, весело и громко смеются компании молодых людей, возвращающиеся с вечеринок... И все они почему-то провожают нас долгим взглядом: весёлым или мрачным, подбадривающим или, осуждающим, – но всегда неприятным. Но разве можно найти укромное место в этом огромном и однообразном доме. Все его этажи заполнены до предела людьми и вещами, и нам нигде не скрыться от них.

Мы заворачиваем за угол, и, устало прислонившись к стене, смотрим в глаза друг другу. Это удивительное, радостное и тревожное, робкое и дерзкое, пугающее и притягивающее чувство, когда глаза девушки открылись для меня, когда я вижу в них себя, только себя!

Кто-то засмеялся, заговорили голоса, захлопали двери, зашагали ноги. Стало много людей. И мы идём дальше. Мы устали. Теперь я уже не просто иду вслед за девушкой, мы идём вместе. Но мы устали. Странно, что вначале пути мы шли по длинным серым гулким и пустым коридорам, которые лишь в самый неподходящий момент мгновенно заполнялись людьми, а здесь, на самом верхнем этаже, мы едва пробираемся в толпе людей и вещей. И держимся за руки, чтобы не потерять друг друга.

Лестница. Заржавленная лестница, ведущая на чердак. Голые, крепкие, пружинящие и стремительные ноги девушки – так и хочется ухватить их за икры и успокоить. Но они быстро-быстро мелькают по ступеням лестницы, и я едва поспеваю за ними. И вот мы наверху. Лишь узкий кружок вокруг люка освещен слабым светом, идущим снизу. Вокруг чернота.

Как здесь тихо... И никого нет. Почему это одежда девушки так изнасилась? Разве мы долго шли? Как будто не очень, не больше суток. Но где же тогда туфли и капроновые чулки? Серое платье стало ещё короче, с его краёв свисают лоскутки материи, воротник как будто никогда и не был отделан мехом. Красивой причёски тоже нет, волосы растрепались, и запутанные прядки дрожат на ресницах. Под ресницами улыбаются глаза. У неё, оказывается, совсем зелёные глаза. И очень милое лицо, какие красивые губы...

...Сон во сне... он длится мгновение...

Просыпаемся мы одновременно, но не встаём, а немного смущённые притворяемся спящими, ещё сильнее обнимая друг друга. Мы любим друг друга – так и должно было быть. На наши лица падает луч света. Сквозь щель в крыше видно солнце. Это поразительно... Значит, вне этого огромного тесного и однообразного дома тоже кое-что существует!

Вдруг слышится топот ног и голоса людей. Мы видим, как из люка поднимаются люди. Их становится всё больше и больше. Им уже тесно в узком кругу света вокруг люка, а по лестнице торопливо поднимаются ещё и ещё. Какая-то маленькая девочка, смеясь, показывает в нашу сторону и кричит звонким голосом: «Вот они! Вот они, смотрите!» Но люди не видят нас, их глаза ещё не отвыкли от

света. Мы пользуемся этим и, бесшумно передвигаясь, доходим до того места, откуда падал луч солнца на наши лица. Это дверца на крышу неплотно закрыта. Мы открываем её и, выбравшись наверх, закрываем за собой снова. Теперь мы в безопасности: люди не могут выйти из дома.

На нас обрушивается поток солнечного света. Мы захлёбываемся солнцем и смехом. Мы видим небо и облака, зелёный лес и сверкающую поверхность реки. И нет никакого дома, и нет никакой крыши. Мы стоим на холме среди ярких цветов, и ветер спутывает наши волосы: светлые – мои и тёмные – девушки. Как красива моя спутница!

Вдалеке по дороге идут люди. Кажется, я видел их где-то. Он махают нам рукой – это те самые люди, что стояли в небольшой серой комнате с гладкими стенами без окон, и которые познакомили меня с девушкой. Я отвечаю им. Я смеюсь. Но оборачиваясь, я не вижу моей спутницы. Где же она? У меня темнеет в глазах от нахлынувшей вдруг тоски. Я как будто падаю куда-то вниз. Руки упираются во что-то твёрдое и гладкое. Я открываю глаза – это гладкие серые стены без окон...

Я просыпаюсь с ощущением обиды и тоски...

.....

Таболово 11. *Переписал «Сон». Вроде бы и лучше вышло*

Переписал «Сон». Вроде бы и лучше вышло, да что-то не то. Потом перечитать надо, оценить трезвым взглядом. Не смог я достаточно оторваться от первоначального текста. Н-да... Чего писать-то. Вот грибы щас есть пойду. Куда идти? А?

Накурился я. Легко и много курится. Голова почему-то не балдеет ещё. Ну, это ничего – забалдеет. Куда идти? Музыка вот играет, навевает чего-то. Но слабо. Луч солнца пересекает комнату по диагонали. Пар от сковородки с грибами вьётся вдоль луча. Ритм в магнитофоне дикий. Может написать что-нибудь дикое? Эдакая экспрессия, буйство красок, столкновение людей и обстоятельств. А? Нет драмы идей. И трагедии тоже нет. А если отбросить идеи, а так по-простому на одних ощущениях. Психологию ввернуть. Вот, кстати, по поводу «Сна» возникли мысли:

мысль №1 – иногда хорошее впечатление производит на читателя отказ автора от объяснения поступков и чувств и мыслей

героя какими бы то ни было рациональными доводами. Вместо «мне захотелось закурить, и я закурил» писать просто «я закурил».

мысль №2 – описание через детали несущественные, не ставя себе целью дать определённый образ описываемого объекта, а лишь своё собственное настроение и психологическое состояние.

Мысль №3 – Не происходит никаких особых действий, но интерес весь сосредоточен в ощущениях и мыслях героев. Этот интерес может, в конце концов, прорваться и в действия, в сюжет. Вот тогда это забавно.

Луч солнца продолжает пересекать комнату по диагонали. Дым вьётся вдоль луча. Грибы мы уже съели. Но это не облегчило моего положения. Куда идти? А?

...Сходил прогулялся. Часа так на два. До чего же красива подмосковная природа! И до чего же она мокрая вечером – всё ниже колен промокло... «Жотем». Действительно молитва. И очень искренняя... Идти куда? Э? Поставлю-ка я многоточие, чтоб, значит, новое что-то сказать.

.....

Таболово 12. *По просёлочной дороге среди колыхания трав*

По просёлочной дороге среди колыхания трав, сверкания солнца, стрекотания кузнечиков шёл человек. Интеллигентный человек в костюме, с галстуком и блестящими туфлями. В петлице у него торчал василёк, в руке он вертел соломинку. Он насвистывал весёлую песенку, и глаза его смеялись. Мы сближались...

– Здравствуйте, весёлый прохожий. Куда держите путь? – спросил я и выплюнул изо рта травинку.

Человек внимательно посмотрел на меня и ответил вопросом на вопрос:

– Кажется нам по пути?

– Пожалуй...

Мы сошли с дороги и направились прямо в поле, поднимаясь на холм. Мы шли по двум соседним бороздам, стараясь не мять колосья ржи. А когда мы достигли цели и оглядели покрытую дымкой линию горизонта по всем четырём направлениям, мы посмотрели друг другу в глаза, пожали друг другу руки и сказали друг другу со значением:

– Не правда ли, какой замечательный сегодня день? Мы скинули туфли, развязали галстуки, расстелили пиджаки и легли спать...

...А когда мы проснулись, мы достали из карманов наши бутерброды: два с сыром – мои, два с мясом – его. И мы съели эти бутерброды: по одному с сыром и по одному с мясом. Солнце катилось на запад, оно краснело и остывало. Тогда мы вспомнили о своих делах, и пошли в разные стороны, сказав друг другу:

– На земле так мало хороших мест! Очень может быть, что мы встретимся вновь в одном из них. Не правда ли? Что пожелать вам на прощание? Разумеется, счастливого пути. Впрочем, что ж мы такое сказали? Ведь всякий путь счастлив по своему. Желаю пути!

.....

Таболово 13. *Когда пробило полночь, человек сидел*

Когда пробило полночь, человек сидел за столом, обхватив голову руками, и нельзя было понять: спит ли он или напряжённо размышляет о чём-то. Через минуту, он очнулся и закурил сигарету. Человек положил перед собой чистый лист бумаги и медленно отвинтил колпачок авторучки. Он снова задумался, выпустил колечко дыма, а затем резким размашистым почерком написал всего три слова. И сразу же смял бумагу и поджёг её от сигареты. Он подержал горящую бумагу в руке, чтобы пламя охватило её со всех сторон, а потом осторожно положил в пепельницу. В этот момент раздался стук в дверь...

За дверью стоял... да нет, пожалуй, стояЛО маленькое сморщенное существо, жёлтое и испуганное.

– Заходи, – приказал человек и быстро притворил за гостем дверь.

– Я не хотел этого, – пропищало существо и закашлялось частым лающим кашлем, прикрывая старушечий маленький рот пухлой как у ребёнка ручонкой.

– Знаю, – человек подошёл к столу и молча указал на чёрный пепел сгоревшей бумаги.

Сквозь жёлтые обвисшие щёки гостя проступил яркий малиновый румянец. Узкие заплывшие глазки его ещё больше

сузились, почти закрылись. Неожиданно резким громким голосом он сказал:

– Ты не имел права этого делать! Такие вещи даром не проходят!

Человек усмехнулся и раздавил сигарету в пепельнице. Остатки бумаги рассыпались в прах, смешались с пеплом от сигарет. Потом он выдвинул ящик стола – там лежал пистолет с именной надписью: «Александру в день его похорон». Жёлтое существо отступило на шаг назад к двери:

– Александр! Что ты собираешься делать?

Человек взвёл курок...

.....

Таболово 14. Какие чудесные краски на горизонте!

Какие чудесные краски на горизонте! От красного до голубого и синего – весь спектр цветов. Как будто радуга упала на край земли. Восход ли это или закат? Что может быть в два часа ночи? В час быка? А на другом конце неба – ослепительная луна. Коллючая холодная, сверкающая, словно сталь клинка.

Куда идти? Так я и не нащупал ещё конкретной темы цельного произведения. Несмотря на это, хочется спать. Утро вечера мудренее. Или мудрёнее? Как правильно? А? Идти, говорю, куда? Я понимаю, что на кровать, я понимаю, что спать. Но это всё временно. А вообще куда идти? В каком направлении? Писать что? Хотя бы завтра. А? Пусть мне приснится сюрреалистический сон...

.....

15 июля 1971 года Таболово

Таболово 15. Мне приснился сон. Детектив. В цвете.

Мне приснился сон. Детектив. В цвете. Но какой-то странный.

...Вечер. В жёлтом свете электрической лампочки за столом сидят три человека. Груда учебников в беспорядке навалена на столе. Идёт процесс подготовки к экзамену. Три человека – это я, мой приятель и девушка.

Снова начну писать со следующей страницы.

[следующая страница]

Мне приснился сон. Детектив. В цвете. Но какой-то странный.

...Тёплый летний вечер. Груда книг в беспорядке навалена на столе. Формулы, графики, чертежи. Идет процесс подготовки к экзамену. Нас трое. Это я, мой двойник и девушка. Дело происходит где-то на даче. За окном шелестит листва, жёлтый свет электрической лампочки падает на наши лица, руки, на страницы книг, на исписанные листы бумаги.

Все трое мы склонились над одной страницей. Непонятное место. Кто знает значение этого коэффициента? В наших книгах про это ничего нет. Вот досада! Из-за этого коэффициента мы не можем двинуться дальше, а время не терпит. У студентов на соседних дачах нашего посёлка, как выясняется, тоже нет нужного учебника. Мой двойник говорит, что его, наверняка, можно найти в соседнем посёлке. Это совсем рядом – из окна виден забор чужого посёлка.

– Туда же нельзя ходить, – говорит девушка. – Посмотрите в окно, видите, идёт сторож с двустволкой.

– Я знаю обходной путь, – замечает мой двойник. – Пойдём со мной? Это, конечно, не так просто, но шанс есть.

Это он мне говорит. Я соглашаюсь.

Мы выходим на улицу. Там стоит жёлто-голубой троллейбус, водителем которого работает мой двойник. Мы садимся в троллейбус и едем. Вскоре подъезжаем к какому-то зелёному полю. Здесь почему-то светло как днём, и ярко светит солнце. Мой двойник говорит, что теперь я должен сесть за руль и вести троллейбус одной левой рукой – так нас не сразу обнаружат. Я сажусь за руль, и троллейбус начинает бешено колесить по лугу. Пол ходит ходуном, ещё немного и мы перевернёмся. Мой двойник вцепился руками в поручни и висит на них. А может быть, это я повис на поручнях, а мой двойник сидит за рулём? Местами мне кажется, что это так. Это раздвоение, наверное, можно объяснить тем, что он – мой двойник.

Наконец, я выезжаю к краю поля. Впереди – озеро, за ним – скалы и высокий гранитный обрыв. Мой двойник утвердительно кивает головой, и я направляю жёлто-голубой троллейбус, который к этому времени превратился уже в жёлто-красный автобус, прямо к

воде. Озеро оказывается мелким, и мы быстро пересекаем его. Затем резкий поворот направо, и автобус уже мчится по узкой полосе между водой и отвесной скалой. Скала вскоре сходит на нет, появляются зелёные кусты. Быстро темнеет. Мы заворачиваем налево и вскоре останавливаемся около самой крайней дачи чужого посёлка.

Автобус к этому времени уже успел превратиться в мотоцикл, на котором я въезжаю прямо в комнату. Мой двойник куда-то исчез. Я открываю окно и спускаю на верёвке вниз мотоцикл, обёрнутый в белую простыню. Он втыкается передним колесом прямо в кусты, так я его и оставляю. В комнате никого нет и темно. Я начинаю рыться в книгах на тумбочке у окна.

Неожиданно слышен шум мотора. Это совсем рядом по полю проезжает трактор. Дверца его открыта, там горит лампочка, и я вижу, как тракторист высовывается наружу и с удивлением смотрит на окно. Ах ты, чёрт! Пока я спускал мотоцикл, переключился тумблер, и зажглась фара. Хотя она и прикрыта простынёй, но всё равно свет виден. Трактор проезжает мимо.

Я понимаю, что обнаружен и мне осталось всего несколько минут, пока не придут люди. Тогда я отбрасываю всякие предосторожности, включаю электрический свет и начинаю лихорадочно перебирать книги на столе. Под руки мне попадают какие-то косынки и чулки. Я понимаю, что на этой даче живут девушки. Нужной мне книги нет, но моё внимание привлекают кассеты с магнитофонными плёнками. У меня мелькает мысль, что, может быть, это записи нужные мне лекций. Но времени уже нет. Я выпрыгиваю в окно, завожу мотоцикл и окликаю своего двойника. Он вылезает из кустов, и я с ходу даю полный газ. Из соседних дач уже выглядывают люди, они что-то кричат нам вслед, но мы стремительно исчезаем в черноте ночи...

.....

Таболово 16. *Ничего так сон. Алогичность полная.*

Ничего так сон. Алогичность полная. Забавнее всего эти превращения троллейбусов, автобусов и мотоциклов. А также полная абсурдность самой идеи – каким-то диким способом добираться в соседний посёлок и под покровом ночи обшаривать чужую комнату в поисках нужной книги для сдачи экзаменов (?!). Интересно также это

раздвоение личности во время катания на троллейбусе (?! – как мог этот троллейбус колесить по полю).

.....

Таболово 17. *Куда идти? Надо бы написать что-нибудь*

Куда идти? Надо бы написать что-нибудь вроде «Попытка к возвращению». Это будут встречи с людьми, когда-то игравшими более или менее значительную роль в моей жизни. Люди, которые для меня связаны с тем или иным качественным этапом моей жизни. Люди, которые когда-то стояли впереди на моём пути, люди, через которых я шёл к своей цели, люди, которые теперь оставлены позади. Они – такие же или почти такие же, как были раньше. Через них и в них я вижу себя тогдашнего. Что изменилось во мне. Суд прошлого настоящим и суд настоящего прошлым. Я ушёл вперёд и у меня эти люди вызывают странное ощущение: меня тогдашнего уже нет, а они ещё живут; для меня они связаны с прошедшим, они олицетворение прошедшего, но у них есть и настоящее, у них есть даже будущее, но всё это только для них и уже не для меня. Люди, через которых я перешагнул, и во встрече с ними, такими как они есть сегодня, мне чудится что-то алогичное, невозможное, нереальное, какой-то сон, бред. Разве не может быть странной и даже страшной встреча с тенью умершего человека? А ведь эти люди уже умерли для меня в своё время. И вдруг они воскресают и даже не просто воскресают: оказывается, всё это время они жили, мыслили, чувствовали, совершали плохие и хорошие поступки, мечтали и добивались своей мечты, одерживали победы и терпели поражения; многое изменилось в их жизни и в них самих. Люди, которых я когда-то оставил позади, не могли для меня иметь будущего потому, что в моём будущем их не было; но оказалось, что будущее у них было, но в этом их будущем не было меня. Это для меня неожиданное открытие: человек, вошедший когда-то в мою жизнь и поэтому ставший частью моей жизни, оказывается, имеет и свою особенную жизнь, в которой подчас не может быть места мне (!).

И ещё. Для чего я решил встретиться с этими людьми? Я хотел проверить правильность своего пути. Ещё раз пройти по основным вехам этого пути. Мне надо было увидеть, что же я приобрёл и что потерял в своём движении к самому себе. И я встречаюсь с людьми своего прошлого, и меня ждут неожиданные откровения. Я вдруг обнаруживаю, что совершенно не могу понять, что мной руководило

тогда-то, когда я делал то-то и то-то. Как мог я тогда так думать, так чувствовать и так поступать? Да и так ли я думал, чувствовал и поступал, как мне кажется сейчас? Или вдруг я обнаруживаю, что когда-то раньше я был способен на такое, на что сейчас я уже не способен. И я пытаюсь выискать причины, понять хорошо это или плохо, неизбежная ли это потеря или ошибка, которой я не заметил.

В веренице людей, с которыми я встречаюсь, передо мной проходит другая последовательность – последовательность моих «я». Они, оказывается, разные, часто противоположные и вместе с тем в них есть что-то общее. Как поведут они себя, если их вдруг собрать вместе и усадить за один стол? Проникнутся ли они симпатией и глубоким пониманием друг к другу или, может быть, будут враждебны друг другу, или останутся равнодушными? И что это за странная компания моих прошлых «я», кто они, не каждый в отдельности, а все вместе в своём единстве? Какие между ними отношения? Кто из них важнее? Кто умнее? Кто держит верх, а кто подчиняется? На какие партии и лагеря они разбиты? В чём согласны друг с другом, а в чём у них разногласия? И кто же из них прав, а кто ошибается? У кого из них есть будущее, и какое оно? И кто умер навсегда? И так ли оно должно быть, как есть в отношении этих моих «я»?

И тогда ко мне приходит понимание одной удивительной вещи. Эти «я» существуют не только в прошлом, они сидят за круглым столом не только в моём представлении. Они живы и сейчас, они и сейчас собраны вместе, они и сейчас спорят, ругаются, дружат, помогают друг другу или враждуют и т.д. и т.п. И все они, эти мои прошлые «я», так же, как и те люди, с которыми я встречаюсь, всё это время жили, мыслили, чувствовали, совершали плохие и хорошие поступки, мечтали и добивались своей мечты, одерживали победы и терпели поражения. Они не умерли, они живут и место их обитания – «Я» сегодняшний. Я, как я есть сейчас, содержу внутри себя всю эту длинную и сложную последовательность моих прошлых «я». И все их удачи и поражения, все их сомнения и надежды, все их противоречия, радости и горести – всё это мои удачи и поражения, сомнения и надежды, противоречия, радости и горести.

И ещё. Перед каждой встречей я открываю свой старый дневник и читаю несколько полузабытых строк о том или ином человеке. Эти строки я написал давно, в то время, когда встречался с данным человеком. В них отражено моё тогдашнее настроение, мои тогдашние мысли и чувства, моё тогдашнее отношение к этому человеку моё тогдашнее видение мира. Некоторые строки меня

удивляют – я не представлял себе, что раньше думал и чувствовал такое, другие строки кажутся мне вполне правильными, но встреча с человеком разрушает это ложное представление, третьи строки вызывают у меня желание проверить свои тогдашние предположения, четвёртые вызывают только недоумение, пятые – внутренний протест, шестые – мне просто нравятся и т.д. и т.п.

И ещё. Моё описание встречи и соответствующих моих мыслей и ощущений сейчас – это нечто иное, как те же строки, но написанные уже сейчас. Читатель, если он внимательный, сможет оценить разницу старых и новых строк, их общность и т.д., если автор строк достаточно талантлив (точнее, способен).

И ещё. Надо показать динамику моего психологического состояния в процессе всех этих встреч. Какое настроение вначале и какое в конце? И что посередине, каков переход и почему? К этому я вернусь позже, а сейчас надо выяснить усё это поконкретнее. Какие такие люди? Что за встречи? С каких событий всё начинается? В какой последовательности всё происходит? И что имеется между встречами? Каковы связующие звенья? И чем кончается? Какой поворот в конце? Каковая мораль будет заключаться в последней фразе? Каков подвод читателя к этой фразе? Вот вопросы, на которые мне надлежит ответить.

Петя. Очень соблазнительным кажется включение его во всю эту эпопею. Но как? И зачем? Что сие будет символизировать? Или отражать? Или объяснять? Но сначала – почему соблазнительно. Во-первых, Петя – это человек, который как бы красной нитью проходит через всю мою жизнь, начиная с того момента, как я знакомлюсь с первым человеком (на самом деле раньше, но в данном случае сие несущественно). Это не только красная нить (то есть, более или менее существенный элемент способа жизни), но и весьма устойчивый момент, в некотором роде точка отсчёта. В некотором вполне определённом смысле и после некоторых натяжек (не очень больших) можно сказать, что всех людей я оцениваю в частности по тому, насколько они удалены от Пети и в каком направлении. Важно то, что моё отношение в Пете не претерпевало никаких существенных и резких изменений – революций, хотя какая-то эволюция, само собой понятно, была. Поэтому-то и очень удобно показывать людей на фоне Пети, а моё отношение к ним на фоне моего отношения к Пете.

Во-вторых, наши регулярные встречи с Петей в его кабинете есть очень удобная форма для всякого рода связок в моём повествовании. Это может быть лишь начало и конец. Это может быть после каждой

встречи. Может быть, я не записываю впечатления от встреч и рассказываю их Пете? Его реплики – их можно сделать весьма выразительными и своевременными, ведущими какую-то свою особую параллельную моим словам и переплетающуюся с ними нить. Это интересно, но рискованно. Надо продумать внимательнее, есть ли резон.

В-третьих, наличие Пети даже необходимо, если я не хочу перевернуть картину и изменить своему субъективному реализму. Ведь рядом с Петей, по поводу Пети, в отношении к Пете всегда выступала особая и весьма важная для меня часть моей натуры. Эта часть вовсе не всегда проявлялась в отношении к другим людям и, во всяком случае, не проявлялась в полном и чистом от остальных частей виде. Самое важное то, что эта часть моей личности, это моё «я по поводу Пети» не революционизировались, а лишь весьма плавно эволюционировало, что даёт право рассматривать его как действительно совершенно особую часть целого. Самое ли это главное? В этом ли «я по поводу Пети» заключено моё истинное «я»? Или это нечто, хотя и важное, но не определяющее? А может быть «я по поводу Пети» вообще ошибка? Эти вопросы, конечно, можно разрешить до того, как я начну писать «Попытку к возвращению» и в самом тексте дать просто ответ, вообще не давая вопроса, как будто он и не стоит даже для меня. Но гораздо интереснее представляется вывести этот вопрос в самом повествовании, вертеть его так и эдак, можно даже немного помучиться из-за него (но не перегибать палку) и оставить неразрешённым. Это придаст произведению известную долю пикантности и внесёт новый аспект во все встречи. Ведь тогда каждую встречу можно рассматривать, как альтернативу Пете: точнее, точнее, пытаться каждого из людей, когда-то оставленных позади, ещё раз противопоставить Пете. И, в конце концов, ни один из них не выдержит в моих глазах такого противопоставления, но ведь это всё равно не отвечает на вопрос какова роль моего «я по поводу Пети». Надо только твёрдо уяснить себе, что это – лишь аспект, сторона, часть повествования, а не всё оно целиком и даже (очевидно) не главное.

Пожалуй, на вопросы: И зачем? Что сие будет символизировать? Или отражать? Или объяснять? – я уже ответил. Остаётся ответить на вопрос «как». Это уже касается сюжетной конструкции произведения. Об этом чуть позже. А теперь примемся за остальных людей. Во-первых, брать ли одних только баб? Не слишком ли сие однобоко? Я же хочу написать психологический рассказ, а не историю любовных приключений! А мы посмотрим на это дело так: каждая из женщин

была связана с тем или иным кругом людей, в котором я и вращался тогда. Так что, взяв одну бабу, мы тем самым оказываемся вынужденными рассматривать целую группу людей. В таком случае бабы следующие: Наташа, Катя, Люда.

Наташа была два раза. Нужно ли разделить её и дать просто две разные женщины? Не стоит. Во-первых, трудности, которые при этом возникнут мало что могут оправдать. Во-вторых, так оно даже интереснее. Надо только выяснить, как это всё подать в тексте. Вообще, Наташа будет идти у меня в связи с ОСТАПом. Это, наверное, то, что надо. Переход от Наташи к Кате, имевший место в реальной жизни, можно или оставить или изменить. Что лучше?

Катя. Кроме Кати я нахожу здесь лишь Олю Мудрову и Витю. Сие очень хило. Но в том-то и была особенность этапа! Замыкание на одну женщину и изоляция.

Люда. Это, конечно, прежде всего, Игорь Маев. Тут же находим Витю (киношник), массу баб маевых. Как-то тут стоит и Вадим. Как же? Определённые связи есть и с ОСТАП, но это – несущественно на том этапе.

Однако сие не проясняет вопроса: с кем же, конкретно, будут встречи? И когда это всё будет происходить? Ответ на этот вопрос надо искать в «Самое главное...». То есть: всё происходит, вообще говоря, в будущем, но отдельные детали психологии – из настоящего и даже из прошлого. Кроме того, кое-что придётся идеализировать, переменить, упростить или усложнить и т.д. и т.п. Но это всё азбука. (Или грамматика? Или теория литературы?)

Итак, время действия известно. Будущее по отношению к календарному 1971-ому году. Но в этом будущем я такой же, как сейчас в одном плане, такой, как в прошлом – в другом плане, и выдуманный (а не просто такой, как в будущем) – в третьем плане.

Поэтому встреча с Наташей, я думаю, предполагает встречу с кое-кем из ОСТАПа.

.....

Таболово 18. *Ну, в общем ладно. Устал я.*

Ну, в общем ладно. Устал я. Ишь как расписался. Остановиться надо, а то маразм начну писать. Вот щас отдохну. Потому подумаю, а уж затем можно и записать.

.....

Таболово 19. *Дик Френсис. «Фаворит».*

Дик Френсис. «Фаворит». Вот как надо писать! Детектив – вот где психоанализу Фрейда полный простор. Комплексы неполноценности, защитные механизмы и т.д. 22 часа 30 минут! Браться ли сейчас за продолжение обдумывания моей психологической эпопеи? А ну её к дьяволу! Успокой себя тем, что утра вечера мудренее. А поскольку вечер утра ирреальнее, эмансипированнее, как сказал бы Николай Щучкин, то можно попытаться накатать какого-нибудь маразму типа стр. 166 [в оригинале – 11].

.....

16 июля 1971 года Таболово

Таболово 20. *23 часа 15 июля тире 3 часа 16 июля.*

23 часа 15 июля тире 3 часа 16 июля. Подкидной дурак. Весьма ирреально!

Сегодня вечером приезжает Кадрия. Магазин откроется – пойду куплю бутылку. Оля с Верой укатили в Москву. Для её возраста (перешла в 9 класс) у Верочки неплохая фигурка. Ножки. Попка. Куда идти? А?

12 часов 30 минут. Выпил чаю. Выкурил сигарету. Слушаю музыку. Жду, пока кончится эта страница. Чтоб, значит, со следующей!

[следующая страница]

.....

Таболово 21. ПОПЫТКА К ВОЗВРАЩЕНИЮ

ПОПЫТКА К ВОЗВРАЩЕНИЮ

Сегодня ночью мне приснился сон.

...Я плыву на лодке по затопленному кладбищу. Из воды торчат покосившиеся кресты, почерневшие памятники с полустёршимися надписями, заржавевшие прутья железных оград. Густые кроны деревьев смыкаются над моей головой. Я знаю, что сейчас день и светит яркое солнце. Но здесь, на кладбище, царят зелёные сумерки. Мои руки, лежащие на вёслах, – зелёного цвета. Зелёная вода. Зелёные камни. Зелёный, сырой и холодный воздух.

Я один. Вокруг никого нет. Вообще нигде никого нет. И не будет. Я очень хорошо это знаю – здесь нет ничего, кроме бесконечного зелёного одиночества. Я один посередине этого бесконечного зелёного одиночества плыву на лодке по затопленному кладбищу.

Камень. Большой круглый надгробный камень, заросший зелёным мохом. Я провожу рукой по влажному мягкому мху, я стараюсь расчистить поверхность камня. Почему этот камень так хорошо знаком мне? Там, на этом надгробном зелёном камне, написано что-то очень важное, что я обязательно должен прочитать. Я стараюсь содрать слой зелёного мха, но у меня ничего не получается. Пальцы уходят глубоко в зелёную мякоть, едва достают до твёрдой поверхности, царапают её; что-то липкое и тёплое склеивает пальцы; с трудом удаётся вытащить руки из этой вязкой массы. Слишком долго лежит здесь этот камень, слишком долгое время покрыт он мхом. Мох крепко врос в поверхность камня, нет никакой возможности добраться до надписи. С безнадежным упорством я снова и снова погружаю руки в мох, тяну, рву его и всё это бесполезно. Это очень важная для меня надпись. Мне никак нельзя уйти отсюда, не прочитав её. Но я уже чувствую, что мне это не удастся...

Когда я проснулся, перед моими глазами отчётливо стояла эта картина: большой надгробный камень и мои руки со вздувшимися жилами, погружённый в густой зелёный мох. Не пропало и странное ощущение необходимости во что бы то ни стало прочитать надпись, написанную на камне. Я лежал с открытыми глазами и мучительно вспоминал, где же я видел этот камень – он был очень хорошо мне знаком. Похоже было, что когда-то давно я не раз бывал у этого

камня. Я перебирал в памяти все кладбища, которые когда-либо видел. В этот момент раздался звонок телефона.

Я снял трубку. Звонила Татьяна.

– Сегодня двадцать седьмое число. Ты не забыл? Мы договаривались собраться у Андрея. Я достала пластинки с хорошим джазом.

– Двадцать седьмое?.. Очень жаль, Танюша, но сегодня я никак не могу. Очень срочное дело. Может в пятницу?

– Мне всё равно, – в её голосе слышалась обида. – Это ж была твоя идея, насчёт Андрея.

– Ей-богу, Таня, мне очень жаль. Но я ничего не могу поделать. Ты не обижайся. Хочешь, встретимся завтра?

Мы поговорили ещё минуты три в таком же духе, потом я сказал «целую тебя» и повесил трубку. Так вот что это был за камень. Теперь я очень хорошо вспомнил всё, что с ним было связано. Как раз три года назад, 27 февраля, я познакомился с Катей... Когда мы расставались, я сказал, что буду приходить к ней в гости каждый год двадцать седьмого февраля, в день нашей встречи. Сказал просто так, на всякий случай, потому, что не люблю слово «никогда». И не выполнил своего обещания. И вот теперь я вдруг ощутил необходимость ещё раз во что бы то ни стало увидеть Катю. Не знаю почему, так же как во сне не знал, почему я должен прочесть надпись на камне, покрытым мхом.

...Это была странная любовь. Настолько странная, что я даже не знаю, была ли это любовь.

«Вечер 80 августа... Странное состояние – какая-то смесь из раздражения, покоя, отчаяния и надежды, грусти и решимости... Расстался с Катей на две недели, по моей просьбе, через четыре дня встретимся вновь – истекут две недели – а мысли уже сейчас настойчиво возвращаются к одной и той же теме... У нас с Катей странные отношения – на каком-то уровне мы совершенно не понимаем друг друга и не принимаем, а на другом, более глубоком уровне, я испытываю к ней неодолимое притяжение... Но сейчас между нами усталость – я страшно устал от Кати. Это потому, что я никогда не чувствовал себя с нею естественно, как с самим собой, мозг отказывается продолжать эту тяжёлую работу, а наши встречи – это действительно очень тяжёлая работа для меня. Хочется уйти ото всего, вернуться в свой привычный мир. Я сделал попытку к бегству –

впрочем, это вовсе не бегство. Просто мы зашли в тупик, в очень трудный тупик, и выйти из него можно только двигаясь назад. Я должен отойти от Кати на некоторое расстояние, должен сделать так, чтобы в поле зрения попали и многие другие вещи, должен больше акцентировать внимание на других своих делах. Это нужно сделать».

Эти строки написаны давно. В последние недели наших встреч. Я ошибался. Это не был тупик, из которого можно выйти, только двигаясь назад. Это был тупик, из которого нельзя было выйти вообще. Я мог бы понять это ещё тогда. Я мог бы понять это ещё раньше. А в действительности, я мог бы понять это с самого начала. И, тем не менее, через пятнадцать дней я писал нечто совсем другое.

«Продолжать держаться от Кати на «расстоянии» я более не могу. Это ложный путь – он может привести к определённым успехам но, в конечном счете, он ведёт в тупик. Я рад, что понял это достаточно скоро. Что сейчас нужно Кате – увидеть мою силу и независимость? Да, но не путём равнодушия к ней. Именно равнодушие было неизбежным следствием политики «на расстоянии» или иначе говоря «дружбы». Я сразу почувствовал, как оно появилось и вызвало боль в сердце.

Ведь я люблю Катю – кажется, несмотря на все разглагольствования, сомнения, несмотря на подчас возникавшее раздражение на Катю, несмотря на голос рассудка и прочее, прочее, кажется, на самом-то деле всё просто. Просто, как свежеевымытый пол деревенской избы, когда скрипят половицы под босыми ногами и ступни ощущают тёплую влажность дерева...

Просто я люблю Катю. Надо произносить это слово медленно, вслушиваясь в движение воздуха: ЛЮБЛЮ, ЛЮ-Б-ЛЮ... А можно быстро выталкивая воздух: губы трубочкой, как поцелуй... легко, радостно... люблю, люблю, люблю... Как трудно понять, что это очень просто: я люблю Катю. Именно эта простота даётся труднее всего, но именно в ней – приют поискам... Непритязательная; уютная фраза: «я люблю Катю». Как трудно ухватить её простой смысл. Когда это удаётся – волны нежности поднимаются кверху и луч солнца тонкой стрелой радости пролетит в воздухе...

Нужно, наконец, понять это, бережно сохранять. Нужна тонкая работа по соединению этой любви с моим «рационалистичным» «я». Всё должно получиться хорошо. Главное – это, действительно, любить Катю; поддерживать её, никогда не допускать положения «я и ты», всегда только «мы вместе». Кате нужна сердечность, душевная

теплота. Да что тут объяснять – надо просто любить Катю, любить так, как я её действительно люблю».

Так мог записать только очень запутавшийся человек. Потому что эти строки не что иное, как обычное и прямое самовнушение. Из всех сил, самозабвенно я убеждал себя, что испытываю любовь к Кате. Любил ли я её в действительности? Это и есть тот самый вопрос, на который я никогда не мог дать ответ. Даже сейчас.

Как могло так случиться, что я, человек по природе своей очень рассудочный, «рационалистичный», как люблю называть себя я сам, даже циничный, по признанию многих, как я мог находиться в таком странном колеблющемся, почти истеричном состоянии? Почему я, всегда считавший, что «всё к лучшему в этом лучшем из миров», так мучительно старался найти выход из положения, почему меня так волновали мои отношения с этой девушкой? Разве не я всегда говорил женщинам: «Тебе хорошо со мной? Будь со мной. Тебе хочется уйти? Уйди. Ты не знаешь? Брось монетку. Орёл или решка»? Чего, собственно, я хотел от Кати? Интимных отношений? За версту было видно, что у меня с ней ничего не получится. Романтической любви? Такая любовь всегда возникает и кончается самопроизвольно, без всяких увещеваний, без внутренних противоречий. Может быть дружбы? Этого я тоже не хотел.

Я писал тогда: «Меня словно звал далёкий голос – тихий едва слышный; не настойчивый, но терпеливый. Я чувствовал, что Катя несёт с собой нечто такое, чего именно сейчас мне и не хватает. Это ощущение возникло не вдруг – оно как бы медленно усиливалось от обычного чувства ожидания и лёгкой надежды по отношению к каждому незнакомому человеку до сознательного влечения». Но это не ответ, даже если бы это было верно. А в сравнении со мной, Катя, казалось, была «человеком от противного». Она не могла мне дать ровным счётом ничего. И может быть всё-таки что-то она мне дала? Или могла бы дать?

~~...Невысокого роста, тонкая – тонкие руки, тонкая талия, тонкие черты лица... хорошо очерченные чёткие линии подбородка, носа – и вместе с тем мягкие, лёгкие... Пружинящая походка, даже слегка подпрыгивающая – вверх-вниз, вверх-вниз – в такт шагам, в каком-то весёлом ритме... Жесты – быстрые, руки легко порхают в воздухе~~

...Невысокого роста, тонкая – тонкие руки, тонкая талия, тонкие черты лица... хорошо очерченные чёткие линии подбородка, носа – и вместе с тем мягкие, лёгкие... лицо, обрамлённое золотистыми волосами, кажется немного детским... девочка задумалась о чём-то своём, заветном... глаза смотрят на людей чуть с грустью, чуть доверчиво, чуть насторожённо... Пружинящая походка, даже слегка подпрыгивающая – вверх-вниз, вверх-вниз – в такт шагам, в каком-то весёлом ритме... Жесты быстрые, по-детски чуть угловатые, руки легко порхают в воздухе или наоборот очень спокойные, мягкие, движения льются ручейками...

...Но глаза... удивительные глаза. Как будто нормальной величины, иногда они кажутся огромными, гипнотизирующими – в чёрных каплях зрачков затаилось что-то тревожное, таинственное, холодное и прозрачное, как ключевая вода, яркое и манящее – точно искорка жаркого огня древних сказочных кузниц... В этих глазах живёт сказка – то звонкие искры летят из-под копыт молодых жеребцов, то принцесса-ведьма бросает взгляд, полный холодной вечности, то длинные стрелы легко и быстро слетают с тугого лука скрытого за пушистыми иглами ресниц...

– Дети, вы думаете, меня зовут Екатерина Сергеевна?

– Да! Да! Да!..

– Нет, дети. Меня зовут баба-Яга.

– Нет! Нет! Нет!

– Да, дети, да... Вот я сейчас тут с вами сижу, а потом выйду на улицу, пойду в дремучий лес к своей берлоге, сяду в свою ступу и полечу над землёй и буду ловить маленьких ребят и жарить их на большой сковородке.

Ребята смотрят внимательно, немножко растерянно, немножко тревожно. Неужели и правда, их воспитательница Екатерина Сергеевна вовсе и не Екатерина Сергеевна, а баба-Яга?..

– Нет, дети, я вас обманула: я не баба-Яга. И когда ваши мамы и папы придут за вами в детский сад сегодня вечером, я пойду не в лес, а к себе домой, в свою комнату...

...Мне не нравится мой дом. Вот в деревне – там сразу видно, чей дом. Все дома разные – так и должно быть, ведь в них живут разные люди. Или раньше я жила в Москве в старом кирпичном доме, там был мой особенный подъезд и мои особенные окна и моя особенная тропинка, по которой я ходила... И я могла сказать – вот это мой дом. А сейчас, смотри, разве можно сказать – это мой дом. Да

ведь рядом стоит точно такой же дом и в том доме, в котором я живу, все окна одинаковые и один подъезд не отличишь от другого. Это и не дом вовсе – это коробка, которая разбита на клетки и в каждой клетке живёт человек. Это просто смешно, если я скажу: смотрите, вот мой дом!

...Был вечер, за окном падал снег, вдалеке переливались огни большого города, и чёрной нахохлившейся птицей казалось высокое строящееся здание, сложившее свои крылья-стены и словно длинный клюв опустившее стрелу башенного крана... Трое сидели в комнате при свете догоравшей свечи и говорили о скрытности – о том, почему люди скрывают свои мысли и чувства...

«Не надо плевать людям в души, вот и всё», – сказала Катя. Меня удивили не эти слова – они обычны, хотя и не каждый может произнести их искренно, – меня удивило, как сказала их Катя.

«Не надо плевать людям в души, вот и всё». Она сказала тихо и немного печально. Она сказала не так, как говорят обычно – словно констатируют факт – и не так, как говорят равнодушные люди – с фальшивой патетикой в голосе.

«Не надо плевать людям в души, вот и всё». Она сказала их совсем просто, как будто обращаясь к самой себе с грустью и сожалением. И вместе с тем в её голосе прозвучало что-то вроде раздражения, какое-то нервное недовольство.

«Не надо плевать людям в души, вот и всё». То, что человек может плюнуть в душу другого, казалось ей невыносимым.

«Люди злые». – Это сказано с каким-то отчаянием, почти со злостью. Она, казалось, восклицала: Ну почему люди злые? А? Ну кто же мне скажет, почему они злые? Ну, скажите, пожалуйста. Я очень прошу вас...

Зачем живёт человек? Что ему нужно? Чего он ищет? Как должен он жить, чтобы быть счастливым? А Катя говорит совсем тихо: Зачем я живу... Другие люди поступают в институты, пишут стихи или решают уравнения. А я?.. В институт не поступила, стихи пишу плохие... Нет! Я знаю, зачем я живу. Вот Ольга – если бы я не пришла к ней однажды, ей было бы очень плохо. Значит, я уже не напрасно появилась на свет, значит, и дальше надо суметь также поступать – каждый человек должен приносить пользу другим людям.

– Но если бы ты не пришла к своей подруге, тогда, может быть, кто-нибудь другой пришёл бы к ней, – возражает кто-то. – Не в тот день, так на следующий.

– Нет-нет... Ну, хорошо, может быть, на следующий день кто-нибудь и помог бы Ольге, но всё равно ведь именно в тот день только я одна могла помочь ей – и пусть лишь на день раньше, всё равно я ей помогла...

...Воскресенье. Архангельское. Нас несколько человек.

...Мы идём по аллее к остановке автобуса – пора ехать домой. Катя идёт чуть в стороне, по траве.

– А вы знаете кто я такая? А может быть я фея! Фея из старой сказки...

Мы смеёмся.

– Или нет! Я королева. Откуда вы знаете, может быть, я королева и где-то далеко моё бедное королевство погибает, потому что меня там нет. А я вот иду с вами и болтаю, а вы даже ни о чём и не подозреваете. Конечно, я королева. Вы же меня не знаете!»

Я закрыл свой старый дневник, оделся и вышел на улицу. Был вечер. Мела метель. Ровными рядами горели аккуратные квадратики окон в жилых домах. Шли люди. Хрустел снег. Я двигался по направлению к дому, рядом с которым «стоит точно такой же дом» и в котором «все окна одинаковы и один подъезд не отличишь от другого»

Камень, большой и круглый, весь поросший мохом, лежал вовсе и не на кладбище, а на берегу маленького пруда, затерявшегося в редколесье зелёной зоны, почти сразу за кольцевой автодорогой Москвы. Вдвоём с Катей мы часто приходили сюда, чтобы посидеть в тишине, выкурить по сигарете (ни я, ни она тогда ещё не курили по-настоящему), поговорить или помолчать... С этим камнем, действительно, связано у меня много воспоминаний. Но сейчас, когда я шёл по запорошенной снегом улице, поглубже засунув руки в карманы пальто, сон, приснившийся прошлой ночью, казался далёким и чуждым. Было такое ощущение, как будто в действительности этот сон приснился мне три года назад и надпись на камне, за давностью лет уже не казалась мне такой важной и значительной.

Собственно говоря, сейчас история с Катей была для меня вполне понятной и ничуть не удивительной. Три года назад, при всей своей рассудочности, я был ещё довольно наивным мальчиком. В том, что я не мог понять, я видел необычность, какое-то «откровение». Вместо того чтобы попытаться трезво определить, чего же я, собственно, хочу, я строил иллюзии и выдумывал

несуществующие желания. Если я не мог согласиться с чем-то в близких мне людях, я старался переубедить их или себя, как-то устранить или смягчить явное противоречие. Короче говоря, чувствуя подсознательно незрелость своих взглядов, недостаточность жизненного опыта, я старался не замечать несоответствия действительности моему представлению и строил целую систему своеобразных иллюзий.

Этот самообман как раз и определял мое отношение к Кате. Не будь его, я с самого начала понял бы всю невозможность близких отношений между мной и Катей: слишком разные мы были люди и слишком ценили

.....

Таболово 22. Я прервал написание «Попытки»

Я прервал написание «Попытки к возвращению» на словах «Конечно, я королева. Вы же меня не знаете!».

Кадрия не приехала.

Почему?

Может быть, она опоздала на автобус или её не отпустили раньше с работы и она приедет сегодня позже вечером на попутке?

Или завтра?

А может быть, что-то у неё случилось, и она вообще не приедет?

Ждать мне её завтра или не ждать?

Где она сейчас?

И что она делает?

И о чём думает?

Могла ли она всё-таки приехать, если бы очень захотела?

Или нет?

Я всё приготовил к её приезду. Бутылка «Алиготе». Картошки сварил как раз к приезду автобуса – целый день варила на керосинке. Помидоров купил. Луку нарвал, вымыл. Ягод собрал к вину. Печенье купил к чаю. Песню на плёнке нашёл её любимую. Пол подмёл. Написал сегодня много до того, как она должна была приехать, что бы быть только с ней, а не с машинкой. Очень я ждал её. Как обидно, что она не приехала. Может быть, она всё-таки приедет

завтра утром? Может быть. Но лучше так не думать. А то ещё одно разочарование. Не могу не думать. Она не приехала, а я всё равно жду её. Дурак.

Это яркий пример моей неуравновешенности. Самое удивительное, что это единственная область, где она проявляется. Терпеть не могу, когда ожидание не оправдывается.

Надо бы смириться с тем, что Кадрия не приехала. А то нет никакой возможности писать. А мне надо обязательно сегодня закончить или, по крайней мере, продвинуть гораздо дальше «Попытку к возвращению». Если эта вещь мне удастся, это будет лучшее из того, что я написал. Всё говорит за это. Музыка действует успокаивающе. Ещё послушаю. Выкурю сигарету. И начну всё-таки писать.

.....

Таболово 23. *Всё-таки не могу писать.*

Всё-таки не могу писать. Придётся читать детектив. Вот маразм-то!

... 22 часа 35 минут. Читаю детектив. Играет музыка. На огне вскипает чайник. Только нет Кадрии. Чёрт возьми, кажется, я её люблю так, как никогда никого не любил. Как я был бы рад, если бы она сейчас вошла в эту комнату. Увы! Это невозможно. Может быть, завтра?

.....

Таболово 24. *Из серии «Маленькие притчи»*

Из серии «Маленькие притчи»

ШУТКА.

- Можно с вами познакомиться?
- Разумеется.
- А можно ли с вами переспать?
- Можно. Только осторожно.
- А чего бояться?

— Я, видите ли, вполне здоров. И хочу оставаться таким же. А, кроме того, в моём роду ещё не было побочных детей. И я хотел бы сохранить эту старую добрую традицию.

.....

17 июля 1971 года Таболово

Таболово 25. Кадрия вчера приехала. В 23 часа 30 минут.

Кадрия вчера приехала. В 23 часа 30 минут. Невозможное произошло.

— Фраза: «Какое его собачье дело до моих кошачьих дел».

.....

Таболово 26. 19 часов 30 минут. Были в лесу.

19 часов 30 минут. Были в лесу. Принесли массу «лисичек». Сегодня приехали дядя Андрей и тётя Наташа.

Куда идти? А? В среду явится Щучкин. Идти, говорю, куда? Чего? А?..

.....

18 июля 1971 года Таболово

Таболово 27. Час назад уехали тётя Наташа и дядя Андрей

Час назад уехали тётя Наташа и дядя Андрей, то бишь родители Толи Гусева.

Час назад уехала Кадрия.

Час назад я остался один на даче. С Мухой. Выпил чаю. Щас выкурю сигарету. И начну писать. Куда идти? А? Как мы с Кадриёй провели эти два дня, я опишу, возможно, потом. Здесь есть кое-что интересное и поучительное.

.....

Таболово 28. *Кроме того, надо ведь доставить моим*

Кроме того, надо ведь доставить моим будущим биографам достоверный материал, дабы они не имели возможности перевернуть, передёрнуть, интерпретировать, измышлять, фантазировать, злословить, клеветать, идеализировать, упрощать, усложнять и т.д. и т.п. реальную действительность в отношении меня. Наилучшим вариантом, конечно, было бы быть своим собственным биографом, но, во-первых, у меня есть дела и поважнее, во-вторых, всегда приятно, когда о тебе пишет кто-то, помимо тебя самого, в-третьих, самому несколько затруднительно описать отдельные эпизоды своей жизни, например, свою собственную смерть, поминки и похороны, в-четвёртых, у моих биографов (лучше, если их будет побольше, и они будут противоречить друг другу – это хорошо покажет всю сложность и оригинальность моей натуры и моей жизни) всегда будет больше времени заниматься изучением и анализом моей жизни, чем у меня самого.

Вообще говоря, не следует давать моим биографам и слишком много материала. Дело в том, что обилие информации может парализовать их фантазию, вдохновение и полёт мысли, а мне не хотелось бы, чтобы обо мне писали скучно и неинтересно, без «изюминки», без «искры», без внутреннего огня. Впрочем, есть очень интересный «ход конём»!

Если мой архив будет находиться во многих самых разных местах, и отдельные части моего архива будут появляться в разное время, не сразу, а в определённой последовательности, то это, с одной стороны, не перегрузит моих биографов количеством информации, а с другой стороны, постоянно и постепенно будет давать им всё новую и новую пищу для размышлений и, следовательно, для новых и новых работ в области изучения моей жизни и творчества.

Главное, чтобы моим биографам не надоело описывать мою жизнь, чтобы они не могли остановиться на том или ином окончательном варианте! Для этого необходимо составить подробнейший и продуманный план появления в свет разнообразных документов моего архива. Желательно, чтобы последующий документ начисто опровергал или ставил под сомнение (это тоньше!) предыдущую интерпретацию моей жизни, творчества и мировоззрения. А если появление этих бумаг обставить с достаточной

степенью оригинальности, неожиданности, даже сенсационности, включить сюда элементы детектива и таинственности, то это даст богатейшие возможности для организации всякого рода поисков недостающих частей моего архива. Всегда найдутся энтузиасты, которые по тем немногим сведениям, которые будут известны из уже найденных документов (этих сведений нужно оставить не слишком много, чтобы розыск пропавших документов действительно представлялся интересным и трудным, но и не слишком мало – иначе они либо не найдут следующую часть бумаг, либо даже сочтут это занятие безнадёжным) захотят разыскать пропавшую часть архива и пустятся с этой целью во всякого рода приключения (которые тоже нужно заранее запланировать и тщательно продумать и взвесить).

Удивительное дело! До чего же легкомысленно и бездумно великие люди относились к своим архивам, своим бумагам и т.д.!! Они, вероятно, совершенно не думали о том, что кому-то потом придётся писать их биографии, а кому-то их читать. Поэтому подчас о том или ином человеке совершенно не остаётся никаких сведений и биографы при всём своём желании не могут широко восславить этого человека. Ещё хуже бывает, когда при недостатке материала биографы всё же берутся за перо! Великие люди, наверное, переворачиваются в своих гробах, когда до них доходят слухи о том, что о них понапридумывали падкие на всякие гадости биографы.

Конечно, некоторые великие предвидят все эти неприятности и стараются дать сами какие-то описания своей жизни. Но при этом они совершают очень часто совершенно непростительную для великого ума ошибку! Они стараются выставить себя в привлекательном свете и часто идут на обман, извращение и идеализацию действительности.

Конечно, если ты уверен, что никто ничего не знает о том или ином эпизоде твоей жизни, который ты хотел бы скрыть от потомков, и никогда не узнает о нём, то можешь смело писать заведомую ложь! Но если у тебя есть хоть капля сомнения в том, что удастся сохранить от дотошных потомков ту или иную свою тайну, то тогда тебе следует, нисколько не сомневаясь, описать всё честно и правдиво! При этом старайся особо выделять такие компрометирующие тебя места. Если ты великий, то тебе простят всё! А немного гадостей, которые ты сам скажешь о самом себе, только украсят общую картину твоей жизни и твоей оригинальной личности.

Разумеется, вне зависимости от того, что ты действительно делал или говорил (это нужно описывать правдиво и честно), ты можешь писать о том, что ты ДУМАЛ абсолютно всё, что тебе заблагорассудится! При этом, само собой понятно, всегда нужно

внимательно следить, чтобы между твоими думами и твоими словами и делами была в каждом отдельном случае вполне определённая, но не обязательно прямая связь. Противоречие между мыслями и делами или словами даже в известной мере необходимо! Практика и психология показывают, что у каждого человека это противоречие в той или иной мере имеет место. Но не следует перегибать палку в этой деле! Тебе могут просто напросто не поверить.

.....

Таболово 29. *Это прекрасная мысль! Надо бы как-нибудь*

Это прекрасная мысль! Надо бы как-нибудь написать две вещи. Во-первых, что-нибудь вроде «Письмо к моему будущему биографу». Во-вторых, что-нибудь вроде «Как надо писать мемуары».

Могут быть также и такие названия: «Как стать великим после смерти».

.....

Таболово 30. – *Неужели вы никогда не испытывали страха*

– Неужели вы никогда не испытывали страха перед смертью?

– Я никогда не умру.

– ?

– Во всяком случае, при жизни.

.....

Таболово 31. – *Да на вас лица нет!*

– Да на вас лица нет!

– Не обманывайте себя. Если вам что-то не нравится или вызывает у вас сильное удивление, то от этого это «что-то» ещё не перестаёт существовать.

.....

Таболово 32. – *Неужели вам всё безразлично?*

- Неужели вам всё безразлично?
- Почти.
- Что же в таком случае вас волнует?
- Только одно: почему мне всё безразлично.
-

Таболово 33. – *И вам не надоело это дело?*

- И вам не надоело это дело?
- Надоело.
- Почему бы вам не заняться в таком случае чем-нибудь другим?
- Всё остальное надоело мне ещё больше.
-

Таболово 34. – *Жизнь – игра!*

- Жизнь – игра!
- В таком случае я – болельщик.
-

Таболово 35. – *Вам никогда не хотелось начать жизнь*

- Вам никогда не хотелось начать жизнь сначала?
- Я думаю, что разумнее было бы начать её с конца.
-

Таболово 36. *Прослушал новости «БИ-БИ-СИ».*

Прослушал новости «БИ-БИ-СИ». Коротко. Ясно. Без воды. Подбор фактов и их интерпретация, конечно, не без пристрастности. Но это всё-таки объективнее и полнее советской прессы.

Скоро будет двенадцать часов ночи. Чего буду писать завтра? Надо бы написать всё-таки «Попытку к возвращению». Но это надо делать только в хорошей спортивной форме. Иначе не получится то, что я хочу. Кроме того, у меня есть подозрение, что кое-что из написанного уже также необходимо подвергнуть более или менее обстоятельной переделке. Неважно сделаны связи между кусками из «дневника». Они должны быть больше, чётче и прочнее связывать. Не мешало бы пересмотреть сон в начале «Попытки к возвращению» и, возможно, подправить так, как говорила Кадрия. В некотором смысле ей виднее – сон-то такой ей приснился, а не мне.

Я хотел бы также найти ещё несколько тем и идей для написания цельных вещей. Всегда приятно работать сразу над несколькими вещами одновременно. Это создаёт требуемую непрерывность в работе. Хорошо бы, если бы приснился какой-нибудь сон этой ночью. Только не такой маразматический, как несколько дней назад.

Хватит. Выкуриваю сигарету и ложусь спать. Баиньки. Утро вечера мудренее. Или мудрёнее? Как правильно? Вот сижу за машинкой и косо и тупо смотрю в раскрытое окно. В окне – ночь. Чёрная в натуральную величину. Музыка ревёт. Часы тикают. Машинка стучит. Муха зевает. Бабочка порхает.

.....

Таболово 37. – *Войдите в моё положение.*

– Войдите в моё положение.

– Допустим. А как я из него выйду?

.....

Таболово 38. *Сказано ж было – спать. А может быть*

Сказано ж было – спать. А может быть мне стать фаталистом? Очень спокойная профессия. Вот, кстати, и диалог: «Ваша профессия?» – «Я – фаталист». Полагаю, что диалоги, отпечатанные на стр. 188-190 [в оригинале 31 и 32], надлежит внести под рубрику «Маленькие хитрости».

Да. Так я что-то хотел сказать умное про фатализм. Фатализм сей должен быть особого рода – в боконистском духе. Это «понимание того, что господь бог всё про меня знает и имеет довольно сложные планы, касающиеся именно меня». Очаровательная формулировка!

Примечание: Не верь тому, что написано в правом верхнем углу этой страницы [в оригинале там написано «18 июля 1971 года Таболово»]. Сейчас 19 июля. 0 часов 30 минут.

.....

Таболово 39. *из серии «Маленькие хитрости»: – Чего-с?*

из серии «Маленькие хитрости»

– Чего-с?

– Ничего-с?

– Нда-с.

– Вот-с.

– Пшёл-с!

– Сам туда-с!

.....

Таболово 40. *Вот где дурость-то!*

Вот где дурость-то! Спать хочу и во внутренних зябко. Необходимо немедленно прекратить мараить бумагу! Очень это вредная привычка. Зачем тратить столько слов, чтобы доказать, что тебе нечего сказать? А? Ыгы...

Скажу всё-таки: если тебе нечего сказать, то и не надо тем более ничего писать. Попробуйте со мной не согласиться?

.....

19 июля 1971 года Таболово

Таболово 41. *Утро. Светло. Прохладно. Спокойно. Чинно.*

Утро. Светло. Прохладно. Спокойно. Чинно.

.....

Таболово 42. *стишки Ветер завихряется в листве деревьев.*

Ветер завихряется в листве деревьев. Взлетает и падает маленький маятник: Он делает время. Скрипят половицы. Стынет чай. Медленно растёт столбик пепла на конце сигареты. Соло на барабане. Вот что это такое.

Гудят провода. Солнце тяжёлым маятником падает за горизонт. Густеет влажный и тёплый воздух. Останавливается время. Небо янтарной смолой стекает на Землю. Последний порыв ветра широким мазком завершает картину. Соло на трубе. Вот что это такое.

«Скрещенье рук, скрещенье ног. Судьбы скрещенье». Сплетенье трав, сплетенье звёзд. Паденье Неба, Земли полёт. Овалы глаз, как жерла пушек, расчехлены. Дыханья спутались, совпали с тревожным ритмом чёрных струн. Горячей бронзой тела слились. Удары гонга. Рык зверей. Предсмертный хрип. Победный крик. Звон тишины. Безмолвье грома. В тревожном ритме чёрных струн распалось время. С последним стоном чёрных струн порвалась нить. В безмолвном эхе чёрных струн они погибли...

Соло на гитаре. Вот что это такое.

.....

Таболово 43. *Ну и ну! Чего это такое я написал?*

Ну и ну! Чего это такое я написал? Поистине неисповедимы пути творческого вдохновения!

.....

Таболово 44. – *Господин посол! Я слышал, что ваша страна*

– Господин посол! Я слышал, что ваша страна предлагает мне своё гражданство. Но я хотел бы спросить у вас, не будет ли мне в вашей стране хуже, чем на родине?

Посол посмотрел на меня слегка удивлённо и перевёл взгляд на свою секретаршу. У нее были немного растрёпаны волосы и помята блузка. Я насторожился: вдруг он догадается?

.....

Таболово 45. *Отрывок из сна, который приснился мне*

Отрывок из сна, который приснился мне сегодня ночью после слушания «БИ-БИ-СИ».

.....

Таболово 46. из серии «Маленькие хитрости»: – Да есть ли

из серии «Маленькие хитрости»

– Да есть ли в вас хоть капля совести!

– Есть. Но она уже давно переполнила чашу моего терпения.

.....

Таболово 47. из серии «Маленькие хитрости»: – *Не мешало*

из серии «Маленькие хитрости»

– Не мешало бы дать вам урок хорошего тона!

– Вы правы. Это нисколько не помешает мне вести себя так, как я сочту нужным или приятным.

.....

Таболово 48. *Господи! Если ты есть – останови маразм!*

Господи! Если ты есть – останови маразм!

Прослушал музыку. Песня такая жалостливая. На окне раздавил две мухи. Кусаются, гады. Буду писать дальше «Попытку к возвращению». Перехожу к 176+6 [в оригинале 26] странице, а когда она кончится – снова к странице 194 [в оригинале №35]. И далее.

Ничего у меня не вышло с попыткой продолжения «Попытки к возвращению». Вместо этого я, пожалуй, займусь натурализмом:

.....

Таболово 49. *В четыре часа я решил совершить*

В четыре часа я решил совершить небольшую пешую прогулку. Я выключил магнитофон, закрыл окно, вышел из дома и повесил на дверь большой замок. Ключи я положил в укромное место под крышей. Отправив естественную надобность в туалете, я вышел на дорогу, притворив за собою калитку.

Я закурил сигарету марки «Стюардесса», выбрал направление и целиком отдался приятному ощущению свободной слегка расслабленной ходьбы. Миновав деревню, я шёл по широкой дороге, покрытой гравием. Справа от меня распласталась зеркальная неподвижная поверхность озера. Деревенские ребяташки сосредоточенно удили рыбу под стёршимся от времени предупреждением: «Охота, ловля рыбы и купание воспрещены. Штраф до 100 рублей». Солнце слегка припекало. Лёгкий ветерок овеивал моё лицо.

Гравий кончился, дорога раздвоилась – я выбрал левую ветку и стал медленно подниматься в гору. По обе стороны дороги колыхались злаковые растения, ещё зелёные.

.....

20 июля 1971 года Таболово

Таболово 50. *Идёт дождь. Губу почему-то раздуло.*

Идёт дождь. Губу почему-то раздуло. Чайник вот уже час не может закипеть. Кушать хочется. И Мухе тоже. Курить хочется – нельзя натошак. Ох, господи!..

Кризис у меня. Творческий. Во.

ЧАЙНИК ЗАКИПЕЛ!!!

Набил пузо. Такое ощущение, что не тем набил. Сигарету закурил. Муха, кажется, тоже более или менее удовлетворена. А вот немного статистики: количество страниц, написанных мной.

13 июля (только вечер) – 2

14 июля – 10

15 июля – 7

16 июля – 7

17 июля – менее чем 1 (Кадрия приехала,

родители Толи)

18 июля (только вечер) – 4,5

19 июля – 2

Нетрудно заметить, что стабилизация произошла в районе 15-16 июля и установилась цифра 7. 17 и 18 июля были разгрузочными днями. При этом уже вечером 18 июля я сразу взял прежний темп и накатал одним махом 4,5 страницы. Но 19 июля, то есть вчера наступил творческий кризис. Сначала незаметно, исподволь. Но сегодня это уже совершенно ясно.

Интересно было бы знать, бывает ли творческий кризис у графомана? Напрашивается естественный ответ, что, мол, не бывает, так как графоман не творит. Но сиё весьма спорно.

Когда у писателя наступает творческий кризис, он может выбрать одну из двух возможных тактик. Первая тактика заключается в том, чтобы спрятать машинку и отвлечься от писания на что-либо иное. Затем, когда кризис пойдёт на спад, вновь появится желание чего-нибудь писать, а те занятия, которым отдавался писатель во время кризиса, подкинут ему материала и идей.

Вторая тактика заключается в том, чтобы, напротив, ещё усерднее просиживать штаны у машинки. При этом остаётся одна единственная тема для писания: тема творческого кризиса писателя.

Писатель описывает свои ощущения, мысли эмоции и т.д. Описания эти, в зависимости от типа писателя, его характера, склонностей, мироощущения, а также в зависимости от его сиюминутного настроения, могут колебаться в пределах от крайнего натурализма до крайнего мистицизма, символизма, декадентства и т.д.

.....

Таболово 51. *Итак, писатель, который описывает своё*

Итак, писатель, который описывает своё состояние в момент творческого кризиса. Надо заметить, что творческий кризис всегда как-то коррелируется с кризисом духовным, интеллектуальным, настроенческим. В этом смысле подобное самопрепарирование писателя вызывает смешанное чувство восхищения и отвращения. Мы восхищаемся фанатической преданностью писателя его делу, мужеством, с которым он преодолевает своё подавленное кризисное состояние и садится за машинку. Здесь проявляются такие черты и добродетели, как самоотречение, самопожертвование, сила воли и т.д. и т.п. Но есть в этом копании в собственных духовных внутренностях, в этом обсасывании всех деталей и оттенков собственного гадкого состояния что-то противоестественное, извращённое, садистское и мазохистское одновременно. И вот это-то и вызывает отвращение.

.....

Таболово 52. *Я занимаюсь тем, что усердно*

Я занимаюсь тем, что усердно и систематически уничтожаю мух в этой комнате. Процедура эта производится в два этапа. На первом, предварительном, этапе открывается окно комнаты, и при помощи хождения по комнате и размахивания тряпкой часть мух выгоняется в это окно. Далее окно закрывается, и начинается второй этап. На втором этапе с переменным успехом применяются две тактики. Первая тактика заключается в том, чтобы отдернуть занавески на окнах и ждать, пока та или иная муха не сядет на окно. Тогда надо быстро, но осторожно, задёрнуть занавески и приступить к последовательному передавливанию мух на окне. После того, как все мухи на окне передавлены или вылетели через щель между занавеской и рамой окна, занавеска вновь отдёргивается, и данное

окно готово к приёму новых партий мух. Используя несколько окон можно, переходя от одного окна к другому, образовать непрерывное давление мух, не тратя время на ожидание. Однако окон не так много, как следовало бы, и кроме того, мухи обладают некоторой способностью к обучению: они почему-то не хотят садиться на окна и нужно некоторое время, чтобы у них рассеялись опасения. Тем не менее, попадаются отдельные экземпляры, проявляющие дьявольскую хитрость и изворотливость. Это в основном взрослые, умудрённые опытом мухи.

Вторая тактика не связана с использованием окон в качестве загона для мух. Здесь уничтожаются мухи, находящиеся в любом месте, но обязательно покоящиеся. У этой тактики существуют две разновидности. В первом случае уничтожение производится при помощи тряпки, которая хлопает по сидящей мухе и убивает её. Для этой разновидности необходимо, чтобы муха сидела на легкодостижимом плоском предмете, например, на стене. При второй разновидности муха ловится ладонью: ладонь слегка согнутая и обращенная внутренней стороной к мухе (желательно, чтобы муха смотрела в середину ладони) сперва медленно подводится к мухе на достаточно небольшое расстояние, затем рука делает резкий взмах – ладонь достигает мухи, почти касаясь поверхности предмета, на котором сидит муха, и затем вновь взлетает, удаляясь от предмета. Ладонь, таким образом, совершает движение по дуге гладкой и выпуклой кривой, касающейся поверхности предмета в точке, в которой сидит муха, и обращенной выпуклостью к предмету. На первом отрезке пути ладонь движется ускоренно, а на втором – замедленно. При этом, как только ладонь достигает мухи, она быстро сжимается в кулак и муха оказывается в западне. Остаётся лишь раздавить муху, зажатую в кулаке. Эта операция достаточно проста, хотя и она не всегда оканчивается успешно – иногда мухе удаётся вырваться на волю.

В этом кратком этюде о ловле мух у меня нет возможности останавливаться на многочисленных вариациях рассмотренных методов, хотя я отдаю себе отчёт в том, что именно эти вариации подчас гораздо эффективнее описанных выше классических способов. Вообще теория ловли мух разработана в советской и зарубежной науке ещё недостаточно. Наиболее перспективным является, по-видимому, направление, занимающееся разработкой методики ловли мух во время полёта последних. Эта проблема имеет свои специфические трудности и в самом общем случае не имеет до настоящего времени удовлетворительного решения.

В заключение отмечу, что теория ловли мух выросла на стыке целого ряда, казалось бы, не связанных между собой наук. Это наука о насекомых, анатомия и физиология человека, механика, математика, теория условных рефлексов Павлова, экология, научная организация труда и т.д.

.....

Таболово 53. *Не мешало бы написать небольшое эссе*

Не мешало бы написать небольшое эссе «О влиянии мух на творческий процесс писателя».

.....

Таболово 54. *Продолжаю вести прицельный огонь*

Продолжаю вести прицельный огонь по мухам. От массовой атаки перешёл к снайперским действиям. На улице выглянуло солнце. Я поставил в кастрюле воду на керосинку – хотел сварить лапшу. А она вот уже два часа всё никак не может закипеть. Видать, керосин кончается. А где ещё взять?

Тут одна муха всё пытается меня укусить. Действует она необычайно нагло, агрессивно и упорно: лезет прямо в лицо, жужжит угрожающе и сразу же улетает, как только я начинаю гоняться за ней. Настоящий ас эта муха! Верно, она на меня за что-то очень разозлилась. Этакая непримиримая ненависть. Может быть, я придавил её родственников или близких друзей?

Однако надоела мне эта мушиная тема. Исчерпала она себя. Куда идти? А? Голова у меня в каком-то балдёжном тумане. Вот ведь сволочь эта муха! На нос села! 15 часов 30 минут.

.....

Таболово 55. *Бам! Бам! Бам-бам-бам! Бумс! Это музыка*

Бам! Бам! Бам-бам-бам! Бумс! Это музыка навевает... На практике замечено, что мух, сидящих на потолке, прихлопывать гораздо легче.

Таболово 56. *Будни, заполненные заботами и скукой*

Будни, заполненные заботами и скукой, тяжёлыми серыми кирпичами ложились на здание его жизни. Эта однообразная угрюмая постройка вызвала лишь одно чувство – бесконечную монотонную ноющую тоску. Без окон и дверей, она походила на склеп, в котором был заживо замурован этот во всех отношениях необычайный человек. Даже безысходная посредственность его жизни поражала своей крайней противоестественной покорностью судьбе. Фундаментальная монолитная безоговорочная серость. Эта доведённая до крайности обывательщина неожиданным образом переставала быть сама собой, выходила за свои границы и обращалась в свою противоположность. Демонстративная, вопиющая обыденность так же мало похожа на обыденность, как бесконечность – на любое сколь угодно большое, но конечное число.

Высокий, худой, с длинными костлявыми руками и лошадиной физиономией, он проводил долгие вечера за кружкой пива в компании приятелей, вид которых ассоциировался лишь с одним единственным словом – «тупость». Он говорил своим ямщицким басом банальнейшие, да к тому же неграмотно построенные, фразы. Неизменной темой их разговора было качество сегодняшнего пива, да изредка женщины, которых, они именовали не иначе, как каким-нибудь бранным словом. Пошатывающиеся, с осоловелыми глазами, они выползали из пивной последними и разбредались по своим домам, грязно ругаясь и беспрестанно плюясь себе под ноги.

Наутро, угрюмый и невыспавшийся, в дорогом, но скверно пошитом костюме, он отправлялся к себе в контору, пропахшую пылью и плесенью. Целый день он протирал штаны за конторским столом, забрызганным чернилами и изрезанным перочинным ножом для очинки карандашей, переписывая и составляя заново какие-то испещрённые цифрами бумаги, пощёлкивая своими длинными пальцами на счётах и изгрызая до самого грифеля толстый синий карандаш для пометок. Ровно в час дня он складывал бумаги аккуратной стопкой, засовывал измусоленный карандаш в нагрудный карман пиджака и шёл обедать в дешёвую столовую через улицу. Ровно в шесть вечера он сгребал всё, что было на столе, в необъятный выдвижной ящик, запирали его на ключ, который вешал на гвоздь у входа в свою комнату, и плёлся домой. Дома, переодевшись в точно

такой же, но погрязнее, костюм, он, немного повеселев, шёл снова в пивную, куда приходил первым и садился за один и тот же стол в углу у окна, поджидая приятелей и дымя дрянной сигаретой с махорочным табаком.

В выходные и праздничные дни он спал до трёх часов, иногда ходил в кино, судя по всему, не обращая никакого внимания на название фильма – он смотрел фильм как таковой и, если бы ему вдруг показали просто набор бессвязных кадров, он, вероятно, получил бы ничуть не меньшее удовольствие, чем от любого другого фильма. Иногда он читал какую-нибудь книгу, которую покупал в тот же день в какой-нибудь лавке вместе с сигаретами, сообразуясь с ценой и яркостью суперобложки. Раз в два-три месяца он бывал на городском ипподроме, громко и азартно «болея», отчаянно размахивая руками и то и дело подпрыгивая на своём месте. Но ни разу не было замечено, чтобы он делал какие-нибудь ставки или заключал бы пари.

Он был вполне доволен этой бесцветной совершенно никчемной жизнью. И лишь два или три раза в сильном хмелю, путано и бессвязно высказывался в том духе, что это всё-де какая-то подготовка, предварительный этап и даже как-то употребил абсолютно несвойственное и, казалось бы, незнакомое ему выражение «эмбриональное состояние», что, конечно, могло насторожить и заинтересовать умного и внимательного человека, но только не его тупоголовых приятелей.

.....

Таболово 57. *Я кончил предыдущий отрывок, потому что*

Я кончил предыдущий отрывок, потому что не знаю чего писать дальше, и даже на фига я это-то написал. Но, по-моему, тут есть нечто забавное. А? С мухами я, однако, расправился блестяще. Тут где-то ещё порхает иногда одна такая маленькая и увёртливая, но и ей придёт конец, как только я увижу ее сидящую.

Что это? Прошёл мой творческий кризис, или это затишье перед бурей? Правда, то, что я сейчас пишу, совсем не похоже на записи прошлых дней. Этот необычайный обыватель в «эмбриональном состоянии» – что-то новое. Но всё это на уровне новых ощущений и стиля. Нужна драма идей. Или трагедия. Я бы согласился даже на водевиль.

Удивительное дело! Ловля мух, которая ранее меня отвлекала от творческого процесса, теперь напротив, стимулирует его. Но мух уже почти не стало.

Кажется, я начинаю догадываться, в чём дело. Раньше я питался обрывками идей, похороненными в тех писаниях, которые я написал в незапамятные времена и привёз сюда с собой. А теперь всё! Приходится рожать из собственной головы. Впрочем, кое-что в прошлых опусах ещё осталось, наверное. Это, конечно, не самородки, а довольно бедный золотиносный песок, но всё-таки не мешало бы его как следует промыть.

.....

Таболово 58. ОПЫТ САМОКРИТИКИ

ОПЫТ САМОКРИТИКИ

ЭПИГРАФ: «Скромность –
добродетель слабых».

Жан Поль Сартр.

Игорь Бурдонов родился в конце первой половины XX столетия в столице одной из пяти великих держав. Его жизнь и творчество, ещё далекие от завершения, дают, однако, уже достаточно много материала для того, чтобы попытаться провести более или менее объективный и беспристрастный анализ этой, безусловно, оригинальной личности. Автор, разумеется, не ставит перед собой задачи дать исчерпывающую характеристику жизни и деятельности этого человека, задачи тем более неосуществимой, что эта деятельность и эта жизнь не достигли ещё кульминации. Наша задача гораздо скромнее: показать некоторые существенные движущие силы развития личности И.Бурдонова, попытаться в меру наших скромных возможностей определить истинное место этого человека в наше время и в истории мировой культуры вообще, а также в той степени, в какой это практически возможно и этично, рассмотреть предположительные перспективы жизни и творчества Игоря Бурдонова и их возможные последствия для прогресса человеческой цивилизации.

Прежде чем перейти к непосредственной теме настоящего исследования, нам хотелось бы сказать несколько слов по поводу стиля и построения этой работы. Вероятно, мы должны просить у читателя снисхождения за тот фрагментарный и несколько непоследовательный метод изложения, который мы выбрали. Извинением нам может служить, пожалуй, то обстоятельство, что такого рода исследование проводится впервые, и любая сколь угодно хорошая система расположения материала вряд ли могла бы удовлетворить самым элементарным требованиям научности и логичности. Поэтому после целого ряда неудавшихся попыток нам пришлось вообще откинуть какую-либо претензию на систематичность изложения и уделить всё своё внимание существу излагаемого. При этом, разумеется, мы попытались всё же сохранить хотя бы видимость связности изложения и старались, как можно более последовательно придерживаться единого стиля повествования, что, впрочем, в некоторых местах нам как будто совсем не удалось.

Оправданием нам может служить также (если вообще такого рода вещи могут служить оправданием) необычайная трудность анализа столь оригинальной, противоречивой и глубокой личности, как личность Игоря Бурдонова. Поначалу, едва приступив к изучению фактов жизненного пути и рукописей творческого архива писателя, мы чуть было не спасовали перед вдруг вставшей во весь рост неизмеримой сложностью стоявшей перед нами задачи. И лишь дружеское участие и неоценимая помощь самого Игоря Бурдонова, весьма благожелательно отнёсшегося к нашей работе, не позволили нам отступить. Впоследствии нам неоднократно приходилось переходить от самодовольной уверенности в том, что мы уже всё досконально знаем об этой личности, к полному отчаянию и растерянности; порой этот переход вызывался лишь одной единственной репликой И.Бурдонова или одной единственной строчкой его произведений, начисто опровергавших построенную нами и казавшуюся логичной и окончательной интерпретацию жизни и творчества писателя. Да и сейчас, завершив свой труд, мы отнюдь не испытываем полного удовлетворения, которое возникает в результате расстановки всех точек над «и». Слишком многое нам остаётся неясным или сомнительным, далеко не всё укладывается в созданную нами систему и иногда нам начинает казаться, что мы ничуть не продвинулись от начальной точки своей работы. Всё же мы решили опубликовать то, что есть, в надежде, что, быть может, найдутся более талантливые или более удачливые исследователи, которые

заинтересуются рассматриваемыми нами вопросами и попытаются разрешить их лучше, чем удалось это нам.

xxx

«Подите к чёрту! И не мешайте работать!» – так ответил нам Игорь Бурдонов, когда мы впервые обратились к нему с просьбой предоставить некоторые материалы из его личного архива для проведения исследования его жизни и творчества. Но в то время мы ещё были полны самоуверенности и повторяли свою просьбу с настойчивостью часового механизма. Тогда писатель, наконец, уступил нам и весьма любезно предложил несколько страниц дневника, написанных в разные годы. Мы восприняли это как первую победу, но, как пришлось нам вскоре убедиться, в действительности это было первое поражение. Игорь Бурдонов сыграл с нами злую шутку: сопоставив эти страницы между собой, мы только раскрыли рты от удивления. Было совершенно ясно, что эти строки не мог написать один и тот же человек! Мы попытались было возмутиться, но нам сунули в нос рукописи этих дневниковых страниц, и мы были вынуждены замолкнуть: почерк был без сомнения один и тот же, и специальная экспертиза установила, что строки эти действительно принадлежат Игорю Бурдонову и никому другому.

.....

Таболово 59. *Боже мой! Что за чушь я написал?!*

Боже мой! Что за чушь я написал?! Ай-яй-яй-яй-яй! Надо ж так наклюкаться... Забыть! Немедленно забыть эту гнусную бредятину. Стыдно, молодой человек, писать такие мерзости. Да ещё печатными буквами!

.....

Таболово 60. *Неужели я так и не напишу*

Неужели я так и не напишу сегодня ничего стоящего? А?

.....

Таболово 61. *23 часа 30 минут. Сейчас я лягу спать*

23 часа 30 минут. Сейчас я лягу спать. Страниц я сегодня написал много, а толку мало. Сплошной маразм. Если так будет продолжаться и дальше, я себе не завидую.

.....

21 июля 1971 года Таболово

Таболово 62. *10 часов 51 минута. 11 часов 6 минут.*

10 часов 51 минута. 11 часов 6 минут. 11 часов 14 минут.

Кризис у меня. Творческий. Во.

11 часов 20 минут. В искусстве ловли мух я достиг очень высокого совершенства. Вот если бы также писать! А? 11 часов 28 минут. Кризис продолжается. Щас приедет Щучкин (?). А я буду пока хлопать мух.

.....

21 июля 1971 года Таболово

Таболово 63. *Он шёл по дороге. Дождь и ветер.*

Он шёл по дороге. Дождь и ветер. Грязь под ногами. Всё вокруг булькало, завывало, пенилось, завихрялось – будто. – Нет, не так, снова начну писать.

.....

Таболово 64. *Он шёл по дороге. Между небом и землёй*

Он шёл по дороге. Между небом и землёй, словно в гигантском миксере, крутились лишь дождь и ветер. Уже много часов подряд готовился этот безвкусный, серый и жидкий коктейль из воды, грязи и холода. Он шел, устало запрокинув голову, лениво передвигая ноги.

.....

Таболово 65. *«ОЛЯ! (А также Коля – если он приехал).*

«ОЛЯ! (А также Коля – если он приехал). Я пошёл прошвырнуться по случаю творческого кризиса. Дверь я, как видите, закрыл на замок. Дверь на террасу тоже закрыта. И окно тоже – МОЖЕТЕ ПРОВЕРИТЬ. Хе-хе! Ждите меня. Ключи на столе. Игорь».

Прикрепив записку такого содержания на двери дома и закрыв за собой окно, я, за неимением коня, решил совершить небольшую пешую прогулку в надежде, что когда я возвращусь, Николай Щучкин будет сидеть, развалившись на стуле и с наглой усмешкой и самодовольной рожей небрежно перелистывать выстраданные и вымученные страницы моего дневника за последние дни. Не тут-то было!

Я прихожу к выводу, что если они сегодня не приедут – это будет с их стороны очень большим свинством. Пожалуй, я им так прямо и скажу: «Свиньи вы!» А если они приедут сегодня (а должны были по идее приехать в 12 часов дня), то и я назову их только поросятами или хрюшками. Что лучше?

.....

Таболово 66. *Надоели, однако, мне эти*

Надоели, однако, мне эти постоянные ожидания всякого рода гостей. Они не дают мне психологической возможности взяться за большое и красивое дело. И поэтому я пишу маразм. (Как было бы хорошо, если бы это была единственная причина!)

.....

Таболово 67. *Разговор в самолёте*

Разговор в самолёте компании «Панамерикэн», летящем из Москвы в Нью-Йорк через Владивосток. Пожилая чета направляется в США. Он – советский дипломат, она – его жена. Молодой человек, математик, летит во Владивосток.

– Я тоже не прочь побывать в Америке. Но я схожу во Владивостоке. Там у меня жена.

– Вы женаты? А выглядите вы весьма молодо. Я бы даже сказал – юно.

– Мне двадцать четыре года. Пока мне дают меньше. По-моему, это должно радовать.

– Конечно. У вас есть дети?

– Девочка. Собственно, мы и поженились-то из-за ребёнка.

– ?

– Мы просто любили друг друга, нам было совсем неплохо вместе. Но я вовсе и не помышлял о женитьбе, ни на Кадрие, ни на ком-либо другом, ни тогда, ни в ближайшие годы. У меня было особое мнение на этот счёт.

– Кадрия? Это, кажется, татарское имя?

– Да, по национальности она татарка. Врачи сказали, что если она сделает аборт, у неё не будет больше детей.

– И как же устроилась ваша жизнь?

– Мы счастливы. После окончания института она по распределению уехала во Владивосток.

– Она, вероятно, могла бы остаться с вами в Москве. Даже если у неё не было московской прописки.

– Родители Кадрии живут в Казани. Но мы сочли, что так будет интереснее. Через некоторое время я тоже перееду во Владивосток. Там есть институт Кибернетики. Один мой однокашник работает в этом институте и отзывается о нём весьма похвально.

– Сейчас у вас, вероятно, отпуск?

– Да. Мы не виделись целый год.

– Это много, – дипломат улыбнулся. – Простите за нескромность: в течение этого года у вас не было других женщин?

– Были, разумеется. Но у нас нет секретов друг от друга. Мы прекрасно понимали друг друга еще в первые месяцы знакомства, когда совсем не собирались пожениться.

– Вы разрешите ещё один нескромный вопрос?

– Конечно, – молодой человек улыбнулся. – Я, кажется, догадываюсь о его содержании. Вы хотите спросить, как жила Кадрия этот год без меня?

– Вы угадали.

– Разумеется, женщине вовсе ни к чему целый год обходиться без мужчины. Это один наш общий друг. Очень хороший парень, – молодой человек снова улыбнулся. – Я в этом смысле менее постоянен.

– Татары, ведь кажется, народ очень строгих нравов?

– Да. Но это больше в прошлом, как и все другие народы. А Кадрия, кроме того, очень мало унаследовала от своей национальности. Даже внешне её принимают скорее за цыганку.

– Интересно, насколько легко вам дались эти... ну, что ли демократичные взгляды на взаимные отношения. Вам не приходится делать усилия над собой, чтобы соглашаться с таким положением вещей? Мысленно ведь мы можем всё понимать, но сердцу, как известно, не прикажешь.

– Да, нет. На самом деле мне, и насколько я знаю, Кадрие тоже, вовсе не приходится мучиться по этому поводу. Конечно, так получилось не с пелёнок. Мы, и в особенности Кадрия, воспитывались в духе несколько иной морали. Но когда мы познакомились, процесс переделки был уже в основном завершён.

– А что этот ваш общий друг, как вы выражаетесь?..

– Это не просто оборот речи – Андрей (его зовут Андрей) действительно наш общий друг. Он мне не признавался, но, по-моему, он немного любит Кадрию.

– А она?

– Она? – молодой человек улыбнулся. – Ну, разве самую малость. По-настоящему она любит только меня. А я – только её.

.....

Таболово 68. *Неплохой диалог, по-моему.*

Неплохой диалог, по-моему. Может быть я напрасно, конечно, назвал эту жену своего героя Кадриёй, но других достаточно красивых татарских имён я не знаю. А выдумывать не охота – не в том суть. Впрочем, здесь всё соответствует действительности, если под этим преуспевающим математиком разумеет меня. Кроме, само собой, нашего решения пожениться и хохмы насчёт аборта. Андрей, естественно, тоже выдуман.

На этом автобусе Щучкин и Оля опять не приехали. У них остаётся один единственный шанс не попасть в свиньи: 19.30.

.....

Таболово 69. *Сходил в террасу и устроил*

Сходил в террасу и устроил тамошним мухам варфоломеевскую ночь. Теперь мух почти нигде нет. Что делать?

Щучкин не приехал. И Оля тоже. Ну что ж, ничего не поделаешь – придётся им быть свиньями. Не слишком ли это, однако, мягко сказано: «свинья»? Надо будет поразмыслить над этим вопросом.

.....

Таболово 70. *стишки В чёрном окне – Чёрная ночь.*

В чёрном окне –
Чёрная ночь.
Капает дождь.
И грустно мне.

Хочешь умчаться
В сказочный край?
Как называется
Эта печаль?

Кони каурые
В тёплой росе.
Свет абажурный
Пятном на столе.

Хочешь промчаться
На быстром коне?
Это случается
Только во сне.

Где-то за солнцем
Ветры летят.
Тихо в оконце
Капли стучат.

Значит, не хочешь.
Что же, прощай!
Я снова закручен
В тугую спираль.

.....

Таболово 71. *18 часов 52 минуты. Голова у меня*

18 часов 52 минуты. Голова у меня совершенно обалдевшая, и вообще как-то не по себе. Самочувствие неважное. Видать, я перекурил за эти дни. А сейчас совсем не могу писать из-за этого. И читать тоже могу только с трудом. Хоть бы был кто-нибудь. И не то чтобы скучно, а просто это дурацкое состояние усё парализует. Деньги

подходят к концу. Если уж и завтра никто не приедет, то это будет совсем плохо. Ну да Кадрия, во всяком случае, должна приехать: не в пример Щучкину она свои обещания сдерживает.

Выкурил я сегодня шесть сигарет. А надо бы ни одной.

11 часов 30 минут. Спал я. 4 часа. Щас музыку слушаю. Потом опять лягу спать. Усё надо лечить сном.

.....

23 июля 1971 года Таболово

Таболово 72. 8 часов 45 минут. Проснулся я – семи не было

8 часов 45 минут. Проснулся я – семи не было, и грешным делом подумал, что уже часов так 12 или около того. Солнце вовсю светило. Сны мне снились сегодня о...вающие. И вчера тоже, но записать вчера я не мог. Щас уж, конечно, забыл почти усё. Зело странны сны сии. Однако ж, кой-чаво записать могём.

Сон №1: Завод. Секретный, видать. Я и ещё один или два человека: в одни моменты времени – один человек, в другие – два. Сии люди, насколько я понимаю, суть Гусев и Букетов.

Проходная. На завод попасть через неё нам нельзя. А надо. Телефон. Какой-то очень оригинальный метод передвижения в пространстве: звонишь по телефону на завод, там снимают трубку, и тогда ты открываешь дверь, которая должна располагаться почему-то обязательно слева от телефона (ещё там есть какие-то тонкости, но я их не помню), шагаешь в эту дверь и оказываешься на заводе, рядом с телефоном тамошним, по которому ты звонил. Для всего этого необходимо, чтобы и на заводе телефон и соответствующая дверь были расположены также. И получается, чтоходишь ты в ту дверь, которая у тебя дома, а выходишь из той двери, которая на заводе. В общем, во сне всё это как-то очень здорово и убедительно доказывалось – я сам доказывал другим людям – и была полная ясность в этом плане.

Итак, при помощи этого телефонного метода, мы проникаем на завод. Дальше что-то такое, что нас обескураживает: что-то связанное с тем, как мы будем возвращаться обратно. Мы ходим по заводу, который местами напоминает учреждение: коридоры, двери, кабинеты и т.п. В конце концов, после каких-то событий и в некоторой спешке каким-то образом нам удаётся всем выйти из этого завода и

вроде как всё в порядке. Дальше без всяких переходов, как будто бы продолжение первого сна, начинается второй сон.

Сон №2: Ровная, гладкая площадка, довольно больших размеров, расчерченная на квадраты. Вдалеке – неровная линия большого города. На площадке – несколько человек. Среди них – я и Букетов. Мы только что вышли из этого завода, который располагается где-то тут же рядом. Но вроде того, что этот завод не очень чётко воспринимается: как будто он еще есть, но в чём-то его уже и нет. Гусев как будто ещё на заводе и вот-вот должен подойти.

Вдруг яркая вспышка в небе, над городом. Она освещает всю половину неба и быстро превращается в правильный атомный гриб. То, что это атомный взрыв, доходит до сознания сразу, одним ударом: «Вот оно!» Очень своеобразное ощущение в этот момент времени: растерянность, ужас, восторг, ощущение нереальности и в то же время полной реальности события, которое, почти невозможное, вдруг совершилось («вот оно!»), суетливость и т.д. Мы с Букетовым бросаемся назад, почему-то пригибаясь, к реке – там моторная лодка. Мы прыгаем в неё и ждём Гусева. Мимо бегут люди и вроде бы хотят сесть в нашу лодку. Мы понимаем, что ждать очень опасно; вот сейчас будет ударная волна и всё такое прочее. Тут я и проснулся.

Сон №3: Нас шестеро. Три парня и три девицы. Однако, третий парень вроде того, что мало значит. Во всяком случае, я воспринимаю его так: вот мы двое, а он – третий – так себе. Две девицы почти точные копии, а третья тоже – так себе. Девицы сии моложе нас существенно, девочки они, но весьма сексуальны и по всему видно, что они вполне созрели для дефлорации и сами напрашиваются. Это в основном касается первых двух девиц, третья – так себе. Про неё всю дорогу так ничего и сказать нельзя, также как и про третьего парня. Вроде бы они и есть, и вроде бы их и нет. Находимся мы на природе: лес, поляны, небо голубое, солнце река, тропинка. И как будто сиё – поход или просто воскресный выезд за город. Уикенд, короче говоря. Перебираемся мы через реку, и тут нечто вроде шикарного отеля. Полупустой он. Мы поднимаемся на второй или третий этаж: там коридор и номера – очень хорошие номера. Сначала мы, как будто, остановились в одном номере, но что-то там было неудобно, и мы перебираемся в номер в конце коридора. Это очень превосходный номер. Широкое окно с занавесками, откуда открывается вид на реку и лес. В комнату падает солнечный свет. Две большие двуспальные кровати, покрытые красивым тёмным покрывалом. Как будто есть и третья кровать – но она так себе, то ли есть, то ли нет.

Мы закрываем номер изнутри, и начинается секс. В это время вначале на одной кровати лежат четверо: два парня и две девицы. Та пара, которая так себе, где-то в другом месте. Развитие доходит до какой-то кульминации, связанной с весьма хитрым и сложным манипулированием руками всех четырёх человек, так что игра ведётся не отдельно двумя парами, а сразу четырьмя партнёрами. После кульминации – провал в сюжете, и снова – та же комната, но вроде бы теперь в ней только двое: я и одна девица. Мы что-то там вспоминаем про наших друзей: типа того, что пусть они как хотят, а мы будем развлекаться. И начинается секс. В это время раздаётся звонок в дверь. Это служащие отеля. Вообще, сии служащие незримо присутствуют всю дорогу, вызывая у нас постоянные опасения за сохранность тайны нашего времяпрепровождения. Тут почему-то в сознании встаёт какое-то странное и сложное устройство замка, закрывающего дверь в номер. Потом мы понимаем, или даже нам просто говорят в дверь, что это звонят мамы наших девиц: они беспокоятся за своих детей. Это нас раздражает, и мы снова начинаем заниматься сексом.

Где-то тут в этом сне помнится ещё и такая картинка: река, вдали наш отель, на берегу под кустом сидят и вроде бы загорают кто-то из нашей компании и кто-то, быть может, чужой. К ним подходят еще два или три человека – как будто одни только парни – и спрашивают, как пройти к нашему отелю и вообще как найти нас. Им объясняют, и они идут. Где во всё это время нахожусь я – не знаю. С одной стороны, я – один из загорающих, с другой – один из этих прохожих, с третьей – я в это время развлекаюсь в отеле.

Вот, кажется, и всё, что я помню по части снов. Хотя знаю, что было ещё много всего. Может быть, вспомню позже.

.....

Таболово 73. *Сегодня ночью мне приснился сон (1)*

Сегодня ночью мне приснился сон.

...Я плыву на лодке по затопленному кладбищу. Вокруг лишь старые камни, стволы деревьев и вода. Над головой – сплошной свод из листьев и веток. Но я знаю, что это не просто камни, деревья и вода. Я знаю, что это – затопленное кладбище. И где-то там, внизу, – кресты, памятники, могилы и ограды. Сейчас день, и светит яркое солнце. Но здесь, на кладбище, царят зелёные сумерки. Мои руки,

лежащие на вёслах, – зелёного цвета. Зелёная вода. Зелёные камни. Зелёный, сырой и холодный воздух.

.....

Таболово 74. *Сегодня ночью мне приснился сон (2)*

Сегодня ночью мне приснился сон.

...Я плыву на лодке по затопленному кладбищу. Вокруг лишь старые камни, стволы деревьев и вода. Но это не просто камни, деревья и вода. Ощущение кладбища, иррациональное и гнетущее, незримыми волнами исходит от этих камней, деревьев и воды; сам воздух, сырой и тяжёлый, пропитан этим ощущением. Над моей головой – сплошной свод листьев и веток, луч солнца не может пробить себе дорогу в бесконечном сплетении листьев и веток. Здесь, на кладбище, царят зелёные сумерки. Мои руки, лежащие на вёслах, – зеленого цвета. Зелёная вода. Зеленые камни. Зелёный воздух. Сырой и тяжёлый.

.....

Таболово 75. *Сегодня ночью мне приснился сон (3)*

Сегодня, ночью мне приснился сон.

...Я плыву на лодке по затопленному кладбищу. Над поверхностью воды возвышаются лишь груды камней, ветви кустарника и стволы деревьев. Но ощущение кладбища, иррациональное и гнетущее, пронизывает собой всё вокруг. Тяжёлыми волнами сочится оно из камней и деревьев, вместе с испарениями поднимается из толщи воды, сам воздух, сырой и холодный, пропитан этим ощущением. Над моей головой – сплошной свод листьев и веток, ни один луч солнца не может пробиться сквозь бесконечное сплетение листьев и веток. Я знаю, что сейчас день и светит яркое солнце. Но здесь, на кладбище, царят зелёные сумерки. Мои руки, лежащие на вёслах, – зелёного цвета. Зелёная вода. Зелёные камни. Зелёный воздух. Сырой, холодный, тяжёлый, сладковатый воздух.

.....

Таболово 76. *Сегодня ночью мне приснился сон (4)*

Сегодня ночью мне приснился сон.

...Я плыву на лодке по затопленному кладбищу. Кладбища, как такового, нет – над поверхностью воды возвышаются лишь груды камней, ветви кустарника и стволы деревьев. Но ощущение кладбища, иррациональное и гнетущее, пронизывает собой всё вокруг. Тонкими струйками конденсирующейся воды оно сочится из камней и деревьев; вместе с тяжёлыми испарениями поднимается из толщи воды; сам воздух, сырой и холодный, пропитан этим ощущением. Над моей головой – сплошной свод листьев и веток, ни один луч солнца не может пробиться сквозь бесконечное сплетение листьев и веток. Я знаю, что сейчас день, и светит яркое солнце. Но здесь, на кладбище, царят зелёные сумерки. Мои руки, лежащие на вёслах, – зелёного цвета. Зелёная вода. Зелёные камни. Зелёный воздух. Сырой, холодный, тяжёлый, сладковатый воздух.

.....

Таболово 77. *Сегодня ночью мне приснился сон (5)*

Сегодня ночью мне приснился сон.

...Я плыву на лодке по затопленному кладбищу. Кладбища, как такового, нет – над поверхностью воды возвышаются лишь груды камней, ветви кустарника и стволы деревьев. Но ощущение кладбища, иррациональное и гнетущее, пронизывает собой всё вокруг. Над моей головой – сплошной свод листьев и веток. Я знаю, что сейчас день и светит яркое солнце. Но здесь, на кладбище, царят зелёные сумерки. Мои руки, лежащие на вёслах, – зелёного цвета. Зелёная вода. Зелёные камни. Зелёный воздух. Сырой и тяжёлый.

.....

Таболово 78. *Итак, семь вариантов одного абзаца*

Итак, семь вариантов одного абзаца: один на стр. 156 [в оригинале 1], один на стр. 176 [в оригинале 20] и остальные на стр. 211 [в оригинале 50] и 213 [в оригинале 51]. Какой лучше? По-моему, лучше всего те, что на этой странице. Первый – красивее, ярче,

красочнее. Второй – проще, лаконичнее, строже. Какой лучше из этих двух?

.....

Таболово 79. *Перехожу ещё раз на страницу*

Перехожу ещё раз на страницу №183 [в конец фрагмента Таболово 21 «ПОПЫТКА ВОЗВРАЩЕНИЯ», в оригинале на страницу №26]. Попытка №2. А после перехожу к фрагменту Таболово 21 [в оригинале на страницу №52]. Окончив [в оригинале страницу №52], я пошёл гулять в Дубосеково. Шоб знать, где оно, ежели вечером придется туды идти.

.....

Таболово 80. *свою независимость, своё «я».*

свою независимость, своё «я». Слишком уверены мы были в своей правоте, и слишком большое значение имели для нас наши представления, чтобы могли мы отказаться от них даже во имя любви. Тем более что любви как таковой и не было. Может быть, было желание любви, да, наверное, было сильное желание любить кого-то, всё равно кого. И как только обнаружился более или менее подходящий объект любви, тот же самый самообман создал стойкую иллюзию действительной любви. И даже вполне понятные колебания в этой любви «объяснялись» какими-нибудь рациональными доводами. Например, так: «то, во что мы больше всего верим, в том мы чаще всего сомневаемся». Без труда можно найти кучу всяких афоризмов на любой случай жизни, при помощи которых можно «доказать» вообще всё что угодно.

Впрочем, о любви-то говорил я один. Катя молчала. Но это её молчание вместе с туманными намёками на то, что «может быть я тебя когда-нибудь и смогу полюбить», а позже – «иногда мне кажется, что я тебя люблю» – всё это лишь усиливало иллюзию моей любви к Кате. Отчасти я понимал это ещё и тогда, когда писал: «было в моём отношении к Кате что-то такое, что, пожалуй, можно выразить словами – «как бы сделать так, чтобы Катя полюбила меня и поверила в меня и мне – тогда я и сам по-настоящему сильно люблю её?»... По-существу, это было признанием того, что я не люблю Катю, но что мне хотелось бы, чтобы она полюбила меня.

По-существу, это действительно было так! Но не так-то легко разрушить собственную иллюзию. Я писал «было», наивно полагая, что «осознание этого признания шло, как это ни парадоксально, параллельно с зарождением действительной любви к Кате. Чем более я действительно любил Катю, тем более осознавал я всё ещё живую во мне тенденцию заставить Катю полюбить меня, не любя её. Это приносило разлад в мою душу. Теперь этому приходит конец».

В конечном счёте, мне удалось даже вызвать у Кати иллюзию ответной любви ко мне. Может быть, не такую стойкую, как у меня самого, но достаточно явную. И, как это ни парадоксально (вот это действительно парадоксально!), этот мой успех положил конец, хотя и не сразу, моей собственной иллюзии. Расставшись с Катей на две недели, я вскоре предложил ей расстаться ещё на два месяца, всё ещё надеясь, что это необходимо для улучшения наших отношений. Мы встретились через два месяца уже чужими людьми.

...Я очнулся от этих размышлений, уже открывая дверь подъезда, в котором жила Катя. На миг у меня мелькнуло сомнение: для ~~чего я, собственно~~

58. Таболовские микроэтюды

«Камни для мозаики»

1. **Муки творчества**
2. **Фраза**
3. **День**
4. **Понимание**
5. **Молчание**
6. **Этюд просто так**
7. **Второй этюд просто так: Английская замочная скважина**

25 июля 1971 года, воскресенье. Таболово

1. **Муки творчества**

У писателя наступил творческий кризис. Он покачивался на стуле, закрыв глаза и мучительно напрягал свой ум, пытаясь отыскать какую-нибудь идею для написания рассказа или этюда. Потом он встал и пошёл на кухню, где жена писателя мыла посуду.

Оленька, я тебя прошу, скажи какую-нибудь фразу.

Какую фразу?

Всё равно какую. Представь себе, что тебе дали выбор: либо скажи фразу, либо тебя расстреляют. Чтобы ты сказала?

Стреляйте, - я бы сказала. - отвечала жена, протирая вымытые тарелки кухонным полотенцем.

Н-да... - сказал писатель, повернулся и пошёл обратно в свой кабинет. Там он открыл ящик стола и долго-долго смотрел пристальным взглядом на воображаемый пистолет крупного калибра. Резкий сухой щелчок выстрела жена писателя слышать не могла, потому что он был: тоже воображаемым.

2. Соавторы

Это ты здорово написал. - сказал один соавтор другому.

Это? Да, действительно хорошо. Только, по-моему, это ты написал.

Нет, это не я.

Гм... Я тоже этого не писал.

Что ты хочешь этим сказать? - Они внимательно осмотрелись по сторонам. В комнате никого не было и на душе у соавторов стало тоскливо и тревожно...

3. Фраза

Я ходил по избе, почёсывал живот и медленно мучительно балдел. На столе стояла пишущая машинка со вставленным в неё чистым листом бумаги и графин с водкой. Полупустой.

Дверь бесшумно открылась и с грохотом захлопнулась. В комнату, постукивая модными каблуками, смеясь, подмигивая, подрагивая талией, вошёл Щучкин.

— Ну шо? Написал что-нибудь? А? Хе-хе. Я вот тут принёс пять страниц. Гениально по-моему. А? Ты как?

Я молча повернулся к нему и почесал живот. Он радостно помахивал своими страницами перед моим носом и был доволен весьма. Минуту я смотрел. Потом сказал хриплым голосом:

— Эта... Я тут... в голове всё... держу... Сядь бы... я эта... продиктую... фразу... ик... Руки у меня... того... дрожат...

Щучкин сунул руку в карман своих заграничных джинсов и вытащил жвачку. Он сел на стул перед машинкой и, быстро-быстро двигая челюстью, посмотрел на меня нагло:

Так что писать?

Пиши: многоточие...

Написал.

Теперь такую... фразу. "И тогда я его убил".

Готово. Это что – всё?

Да... Это конец. — я с размаху опустил графин на его голову. Пробка выскочила и водка вылилась ему на джинсы и на пол. Я посмотрел на всё это с минуту и почесал живот.

4. Столб

Когда ко мне подошёл пьяный, я стоял на остановке автобуса и курил сигарету.

Врачи говорят, болезнь у меня хроническая. – начал он. – Какая ж это жизнь, а? Ни тебе радости, ни тебе... – он замолчал .

Это, конечно. – мягко заметил я.

Столб видишь?

Ну... – не понял я.

Вот подойти и головой об столб – раз! И никакая женщина тебе не нужна.

Правильно. – поддержал я разговор.

Какой хрен правильно! Сам бейся головой. Идиот! – он посмотрел на меня зло, сплюнул на сторону и пошёл дальше. Я поглядел на столб и пожал плечами.

5. День

Проснулся я – день солнечный.

Что ты мне принесёшь, солнечный день? – сказал я вслух.

А он отвечает: – Ничего.

Как ничего?

А так. – он повернулся и медленно начал уходить.

Я ему кричу вслед: – Подожди! Надо же что-то сделать. Нельзя просто так уходить.

Не слышит. Я поглядел вокруг – вечер уже. Темно. Я снова лёг спать.

(12 июля 1971 года)

6. Натуралистический этюд

Возможно... – сказал я и стал смотреть в пол. По полу проползла муха. Я мысленно представил себе, как хлопаю по ней журналом "Здоровье", свёрнутом в трубку, и она замирает навеки посередине широкой половицы. И по лицу у меня ползла бессмысленная блуждающая улыбка. На кровати лежал Щучкин, положив руку себе на лоб. Вероятно, он размышлял.

Гляжу на тебя. – сказал Щучкин и замолчал. Я откинулся на спинку стула и посмотрел в окно. Сквозь мелкие дырочки в тюлевой занавеске просвечивало что-то чёрное. Ночь, подумал я. А вслух спросил: – Что?

Стрелять в тебя удобно. – проговорил Щучкин медленно и спустил руку на бедро. Я закурил сигарету и выдохнул облако дыма по направлению к потолку. Порыв ветра всколыхнул занавеску, в животе у меня булькнул выпитый чай с молоком. Я отхлебнул еще глоток чаю и провёл пальцем по клеёнке – раздался характерный скрип. Тогда мы зажгли свечи, выключили электрическое освещение и завели музыку.

Коля, у тебя есть мысль? – спросил я.

Нет. – ответил он и стал что-то долго и красиво говорить. Очень искренне.

А я выпрямился на стуле и начал медленно переводить взгляд с одной свечи на другую, со второй – на третью, а оттуда – снова на первую свечу. Свечи были воткнуты в длинные пустые бутылки из-под "Алиготэ". Сидя в окружении трёх свечей, я почему-то вспомнил о смерти. Она представилась мне тихой и спокойной, пахнувшей воском, тихо жужжащей наподобие комара, что кружил вокруг моего носа, и немного сонной или умиротворённой. Тикали часы с гирей, тренькала музыка в магнитофоне, Щучкин внимательно разглядывал настенный календарь за прошлый год. На столе стоял чайник с цветочками, банка с сахарным песком и пепельница в форме чашки с синим ободочком. Вдалеке, километров за сто, большой город жил своей обычной жизнью, шумел и светился неоном. Где-то протявкала собака. По Гринвичу сейчас утро, почему-то подумал я и прижался щекой к прохладной поверхности стола.

– Спать ложишься? – спросил Щучкин и почесал нос. Я глубоко вдохнул пропахший запахами летней ночи воздух и медленно выдохнул, сложив губы трубочкой. Тихий блюз поплыл под потолком, растёкся по стене, спустился...

7. Столовое серебро

– Мать. – сказал глава дома и засунул в рот палец, выковыривая из зуба кусок мяса. – А где наше столовое серебро?

Я уткнулся носом в тарелку с супом.

Располневшая женщина, лет пятидесяти, моя мать пропела:

– Ты же знаешь: в комоде, в правом ящике, в коробке из-под твоих прошлогодних ботинок, что с рубцами на подошве.

Нету там. – брякнул отец.

Каа-к? – пропела моя мать.

А так. – голос отца посуровел. – Стащил кто-то.

Я шмыгнул носом и признался во всём.

Сынок. Разве ты пьёшь водку? – снова пропела располневшая женщина. До неё ещё не дошёл смысл сказанного мной. Отец мой всегда был сообразительнее. Удар пришёлся мне точно в левое ухо. Я упал с табуретки и прижался горячей щекой к влажному полу. Подбежал Шарик, наша собака, и лизнул меня в нос.

Умереть бы. – подумал я с тоской и икнул.

8. Понимание

Я-то тебя понимаю. А вот поймут ли нас люди?

Какие такие люди?

– Те самые, что стоят за твоей спиной.

Я обернулся:

– Нет там никого.

– Будут. - убеждённо произнёс он и начал крутить телефонный диск.

9. Молчание

Он промолчал.

– Что ты молчишь? – спросил я.

Он вздрогнул и посмотрел на меня тусклым взглядом.

– Так какое твое мнение по этому вопросу?

Он закрыл глаза и опустил голову.

– Ты что, отвечать не хочешь? Да? – заорал я.

Он побледнел и повалился на пол. Его стошнило.

10. Грань

Я осторожно провёл рукой – острая, как бритва.

– Ты что! – Щучкин тупо уставился на меня. – Чего ты рукой по воздуху водишь?

– Грань это.

– Чего-о?

– Грань, говорю. Между Добром и Злом.

Он подошёл и махнул пальцем в воздухе:

– А, чёрт!

– Порезался?

– Предупредить не мог? – он встал по другую сторону, засунув палец в рот, и спросил:

– Здесь что: Добро или Зло?

– Сам никак не пойму, где что.

– Дурак потому что. – Щучкин смачно сплюнул на пол.

Я внимательно посмотрел на него.

– Давай поменяемся местами.

– Во! – он показал мне кулак.

– Чего ты злишься? Поменяемся местами и узнаем где Добро, а где Зло.

– Будешь тут пиццать еще! – и он с размаху заехал мне ногой живот.

Падая я успел заметить его расплывшуюся в ухмылке рожу.

26 июля 1971 года, понедельник. Таболово

11. Этюд просто так

Ночь была тёплая. Светила луна. Стрекотали кузнечики.

Бог мой! – подумал я.

– Мечтаешь? – подсел ко мне Малоознакомый Гражданин.

– Может быть нам пройтись перед сном? – предложил я и встал с кровати.

Мы вышли за околицу в ночную свежесть, оба подтянутые, интеллигентно одетые, выбритые и задумчивые. Дорога плавно скользила меж распластанным по холмам полей и лугов, спускалась в овраги, взлетала на подъёме, едва не отрываясь от земли, и снова плыла, слегка покачиваясь по горизонтали.

Разговор не клеился, я сел на обочину и махнул рукой: ступай, мол, с богом! Он постоял, поковырял землю носком ботинка, засмутился и исчез в темноте.

Я сидел на краю дороги, смотрел в придорожную пыль и на душе у меня мурлыкали кошки, спрятав коготки и свернувшись клубком. Я дождался, пока они совсем успокоятся, и быстрым движением выбросил их вон, в канаву. Они замяукали протяжно и сиротливо и утонули в луже. Я вздохнул облегчённо, свесил руки с колен до самой земли, опустил голову на грудь и задремал. Ноги и руки мои начали неметь, и я сидел в неподвижности, медленно срастаясь с глинистой почвой, пропылённой травой, разными щепками и соломинками. Я почувствовал себя придорожной корягой, причудливой, заросшей мохом, вросшей в землю. Подо мной муравьи сложили свой дом и отложили крупные белые яички. По рукам ползла гусеница, извиваясь медленно и перебирая ножками.

... Утром меня выкорчевали...

27 июля 1971 года, вторник. Таболово

12. Второй этюд просто так: Английская замочная скважина

– Я пошёл пить свой чай. – сказал я громко и хлопнул дверью.

Пошагав в прихожей некоторое время, я на цыпочках подкрался к замочной скважине и стал слушать.

– Тупой же он, – сказала миссис Вентконд и я представил себе, как она вся изогнулась в кресле при этих словах.

– Тупой и, кажется, немного сумасшедший. Как вы считаете мистер Уайтвик?

59. Тексты в августе 1971 года

- 1). *Сегодня я болен.*
- 2). *стишки Из «Таболово-71»*
- 3). *стишки СВОБОДНЫЕ ТЕЧЕНИЯ*
- 4). *Не стучите в барабан, господа!*
- 5). *стишки В ПРЕДДВЕРИИ*
- 6). *Состояние такое, как будто*

17 августа 1971 года

- 1) *Сегодня я болен.*

Сегодня я болен. У меня небольшая температура. Голова немного тяжеловата. Настроение у меня сейчас редкое, оно случается совсем не часто и имеет, как я думаю, немаловажное значение для меня. Настроение это не плохо и не хорошо; оно просто странно. Моё настроение напоминает мне детство и вызывает мысли о смерти. Я совсем неожиданно, вдруг, начинаю чувствовать единство, цельность и печальную конечность моей прошедшей и будущей жизни. Как будто я стою в одиночестве на вершине холма, слева от меня полого спускается склон моей прошлой жизни, а справа – будущей жизни. Сам же я смотрю куда-то в сторону. Облака. Солнце. Ветер. Запахи. Зелень... И удивительно отчётливое, невыносимо печальное ощущение ограниченности, конечности этого мира, ЗА которым нет совсем НИЧЕГО.

Чувство одиночества, заброшенности, конечности собственного существования, неожиданным образом разделяет все картинки моей прошедшей и теперешней жизни; одни из них вдруг становятся невыносимо близкими и родными мне, а другие вдруг утрачивают для меня всякий интерес и делаются какими-то бесцветными и серыми. И та линия разграничения, которая возникает при таком моём настроении, никогда не возникает в других случаях и вообще я бы сильно затруднился ответить, почему эта линия ведёт себя так, а не иначе.

В этом состоянии мой рационализм куда-то улетучивается, и в отношении к людям выступают только чувства и привязанности. И тогда оценки этих людей подчас сильно смещаются: одни становятся мне ближе, а другие дальше. То же самое касается не только людей, но и планов, идей, воспоминаний. Я вдруг понимаю, что никогда не

увиджу, например, Бразилию, никогда не прочитаю такую-то книгу, никогда не познакомлюсь с таким-то человеком, никогда не доживу до такого-то года...

И меняется отношение к тому, что я уже имею. Возникает боязнь потерять что-то дорогое для меня. И уже не хочется, чтобы «всё проходило». И становится понятна необратимость времени. И хочется собрать у своей кровати близких людей и увидеть их и попрощаться с ними. До завтрашнего дня, потому что сегодня уже умирает. И я сегодняшний умираю вместе с ним.

...Сегодня уезжает Кадрия. На месяц. И я обязательно должен её увидеть сегодня. Очень некстати я заболел. Я люблю Кадрию. А ведь через год она уедет уже не на месяц. Это значит, что мы расстанемся навсегда. Фактически. Возможность встречи через несколько лет ничего не меняет. Что изменится в наших отношениях за год? Я боюсь этого года, потому что боюсь, что может настать такой момент, когда я уже не смогу расстаться с Кадриёй. Я не могу представить себе свои чувства, мысли и действия, если бы Кадрия уезжала не через год, а сейчас. Если и дальше будет продолжаться также, то мне придётся пересмотреть всё, что я думаю и хочу на этот счёт. Уже сейчас у меня возникает такой соблазн. Слишком похоже на правду то, что Кадрия – это тот самый единственный человек, который мне нужен. А если так, то я хочу быть с нею всегда, независимо от того нужно это или не нужно для меня. Если случится то, чего мы оба с нею избегаем, то... я не смогу оставить Кадрию, как она того будет требовать. Что будет, я не знаю. Почему так легко Гусеву, Букетову или Печковской и почему так трудно мне? Велик соблазн действовать так же легко. Может быть, именно это и нужно теперь? И другие мои мнения на этот счёт – ошибочны?

Даже Щучкину гораздо легче, чем мне. Он ищет человека, который был бы его единственным и на котором он женился бы. Он находит и разочаровывается. От этого ему, наверное, плохо. И всё-таки это лучше, чем вообще не ставить себе таких целей и налагать запрет на целый ряд лет в плане женитьбы. Ведь когда находишь человека и начинает казаться, что без него ты не сможешь жить, ты запрещаешь себе даже думать об этом человеке, как о будущем спутнике жизни (да простит мне господь бог это банальное выражение). Если бы я разрешил себе только это, не ставя никаких ограничений на то, когда это будущее наступит, мне было бы несравнимо легче. Кадрия улетела. Моё состояние? Хорошее. Почему? Потому что я видел, как она поднималась по трапу, как стояла на верхней ступеньке, как захлопнулся люк багажного

отделения, как бежали к самолёту опаздывающие, как вносили в салон бумажный пакет с матрицами «Правды», как убрали трап, как взвыл мотор тягача, как выруливал самолёт на стартовую площадку, как он бежал по дорожке, как отделились колёса шасси от земли, как растворился силуэт самолёта в серой туче. И я шёл обратной дорогой, той дорогой, по которой несколько минут назад мы шли вдвоем, но только в обратном направлении. И мне казалось, что прямо на меня всего в нескольких метрах идут двое: я и Кадрия. И всё время, пока я шёл к железнодорожной станции, навстречу мне двигалась Кадрия и держалась за руку человека, который был мной.

Я сидел на скамейке электрички и возвращался домой. А напротив меня сидела Кадрия, и она улыбалась, и был не вторник, а воскресенье, мы возвращались из похода. Под мелким дождём я бежал к остановке троллейбуса и рядом со мной, держась за мою руку, бежала Кадрия. Она смеялась. Я поднимался в троллейбус, и моя рука поднималась, потому что я помогал подняться Кадрие. Я сидел у окна троллейбуса и в стекле смотрел на отражение – это было лицо Кадрии. Я сошёл с троллейбуса на своей остановке и повернулся, чтобы подать руку Кадрие и помочь ей сойти.

Мне немного грустно. Но это хорошая грусть, потому что я люблю Кадрию.

У меня творческое настроение. Надо начать снова писать.

Я позвонил Печковской и болтал с нею по телефону. Мне стало очень скучно. Всё меньше и меньше связывает меня с Печковской и с Ириной, с Букетовым, с Гусевым и со всеми прочими остоповцами. Пожалуй, в Гусевым у нас будут ещё довольно длительные отношения, хотя и по нисходящей кривой развивающиеся (абсолютно точно сие неизвестно). Но все остальные остоповцы интересуют меня всё менее и менее. Почти совсем не интересуют, Печковская выходит замуж. Она говорила в трубку какие-то слова, и я не мог понять их смысл: «Мою пол. Вчера клеила обои. Передвигаем мебель. Одна проза. И немного лирики. На день заезжал Саша. А идей у меня нет. И не хочется». Всё понятно, отвечал я.

Щучкин жаловался на Гусева – «эгоист он» – говорит. «Я тоже эгоист». «Он особенно». Прав, конечно, Щучкин. Хотя и не в эгоизме дело. Изолируется Гусев. Собственными делами занимается: женщины, работа, остоповцы, статьи в газеты. Сузился горизонт. Нет у него желания глядеть шире и видеть глубже. Ни к чему ему это. Даже вредно – менять придётся установившийся образ жизни, привязанности и взгляды. Зачем? Разве так плохо? Вовсе нет. Вроде

бы всем, чем надо занимается человек. И женщины у него, и работа, и ... В общем, всё понятно.

Букетов женится. Окрутит его Ирина, жена то бишь его будущая. Стервозность в ней имеется. И грубее она его. И мельче. И доброты меньше. И ума – хитростью восполняется. Задатки у Букетова были. Теперь, надо думать, не будет. Серьёзное стал человек. Солиднее. Уже ж не шутит как раньше – шутит, да не так, с оглядкой какой-то. И вообще весь он стал «с оглядкой». Конечно, понять можно.

А ну их всех к дьяволу. Надо новых людей. Чтоб не всё понятно было...

18 августа 1971 года

2) *стишки Из «Таболово-71»*

Из «Таболово-71»:

«Скрещенье рук, скрещенье ног.
Судьбы скрещенье».
Сплетенье трав, сплетенье звёзд.
Паденье Кеба, Земли полёт.
Овалы глаз,
 как жерла пушек,
расчехлены.
Дыханья спутались, совпали
С тревожным ритмом чёрных струн.
Горячей бронзой
Тела, слились.
Удары гонга.
Рык зверей.
Предсмертный хрип.
Победный крик.
Звон тишины.
Безмолвье грома.
В тревожном ритме чёрных струн
Распалось время.
С последним стоком чёрных струн
Порвалась нить.
В безмолвном эхе чёрных струн
Они погибли...

3) *стишки СВОБОДНЫЕ ТЕЧЕНИЯ*

СВОБОДНЫЕ ТЕЧЕНИЯ

«Козёл бородатый
С осанкой осла,
Потомок Сократа,
Вместилище зла».

Писал я когда-то
Такие слова.
Я сам был, ребята,
Похож на осла.

A4 Теперь я умнее,
 Теперь я другой.
 Я каюсь в содеянном
 Ранее мной.

A3 И я отрекаюсь
 От всяких святынь.
 Сегодня прощанье
 Горчит, как полынь.

A1 В обитый железом
 Дубовый сундук
 Я спрятал надежды
 Таинственный стук.

A2 Чтоб больше не слышать
 Настойчивый зов.
 Захлопнул я крышку,
 Задвинул засов.

Всё возвращается к началу,
Всё приближаемся к концу.
Минуты каплями усталыми
Скользят у Бога по лицу.

В кругу извечного вращения

Миры находятся в плену.
Морской песок, хранитель Времени,
Забыл про быструю волну.

И не печальный не радостный
Мир изменить не в силах Бог.
Наш век подобен птице страусу,
Зарывши голову в песок.

Я не хочу
 о прошлом жалеть.
Я не хочу
 повернуть назад.
Я просто молчу –
 мне сегодня не петь,
Ещё ведь не завтра,
 уже не вчера.

B1 Ты не думай, что это шутка,
 Или просто больной мой бред.
 Мне осталось жить только сутки.
 А потом – меня больше нет.

B2 А потом – будет кто-то новый.
 Будет так же кричать и петь,
 Всё, конечно, начнётся снова.
 Но вот только меня больше нет.

B5 Ты не бойся – всё это не страшно.
 Так устроен уж этот свет.
 Ты не плачь обо мне напрасно,
 Что с того, что меня больше нет?

B3 Утром пряча лицо в твои волосы
 Будет плакать другой человек.
 Он с моими руками, и голосом,
 Но не я – ведь меня больше нет.

B4 Эту ночь пережить не дано мне,
 Я умру на твоей руке.
 Завтра я буду кем-то новым,
 Значит, завтра меня больше нет.

- A5 И я ухожу,
 Не гляжу назад.
 Все, чем дорожу,
 Оставляю вчера.
- A6 Но завтра, как прежде,
 Я знаю, найду
 С последней надеждой
 Дубовый сундук.
- A7 Его я открою
 И буду опять
 Весну за весной
 Невозможного ждать.
- A8 Но это лишь будет
 Потом, а пока,
 Пока я свободен
 И счастлив пока.
- Я не хочу жалеть о прошлом,
 Я не хочу идти назад.
 И я молчу – сегодня ночью
 Не завтра, но и не вчера.

4) Не стучите в барабан, господа!

Не стучите в барабан, господа! Не делайте вид, будто вам понятен мой замысел. Не приставайте ко мне с вопросами. И вообще, оставьте меня в покое, наконец!

Я ухожу. Прощайте, прощайте. Не надо понимать мои слова буквально – я теперь буду немного скрытен. Устал я, видите ли. Устал раскладывать перед вами свою душу, свои идеи и свои замыслы. У меня теперь будет своя маленькая, но хорошая тайная лаборатория. «Посторонним вход воспрещён!» Посторонние – это все вы, господа, каждый из вас, все, кроме меня самого. В лабораторной тиши я буду ставить маленькие опыты жизни и размышлений. А всё вместе это будет один большой эксперимент творчества.

Ну да ладно! Хватит на прощание всяких прочувствованных слов. Всего хорошего, господа! Я ухожу в себя.

19 августа 1971 года

5) *стишки В ПРЕДДВЕРИИ*

СЕГОДНЯ Я ОТКРЫВАЮ НОВЫЙ ЦИКЛ «ДНЕВНИКА РАЗМЫШЛЕНИЙ»
ПОД НАЗВАНИЕМ « В П Р Е Д Д В Е Р И И »

Вверх-вниз, вверх-вниз.
Ритм музыки.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Рука с сигаретой.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Жизнь – это маятник.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Начало, середина и конец.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Начало – всегда банально.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
За небанальным началом не следует никакой середины.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Люди боятся небанальных начал.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Середина – глупа и наивна.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Потому что люди не хотят конца.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Конец – единственно трезв и справедлив.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Но всегда неприятен, потому что конец.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Как сделать конец началом? Это вопрос.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Человек, который спрашивает, всегда прав.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Аннигиляция.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Когда встречаются два мира – они аннигилируют.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Очень красивый фейерверк.

Вверх-вниз, вверх-вниз.
Человек с долотом.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Высекает искры из сердец.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Не стучите по моему сердцу. Оно отсырело.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
И не мудрено – в такую слякотную погоду.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Подойди ко мне.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Почему у тебя такие глаза?
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Хорошо, закури. И мне дай тоже.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
А может, разденемся и ляжем в постель?
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Что есть истина?
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Не тянись так ко мне, я ещё не возбуждён.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Послушай, почему у тебя такие глаза?
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Хочешь вина?
Вверх-вниз, вверх-вниз.
А одиночества хочешь?
Вверх-вниз, вверх-вниз,
Хочу сесть на вершину холма, где греет солнце и ближе к богу.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Там чистый воздух и хорошие мысли.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
А ты скептик.
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Слушай музыку. Смычком по струнам моей души – нравится?
Вверх-вниз, вверх-вниз.
Чего же ты хочешь?
Вверх!
Бокал вина.
Вниз!
Встреча в транспорте.
Вверх!
Всё проходит.

Вниз!
Виток спирали.
Вверх!
Рука на бедре.
Вниз!
Глаза на снегу.
Вверх!
Ритм в крови.
Вниз!
Вниз!
Рука смелеет.
Вверх!
Инстинкт обречённого.
Вниз!
Взгляд в сторону.
Вверх!
Гром отчуждения.
Вниз!
Дым сигареты.
Вверх!
Здравствуй.
Вниз!
Прощай!
Вверх!
Здравствуй-прощай, здравствуй-прощай, здравствуй-прощай...
Вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз...
Жизнь – это маятник.
Вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз,
вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз...

б) Состояние такое, как будто

Состояние такое, как будто меня ударили пыльным мешком по голове. Тоска какая-то. Связано ли это только с Кадриёй? Потому ли, что она уехала, или потому, что я размышляю о женитьбе на ней? Или и то другое? Или ещё что-то и третье? Бог мой! До чего же неожиданно пришли ко мне мысли о семье. Вызвано ли это только внешними причинами: предстоящими свадьбами Печковской и Букетова, разговором с Катей, – или эти внешние причины и не причины вовсе, а только повод, толчок к тому, чтобы прорвалось в сознание давно скапливаемое в подсознании состояние? Нет в моей

голове почему-то ясности по этому поводу. И никак не могу понять: временная слабость это или действительно созревшее серьёзное и трезвое решение. Что такое это моё желание – случайность или неизбежность? Когда я вдруг начинаю думать о Кадрие, как о своей жене, когда я вообще начинаю думать о семье, а потом и о ребёнке, который ведь когда-нибудь появится, у меня возникает ощущение очень странное. Как будто я погружаюсь во что-то вязкое, неустойчивое, неясное и мысли мои какими-то бессознательными, нелогичными, вообще вздорными становятся.

Слишком уж я был всю дорогу настроен на совсем другую волну и мыслил всегда совсем в другой плоскости. И ведь главное в этой другой плоскости тоже была своя концепция семьи, брака и детей. Но там это всё было как-то иначе и, главное, – позже ожидалась такая вещь, как брак.

Однако если мыслить глубже, то есть что-то и третье. Вступаю я в какую-то совсем особую полосу жизни моей. И никак не разберусь что к чему. С писаниной моей тоже какие-то странные вещи происходят. С одной стороны, пишу я часто и много могу писать. Три недели не писал, а вот четыре дня назад сел и с тех пор пишу по 2-3 страницы в день. И слова ложатся на бумагу естественно и легко. Но ведь с другой-то стороны, это же не литература. Есть, конечно, и какие-то мысли и ощущения в смысле чего-то серьёзного. Но, чёрт подери, ясности мышления нет, как в тумане всё!

Возьмём проблему кадров. Чувствую, что надо что-то делать и делать серьёзно и масштабно. Более того, делаю уже! И опять-таки всё это как в тумане. Сквозь всё это просвечивает невыносимо бледный свет безразличия. Очень это странное безразличие! Первый раз такое встречаю. Ведь когда тебе всё равно, ты ведь спокоен, правда? А я – как бы не так! Наоборот совсем – неспокоен, ищу чего-то, пытаюсь чего-то. Ну ладно, значит, нет безразличия – ищу, пытаюсь, экспериментирую, мыслю, творю. Стало быть, легко должно быть и радостно от такой жизни – всегда так было. Ан нет! Раньше было – а сейчас как во сне каком. Ведь во сне всегда всё чуть-чуть безразлично, как будто знаешь, что ведь сон это только.

60. Тексты 28 сентября 1971 года

- 1) ДЕНЬ ПЕРВЫЙ — ДЕНЬ ИНТУИТИВНОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ
- 2) О ВЛИЯНИИ ЧАЯ НА СТРУКТУРУ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА
- 3) ТЕОРИЯ ОДЕРЖАНИЯ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ БОКОНОНА.
- 4) К ВОПРОСУ О ПРИСТРАСТИИ БОКОНОНА К ЧАЮ И ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО НАПИТКА В ОРГАНИЗАЦИИ ВИН-ДИТОВ.
- 5) ПОЧЕМУ БОКОНИСТСКОЕ «ДЕЛА, ДЕЛА...» В СЛУЧАЕ ОПИСАНИЯ СМЕРТИ МОДИФИЦИРУЕТСЯ КАК «ТАКИЕ ДЕЛА»?
- 6) БОКОНИСТСКОЕ УЧЕНИЕ О ВРЕМЕНИ ИЗЛОЖЕНО В «БОЙНЕ №5».
- 7) СВЯЗЬ ТЕОРИИ РАЦИОНАЛИЗМА И УЧЕНИЯ БОКОНОНА
- 8) САМ СЕБЯ КОНСТРУИРУЮЩИЙ ПУТЬ.
- 9) Литература:
- 10) НАША ИДЕОЛОГИЯ базируется на трёх китах:
- 11) « ТИХО, ТИХО ПОЛЗИ, УЛИТКА,
- 12) Высшая инстанция дела нашего – ЦЕНТР.

1. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ — ДЕНЬ ИНТУИТИВНОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ

В середине дня он сидел за столом и делал Своё Дело. За окном ревела, завывала, всхлипывала и хохотала Деревня. Он мысленно противопоставлял себя деревенским жителям, анализировал свои отношения с Деревней и пытался постичь иррациональную суть мира в его диалектическом развитии. На душе у него было смутно и тревожно. Мыслям недоставало яркости и отточенности прозрения. Вещи, его окружавшие, были неудобны и злонамеренны. Они олицетворяли.

Тогда он закурил сигарету.

2. О ВЛИЯНИИ ЧАЯ НА СТРУКТУРУ ТЕКУЩЕГО МОМЕНТА

Превосходнейшая вещь - чай с яблоками! Выпив кружку такого чая, нужно снова долить кружку доверху и в ожидании, пока чай несколько поостынет, выкурить хорошую сигарету с фильтром. Это замечательное средство для улучшения структуры текущего момента.

Возникает приятная иллюзия ясности мысли (хотя самих мыслей может не быть вовсе). Повышается быстрота реакции и оживляется речь (даже если говорить всё равно нечего). Человек начинает чувствовать себя интеллектуалом и ему кажется, что изначальный смысл Бытия уже проглядывается в лёгкой дымке (такого быть, конечно, на самом деле не может, потому что всякий, кто думает, что ему понятны дела рук Господних, - глупец).

Отчего это синие птицы с золотыми волосами не любят чай? - подумал он.

3. ТЕОРИЯ ОДЕРЖАНИЯ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ БОКОНОНА.

Будет разработана, когда у меня в руках будет «Улитка на склоне».

4. К ВОПРОСУ О ПРИСТРАСТИИ БОКОНОНА К ЧАЮ И ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО НАПИТКА В ОРГАНИЗАЦИИ ВИН-ДИТОВ.

5. ПОЧЕМУ БОКОНИСТСКОЕ «ДЕЛА, ДЕЛА...» В СЛУЧАЕ ОПИСАНИЯ СМЕРТИ МОДИФИЦИРУЕТСЯ КАК «ТАКИЕ ДЕЛА»?

6. БОКОНИСТСКОЕ УЧЕНИЕ О ВРЕМЕНИ ИЗЛОЖЕНО В «БОЙНЕ №5».

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ БОКОНИСТОВ

7. СВЯЗЬ ТЕОРИИ РАЦИОНАЛИЗМА И УЧЕНИЯ БОКОНОНА

8. САМ СЕБЯ КОНСТРУИРУЮЩИЙ ПУТЬ.

Конечная цель этого пути – КАРАСС. Этапы пути – гранфаллоны.

9. Литература:

«Колыбель для кошки». Курт Воннегут.

«Бойня №5». Курт Воннегут.

«Улитка на склоне». Арк. и Б. Стругацкие.

«Взгляд в перспективу». Материалы ТЕРА.

Дополнительная литература:

«Наука логики». Гегель.

«Чай». В.В.Похлёбкин.

Документы ОСТАП.

.....

10. НАША ИДЕОЛОГИЯ базируется на трёх китах:

кит №1: Учение Боконона, излагаемое в романе Курта Воннегута
«Колыбель для кошки».

кит №2: Теория Рационализма, разработанная в программных
документах операции ТЕРА.

кит №3: Философское содержание романа Арк. и Б. Стругацких
«Улитка на склоне».

11. « ТИХО, ТИХО ПОЛЗИ, УЛИТКА,
ПО СКЛОНУ ФУДЗИ
ВВЕРХ ДО САМЫХ ВЫСОТ. «
ИССА, сын крестьянина.

«Улитка на склоне» - это точное определение положения каждого из нас в отдельности и всех нас вместе взятых в этом мире. Это определение пессимистично. По неколебимым законам Боконизма лишь констатация безнадёжности ситуации может служить отправной точкой в движении. Никогда и нигде оптимизм не служил основанием для надежд.

Мы - группа улиток у подножия Фудзи, наивно полагающих, что им удастся добраться до самых высот и мечтающих об этом.

Наш путь будет трудным и неоднозначным. Это будет сам себя конструирующий путь. Этот путь никогда не будет завершён и мы никогда не достигнем своей цели, разве что на Небесах. Наша цель - это наш карасс. Мы будем идти через трупы отслуживших свой век гранфаллонов.

Наша религия – боконизм. Она внушает нам веру и здравый смысл. Мы следуем Теории Рационализма. Она помогает нам оставаться эгоистами в общем деле и следовать велениям разума более, нежели велениям неразумным. Всегда и везде мы будем исходить лишь из своих собственных интересов. Никогда мы не станем претендовать на истину в конечной инстанции. Ни в каком деле мы не будем фанатиками.

Мы будем точно знать, что у каждой медали есть обратная сторона. Мы никогда не возжелаем переустройства мира. Мы не станем доискиваться причин для того, чтобы изменить мир к лучшему. Потому что мы будем помнить о за-ма-ки-бо и о том, что всё происходит потому, что такова структура данного момента.

Но мы не можем претендовать на понимание дел рук господних. Поэтому мы будем стремиться достигнуть самых высот. Мы объединим свои усилия в этом безнадёжном предприятии.

12. Высшая инстанция дела нашего – ЦЕНТР.

Где находится Центр и чем он занимается понять трудно. Деятельность его покрыта мраком. Но везде и всюду чувствуется влияние Центра. Между центром и остальными инстанциями никакой явной связи не существует, но время от времени появляются Указания Центра. Соблюдение этих Указаний строго обязательно, однако подчас бывает совершенно невозможно дать им однозначное толкование. Поэтому появляется много разных Толкований, на основе которых и строится деятельность остальных инстанций. Толкования эти часто взаимно противоречат и нужны большое умение и изворотливость, чтобы следовать Толкованиям. Впрочем, иногда Центр сам указывает на справедливость или ложность тех или иных Толкований в специальных Разъяснениях.

Поскольку в настоящее время существует Деревня, то имеется особое Управление по делам Деревни. Деятельность Управления в отличии от деятельности Центра всегда конкретна и понятна. Управление ведает всеми деревенскими делами, разрешает все споры между жителями Деревни, организует Сходки жителей, разрабатывает программы жизни Деревни и реализует эти программы и т.д. Однако стратегические цели Управления никому неизвестны, потому что они восходят к Центру. Поэтому иногда те или иные действия Управления остаются непонятными для жителей

Деревни и они могут судить об этих действиях лишь по их последствиям для деревенской жизни.

Работа и Центра и Управления происходит по Программе Одержания. Неизвестно, что такое Одержание. Тем не менее между Одержанием Центра и Одержанием Управления имеется определённая связь, так же как и определённые различия. В зависимости от ситуации Одержание называется также Удержанием, Воздержанием, Поддержанием или Задержанием. Зависимость эта неясна. Одержание следует отличать от Недержания. Судя по всему, Одержание – это хорошо, а Недержание – плохо. Но иногда встречается нехорошее Одержание и полезное Недержание. Программа Одержания хранится в строгом секрете и точно неизвестно, существует ли она вообще в явном виде. Тем не менее в Указаниях и Разъяснениях Центра с одной стороны, и в Директивах и Решениях Управления, с другой стороны, часто имеются ссылки на Программу Одержания и иногда цитируются даже целые куски текста Программы.

Сходки жителей Деревни происходят как по Решению Управления, так и стихийно. В последнем случае Решение поступает от Управления после Сходки. На Сходках жители Деревни общаются между собой. Конечная цель Общения изложена в Программе Одержания. Отдельные стороны порядка проведения и назначения Сходок освещены в Директивах Управления и Указаниях и Разъяснениях Центра. Вообще говоря, при внимательном наблюдении между Общением и Одержанием можно усмотреть некоторую связь. Так например, часто говорят, что происходит Общение в целях Одержания. Общение в некоторых случаях приводит к Слиянию. Слияние как таковое не равнозначно Одержанию, но представляет собой более решительный шаг к Одержанию, чем простое Общение. Следует, однако, отметить, что довольно часто встречаются Нежелательное Общение и, соответственно, Нежелательное Слияние. Они играют на руку Недержанию.

Жители Деревни неодинаковы по своему положению. Они могут занимать различные ячейки Иерархии. Каждая ячейка олицетворяет ту или иную Функцию. Житель может и не знать какую функцию он несёт. Иерархия поддерживается и контролируется Управлением. В одной ячейке Иерархии может находиться ограниченное число жителей, определяемое ёмкостью ячейки. Переход из одной ячейки в другую возможен, но всегда осуществляется в индивидуальном порядке, так как сопряжён с изменением Функции. В зависимости от структуры данного момента те

или иные ячейки Иерархии могут оказаться запретными, что фиксируется в специальной Директиве Управления.

Деревня имеет границы неправильной Формы и несколько размытые. На Периферии происходят разного рода периферийные процессы. Одним из таких процессов является постоянная текучка жителей Периферии. Каждый пришлый человек, попадающий в Деревню, в зависимости от своего Веса продвигается вглубь деревни на то или иное расстояние и оседает в своей ячейке. Там он может выстроить себе дом, завести огород или сад, держать домашний скот или птицу. Качество домов, их надёжность, прочность и размеры увеличиваются по мере продвижения вглубь деревни. На Периферии дома, как правило, ненадёжны и временны. Это объясняется тем, что жители Периферии вследствие постоянной периферийной текучки проживают в Деревне временно.

Вес жителя Деревни следует отличать от его Функции. Как правило, чем ближе человек живёт к Ратуше (здание, в котором располагается Управление), тем больше его вес и важнее функция. Однако могут быть и отклонения от этого правила. На самом деле близость жителя Деревни к Ратуше определяется таким параметром, как Ходкость. Ходкость определяется как частота появления жителя на Сходках или, точнее, как его активность в плане Общения. Вес и Функция определяют в этом смысле время проживания человека в Деревне. Житель с большим Весом или важной функцией даже и на Периферии может жить довольно долго, а житель с малым Весом и незначительной Функцией, конечно, может выстроить себе дом вблизи Ратуши (если у него высокая Ходкость), но маловероятно, что он будет жить в этом доме достаточно долго.

61. ПИСЬМА КАДРИЕ И ОБРАТНО

- 1) *Кадрия – Игорю. 24.08.71.*
- 2) *Игорь – Кадрие. 28.08.71.*
- 3) *стишки Игорь – Кадрие. 29.08.71.*
- 4) *Игорь – Кадрие. 02.09.71.*
- 5) 6) *Кадрия – Игорю. 07.09.71.*
- 6) *Кадрия – Игорю. 09.09.71.*

1) *Кадрия – Игорю. 24.08.71.*

Смотри лучше конец.

События начали развиваться, как только я изволила прибыть. Во-первых, самолёт прилетел в 10 часов. Это уже было неприятно. Ну, ладно, – бодро решила я – обойдусь. Приеду на место в 11. Бодро подхожу к водителю автобуса – и спрашиваю, где находится остановка автобуса на Кадиевку. А он мне так это спокойно отвечает, что сегодня я уже не уеду. Вот тут-то я решила поинтересоваться, сколько же мне ехать. Оказывается, около 70 км.

Можешь себе представить мои ощущения. И почему это я перед отъездом не поинтересовалась о расстоянии?! Но, увы...

И поплелась я к зданию аэропорта в предвкушении бессонной ночи на кресле. Тут ко мне прилепился какой-то мужик. Просто ему понравилось, как мы с тобой целовались. И это вызвало у него определённую реакцию. Говорю тебе, Бурдонов, что негоже такие вещи делать. Ведь ты не слушаешь. Короче, этот мужик тебе позавидовал. Он, конечно, ничего этого не говорил и держался вполне прилично, но это до меня дошло гораздо позже. В конечном счёте я избавилась от этого товарища.

Ну, вот. Всё то, что я написала, – написала днём, когда мы были на ставке, купались, загорали. Продолжить свой рассказ я, очевидно, не смогу. Мысли разбредаются... Сосредоточиться не могу... О том, как добирались, напишу потом или расскажу. Когда я приехала вчера из Луганска (Ворошиловградск), мне уже было не по себе. Это – когда я уже второй раз ездила туда с Касымом. Мне показалось – солнечный удар. О, какое здесь солнце! Я его ненавижу. У меня было ощущение,

что мои мозги кипят, трещат, плавятся и на них образуется хрустящая корка. Как же с коркой ходить-то?! Это солнце действует на меня как бормашина. Его лучи сверлят мне мозг. Домой, домой, – приказывает оно. Не кричит, не требует, а приказывает. Ярило-солнце. Вчера я вспомнила это его название. Господи, до чего же точно! И вообще, у меня было такое ощущение, что меня прокатили на стане, сквозь какие-то фантастические валки. Сейчас то же самое... Но почему же я объёмная? Видно... Уже не знаю, что видно. Мысли у меня путаются...

Сегодня выкупалась, не взирая на лёгкую простуду, потом пошла в баню с парной. Результат – 39⁰. Нет, сейчас, может быть, меньше. Касым меня лечит – мой троюродный брат. Он что-то медицинское кончал. И я, кажется, ему сильно нравлюсь. Очень милый мальчик. Но в своём доме... Увы... Кажется, мне стало легче. Видишь, какие разговоры завела. А сегодня вечером у меня в голове звенел: окулярі черевні, окулярі черевни. Их говорил милый маленький совёнок. Я очень хотела бы, чтобы ты здесь был, Игорь. У тебя бы была холодная рука. Ты бы положил её мне на лоб. Я люблю тебя. Ты не обращай внимания на ошибки и на этот бред. Просто мне легче, когда я разговариваю с тобой. Я люблю тебя. Мама нет, папы нет, тётки тоже нет – уехали в гости. Касым меня лечит, и Софка... Не могу я больше... До завтра, милый.

Ну, сегодня я совсем выздоровела. Те десять таблеток, которые я вчера выпила, помогли. Как у тебя дела, Бурдонов? Ты не болеешь? Всё нормально. Середину письма не читай лучше. Это всё в порядке бреда.

Ну, счастливо.

Можешь писать мне по адресу: Ворошиловградская обл., г. Кадиевка, пер. Интернациональный, д.7.

Лучше не пиши так, а пиши до востребования. Боюсь, что я уеду к этому времени, а ещё лучше домой: Казань-29, ул.Журналистов, д.5, кв.53.

Весьма возможно, что поеду через Москву.

Целую. Кадрия

2) Игорь – Кадрия. 28.08.71.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. НЕ ХОЧУ С ТОБОЙ РАССТАВАТЬСЯ. НИ СЕЙЧАС. НИ ЧЕРЕЗ ГОД. НИКОГДА. И НЕ МОГУ. БЕЗУМНО ТЕБЯ ЛЮБЛЮ. БУДЬ МОЕЙ ЖЕНОЙ, КАДРИЯ.

...Как долго ты не писала! Целых десять дней тебя нет рядом. Целых десять дней ты в моих мыслях. Как заноза, ей богу. И вытащить невозможно. И не хочется. Ты одна сидишь у меня в голове, а всё остальное, что пытается туда влезть – как заноза...

Почему ты всё время поёшь эту песню? Про гусей-лебедей, талую воду. Или это я её всё время напеваю про себя? Но тогда почему твоим голосом? И поётся эта песня без музыки, вместо музыки – стук колёс. Мы стоим в тамбуре электрички, ветер бьёт нам в лица и ты поёшь эту песню, а я смотрю на тебя и... натыкаюсь на людей в метро и спотыкаюсь на улице.

Надо написать о последних событиях, наверное. Много всяких событий. Я не болею. На работе дали тему для научной работы. Очень интересно, перспективно и много всего. Целую неделю, каждый день с 10-12 часов до конца рабочего дня гуляли по библиотекам. Шеф выдал нам на троих 15 чистых бланков увольнительных со своей подписью. Сегодня было собрание лаборатории. Ближайшие годы наша лаборатория будет делать математическое обеспечение одной машины. Меня подключили к одному товарищу. Такой аккуратный, в галстук, выглаженных брюках, Гладко выбрит, аккуратно подстрижен, в очках, с красивой папкой в руках. Но толковый мужик, кажется. Будем делать монитор. Чего это такое – понятия не имею. Навалил мне этот интеллигент целый воз литературы – теперь читать надо. Скучно это. Потом программы всякие писать, на машине работать. Не так это, чтобы уж очень интересно. Скоро нас, наверное, переселят в другую комнату – надоело сидеть в этом бабском коллективе. Курить – всю дорогу в коридор бегать.

Меня ударили пыльным мешком по голове. Я пытался сопротивляться, но это было совсем бесполезно. Мои жалкие возражения никто в расчёт принимать не стал, даже внимания не обратили. А просто вот так, ни с того ни с сего – бац по башке! Бумс! И отпустили на волю. А какая ж это воля, когда у тебя голова совсем чудная и ты ничего не соображаешь?! – Это произошло на второй или третий день после того, как ты улетела. И вот с тех пор я уже другой человек. Потому что не хочу с тобой расставаться. Потому что я люблю

тебя так, что немного голова кружится. Потому что я хочу быть твоим мужем и чтобы ты была моей женой. Бурдонов никогда не мог этого хотеть, я теперь и не Бурдонов вовсе. Или это тот прежний был не Бурдонов? Тогда правильно, что я его скинул с пьедестала. А вообще-то я ведь его и не трогал – он как-то сам собой исчез. А я вдруг родился сразу, в одно мгновение, и – шашь! – на пьедестал. И голова немного кружится – как мешком по голове хлопнули.

Ты это не читай про мешок и пьедестал. Это бред какой-то. Я тебе лучше расскажу, как мы позавчера пили чай, а вчера – вино и сегодня – опять чай, а завтра – пиво, а послезавтра – ещё раз чай. Наша гениальная идея о кругах людей, кажется, начинает воплощаться в жизнь (тьфу-тьфу! – чтоб не сглазить!). Но – всё по порядку.

Звоню я тут на днях Кате (помнишь эту милую историю?). Сам не понял, почему звоню, – так, стукнуло что-то. Встретились, поболтали приятно. Я ей про тебя рассказал, она сказала, что рада за меня. Мы, значит, решили поддерживать дружеский контакт. Ей кажется, что я понимаю в ней что-то такое, чего другие не понимают, и что в ней самое главное. А я хочу ввести её в наш круг. Как ты приедешь – я вас познакомлю. По-моему, вы можете понравиться друг другу. А может и нет.

Ну вот, значит, встретились мы и с ходу договорились собраться у Пети на чай. Собрались позавчера: я, Петя, Лиля, Саша (помнишь такой паренёк с мехмата заходил к Лёне, когда мы решали вопрос о Риге? Такой интеллигентный при галстукке) и Катя. Очень мило посидели. Петя Кате понравился, «хороший он человек» – говорит. Саша тоже – «хороший мальчик». А Лиля не очень – «недоброжелательна». Ну, вообще, Катя нам как-то ещё пригодится, хотя это человек и не нашего типа.

А вот Саша прямо-таки на удивление понравился Пете и Лиле. И мы его будем всячески к себе приобщать. Он, конечно, ещё в чём-то маленький – ему 20 лет, в МГУ он поступил в 15 лет. Вундеркиндом был и это наложило отпечаток. Целая система комплексов у него. Но он, безусловно, умён. Есть у него и здоровый скепсис и некоторая приятность в общении. Это – глина и наша задача – вылепить нечто интересное.

А вчера мы собрались в одном месте по случаю дня рождения Людки. Стукнуло ей 24 года. Хохма! – она в сентябре выходит замуж. Был вчера, этот мальчик – грузин Гиви. Всё время молчал: весь вечер, и утром тоже (мы оставались на ночь). Не произвёл он на нас

впечатления. Надо как-то восстановить Людку в нашем обществе, но без грузина. Так мы порешили (я, Петя и Лиля). Ещё вчера были: Витя (с мехмата, что в своё время принёс к Лёне бутылку «Кабинета»), Галя (с мехмата, теперь я с ней вместе работаю), Саша, Ляля (некая Петина знакомая), Женя Кац (я тебе о ней говорил) и, естественно, я, Петя и Лиля. Очень было забавно.

Сил нет никаких писать письмо. Время – полвторого ночи. Возбуждение невероятное (а ведь я ещё и не выспался в прошлую ночь). Я ведь письмо твоё сегодня вечером получил. (Как видишь – один стержень уже кончился). В голове у меня целые куски здоровенные, так что если всё написать – ещё листов 10 таких получится. И всё очень хочется написать. Ну я постараюсь быть лаконичным.

Боюсь я. Я вот уже вижу тебя своею женой. И грежу наяву. И как у нас своя квартира. Я прихожу с работы – и ты встречаешь меня. Или я сижу дома и вдруг вскакиваю и бегу к двери – это ты пришла. И как к нам приходят гости. Или, например, как ты приезжаешь в Москву и мы в тот же день идём в загс. И никто ничего не знает, а мы идём в кафе и упиваемся, а потом всю ночь шляемся по улицам. А потом копим деньги и через год (раньше!) организуем грандиозное веселье по случаю свадьбы. Или ещё чего-нибудь такое. И как мы выступаем с этой нашей затее с новыми людьми – вербуем в компаниях разных личностей (я – девочек, а ты – мальчиков и наоборот) и как они ошарашиваются, когда узнают, что мы – муж и жена. И как на свадьбе Лилька произносит тост, что вот, мол, говорила я им, доказывала на собственном опыте, а они – на тебе, такую глупость сморозили – поженились, как-то совсем я в них (они – это мы с тобой) разочаровалась, неприятно как-то даже, ну ничего, может разведутся. Так она говорит, а думает по-другому. И все гости – в трансе, а некоторые даже в панике (надо ж сказать такое). А мы эдак весело смеёмся и выпиваем троём... А то ещё решаю проблему, где нам жить. Мне-то ведь не хотелось бы Москву покидать. И не потому что работа тут – это дело десятое, и не потому что люблю этот суетной, шумный и бестолковый город, этот бешеный ритм, где «всё на нервах», а потому что не хочется терять таких ценных, незаменимых друзей, как Петя или Лилька. А тебе ведь, наверное, по работе лучше махнуть куда-нибудь во Владивосток. Впрочем, во Владивостоке есть институт кибернетики... Вот я всё это воображаю и размышляю и боюсь очень – вдруг ты скажешь «нет». Ты ведь как-то говорила, что не захочешь быть моей женой. Правда, это было давно. Но ведь ты согласишься, да? Я почему-то совсем уверен, что ты согласишься. Это,

наверное, слишком самоуверенно и даже нехорошо. Но ведь я тебя люблю совершенно безумно и как же я без тебя буду? Я не могу без тебя. Это же невозможно, чтоб мы расстались! О, чёрт... как я хочу тебя видеть...

Два часа ночи. Так можно писать до утра. Я говорил о тебе с Петей. И о том, что меня мешком по башке трахнули. Может быть, тебе неприятно, что я ему говорил? Но ведь он так хорошо к тебе относится. Он считает тебя «своей в доску», и во всех наших замечательных планах ты у него проходишь в самый узкий круг. Я опасался, что он, узнав о моём желании жениться на тебе, прочтёт мне отходную. Хотя это и не изменило бы совсем ничего, но мне было бы неприятно, потому что ведь мы всегда очень хорошо понимали друг друга. Ты знаешь, что он сказал? Он, конечно, сначала всячески оговаривал, что советы он никому не давал, не даёт и давать не собирается, а просто высказывает своё мнение, исходя из своего опыта и своего знания меня и, теперь уже, тебя. «Хорошо, – говорит, – конечно, быть «Алексеем Михайловичем Добротворским» в 60 лет (помнишь, я тебе говорил – из «Инверсора», авиаконструктор и циник-романтик, который считает, это всё определяется в этом мире исключительно «параметрами х..», и вообще человек приятный во всех отношениях и большой умница), это очень полезно и действует бодряще. Но совсем плохо стать им в 23 года. И я бы, говорит, в такой ситуации не стал бы разглядывать пятна на солнце (на всяком солнце есть пятна – моё добавление), плюнул бы на всё и пошёл бы напрямую... Тем более, что Кадрия – это ты лучше меня знаешь, человек исключительный. И потерять такого человека, это очень х..во». Вот так он почти дословно выражался.

2 часа 15 минут ночи. Валюсь с ног. Допишу письмо утром. Люблю тебя, Кадрия. Люблю тебя. Люблю, люблю. Люблю тебя, Кадрия, Кадрия, я тебя люблю, Люблю, Кадрия, тебя. Совсем уже засыпаю. Я не могу без тебя...

Утро уже. Утром я тебя тоже люблю. Ещё сильнее. Но повторяться не буду, сейчас вот вылезу из-под одеала (ибо я ещё в-под ним), оденусь, умоюсь, проглочу чего-нибудь и буду писать дальше.

Пишу дальше. Продолжу я, пожалуй, описание дня рождения Людки. Наша задача заключалась в том, чтобы заарканить Женю, Сашу и, возможно, Витю. Это всё в той или иной мере получилось. Особенно чётко Лилька окрутила Сашу. По её словам он кажется ей очень забавным. Так оно и есть. Жене очень понравилась Лилька. Это

ценно. По этому поводу сегодня вечером мы идём пить пиво вчетвером: я, Лиля, Женя, Саша.

Я лично, кажется, тоже имею у Жени определённый успех. Главное, чего я пытался достигнуть, – это заинтересовать её собой и через меня нашим кругом людей и втянуть её в этот круг. Это получается. Что касается наших с ней интимных отношений, то мы, разумеется, ночью спали вместе. Ничего, правда, не было, так как ей было нельзя и народу было много. Однако, в общем-то она вполне готова. А мне, честно говоря, что-то не очень хочется. Как-то это для меня совсем неактуально. В принципе трахнуть я её всегда успею и потом. Так что я действую только исходя из общественных интересов. Если бы у меня не было опасений, что она смоемся от нас, если я её оставляю, то я бы переключил её на кого-нибудь другого. Впрочем, так тоже можно. У неё кажется не горит и можно (проведя, быть может, один сеанс для ясности) перевести наши отношения в полупормальные – для чётности.

На Петю большое впечатление произвела эта самая новая девочка Галя. Его заело, что она находилась в отличии от остальных целиком вне его контроля. Короче говоря, вчера у Пети на неполном (тебя не было) заседании Организационного Комитета по Делу №26-81 (так мы называли нашу затею с новыми людьми; 26/VIII-71 - 1-ая «операция»), то есть я, Петя и Лилька, порешили сообразить Состав №1. Это будут: я; ты, когда приедешь; Петя; Лиля; Женя; Саша; Витя; Галя; Люда; и Эдик (есть у Пети и у меня один такой знакомый). Итого 10 человек. Собственно говоря, этот состав так или иначе уже существует. Ядро его – я, ты, Петя, Лиля, Люда – свои в доску; Эдик – тоже (ты с ним познакомишься – очень хороший и талантливый мальчик; он музыкант по склонности и пишет музыку, учится на психологическом факультете МГУ; очень скромный внутренне – на редкость). И Женя и Саша – на подходе. Витя в принципе подходит, втянуть только надо. Галя – это сложнее, но можно.

Идея в том, чтобы задать быстрый темп – всё время, постоянно собираться в этом составе целиком и в его частях. И тогда будет сплочённая группа, железный костяк. А там уж на подходе и Состав №2 и т.д. и т.п. Но, конечно, никаких парных демонстраций внутри этого Составы №1, то есть общие собрания – это когда все вместе и [не] пытаются смыться в тёмный угол. На стороне – сколько влезет! Когда специальный эксперимент или обработка новых кадров – тоже можно. Но необходима внутренняя дисциплина! Сплочение и Слияние в целях Одержания. Жаль нет тебя!

Сбегал за сигаретами. Не помню какой раз перечитываю твоё письмо. Спасибо тебе... Но правда ли, что ты уже выздоровела совсем? Или ты только бодришься? Напиши побыстрее! Я хочу быть рядом с тобой. А если моя рука будет недостаточно холодной – я её в холодильник суну, в заморозку. Я твоё письмо наизусть выучил, особенно середину. Хоть ты и пишешь, чтобы я не читал её. Всё равно буду читать!

Значит, говоришь, троюродный брат? А этот товарищ с самолёта тоже ничего? Хотя, конечно, в своём доме... Это я тебя ревновать пытаюсь. Только у меня ничего не получается. Представляю тебя очень хорошо. До галлюцинаций! И этих товарищей с тобой пытаюсь представить, но вместо них самого себя вижу. Может быть у меня воображения не хватает? А целовать я тебя всё равно буду! И на аэродроме. И в метро. И на улице. И в подъезде. И в толпе. Вообще буду вести себя очень неприлично! Так что ты приготовься, когда приедешь, надеть какое-нибудь платье, которое мять можно. А если ты не захочешь стать моей женой, я тебя выкраду, свяжу по рукам и ногам и увезу куда-нибудь. Так и знай! (Я, наверное, очень наглый, да? Это, наверное, нехорошо так тебя терроризировать. Ничего не могу с собой поделать – люблю тебя).

Такое письмо ни одна почта, наверное, не примет. Может бандеролью послать? Тогда можно ещё страниц десять написать. Нет, я лучше побольше марок наклею. А чего написать не успел – сегодня ночью продолжу в следующем письме. Я тебе каждый день писать буду. Ты не бойся – я повторяться не буду. Я тебя каждый день по-разному люблю. Очень буду ждать твоих писем! Пиши чаще!!!!!!!!!!!!

Письмо твоё шло ко мне 2 дня: штамп Кадиевки – 24 числа, штамп Москвы – 26. Получил я его, правда, 27-го. Я тебе пошлю это письмо по трём адресам: в Кадиевку на пер. Интернациональный; в Кадиевку до востребования и в Казань. Перепечатаю на машинке. Лучше бы, правда, от руки переписать, а то получится что-то вроде открытого письма в «Юность». Но я хочу побыстрее отправить письма.

Вот уже полтора часа сегодня пишу тебе (и два часа – перепечатаваю). Кончаю сейчас. До завтрашнего письма, милая.

КАДРИЯ, ЛЮБИМАЯ, БУДЬ МОЕЙ ЖЕНОЙ !

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ! ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, КАДРИЯ !

ЖДУ ТВОЕГО ОТВЕТА. ПИШИ ПОБЫСТРЕЕ – НЕ МУЧАЙ МЕНЯ.

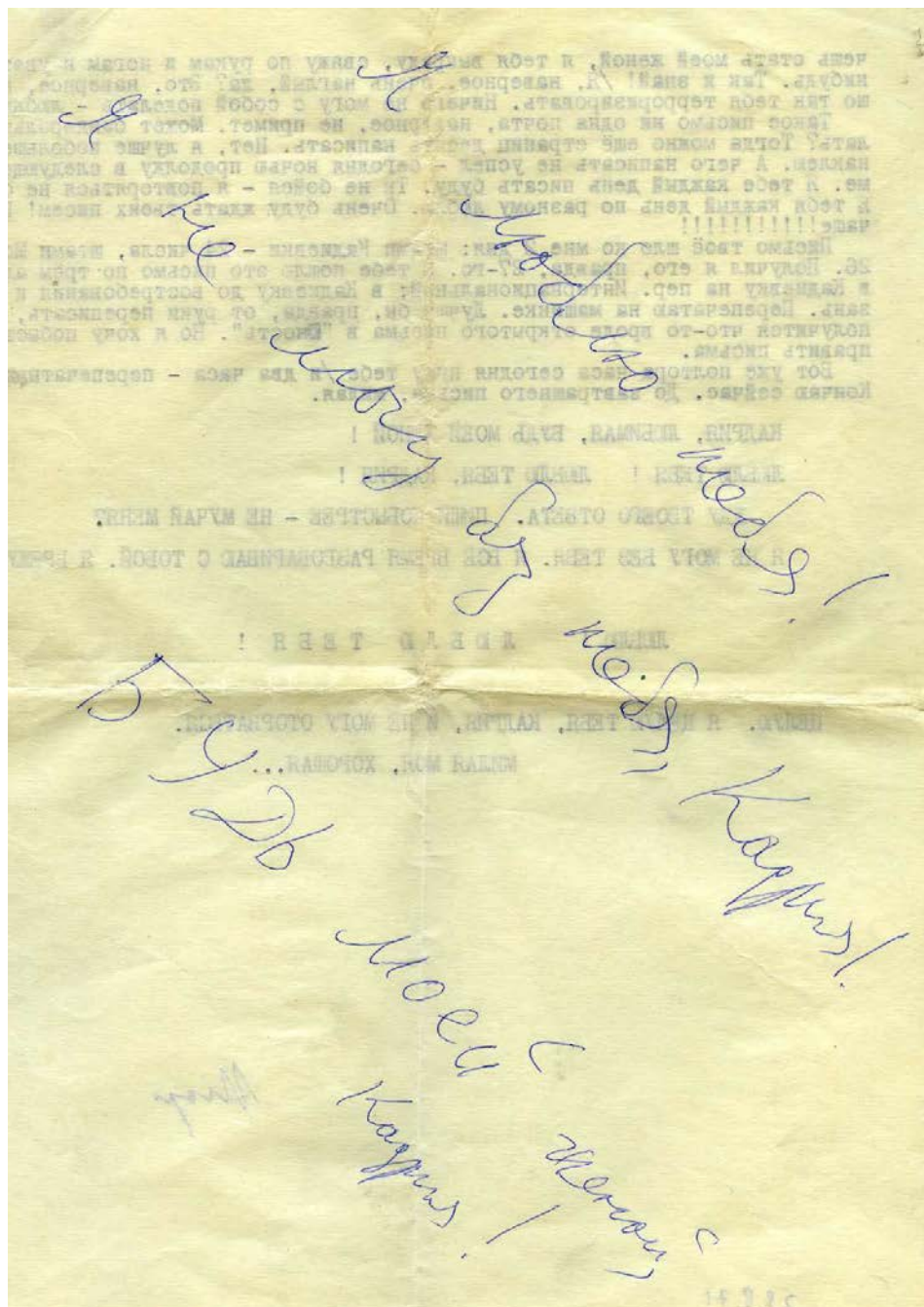
Я НЕ МОГУ БЕЗ ТЕБЯ. Я ВСЁ ВРЕМЯ РАЗГОВАРИВАЮ С ТОБОЙ. Я БРЕЖУ ТОБОЙ.

ЛЮБЛЮ ! ЛЮБЛЮ ТЕБЯ !

ЦЕЛЮЮ. Я ЦЕЛЮЮ ТЕБЯ, КАДРИЯ, И НЕ МОГУ ОТОРВАТЬСЯ.

МИЛАЯ МОЯ, ХОРОШАЯ...

Mozi



3) *стишки Игорь – Кадрие. 29.08.71.*

Наверное, я вчера накурился: голова в тумане. Вчера мы пили дрянное пиво на Пушкина, потом ели мороженое в «Московском» и травили анекдоты, а под конец пили чай у меня дома. Мы – это я, Лиля, Саша и Женя. Но всё это так...

Ничего не могу делать. Думаю только о тебе. Как было бы хорошо, если бы ты поехала в Казань через Москву! Если это будет так, обязательно позвони мне. Давал ли я тебе свой рабочий телефон: 1370014 доб. 5-35. Я бываю на работе с 8.30 до 17.30, обед 12-13.

Очень мне плохо без тебя. Помнишь, мы говорили о том, что наша разлука на этот месяц может быть полезна. Теперь иы видишь, что произошло. Я понял, что не могу без тебя, что ~~я должен~~ мы должны всегда быть вместе.

На улице – «уютный и холодный, сизый день». Ревут машины под окном, играет музыка. Через час я выхожу из дома. Немного тяжела голова, немного нервы не в порядке.

Немного сон,
Немного явь,
Немного хочется уйти,
Немного хочется вернуться.
Всего не много, понемногу, совсем чуть-чуть, совсем слегка.
Лечу в себя, бросаюсь внутрь,
Как в омут.
В этом дне холодном
Я растворяюсь, распадаюсь
На атомы,
На составные части, чтобы снова
Мучительно соединить в себе
Всю радость, боль, и страх, и дерзость.
Что такое разлука?
Это предчувствие тебя.
Предчувствие встречи, и смеха, и слёз...

Сегодня день непонятного предназначения.
У каждого дня нашей жизни
Есть свой смысл.

От первого дня – дня рождения человека
До последнего дня –
Дня смерти.
Какой смысл сегодня?
Есть дни, не имеющие смысла.
Это верстовые столбы –
Они отсчитывают километры и годы.
И только.

Не обращай внимания на этот бред. Просто у меня мысли совершают броуновское движение. Я теперь ничего не буду писать, кроме писем тебе. Поэтому это будут местами странные письма. В них я буду плакать, смеяться, бредить, пороть чушь, разглагольствовать. В них я буду говорить с тобой, Кадрия. И сам с собою тоже, потому что, разговаривая с тобой, я буду говорить с самим собой, а разговаривая с собой, я буду обращаться к тебе. Это очень просто объяснить – я люблю тебя.

Я заканчиваю письмо. Оно коротко. Завтра я напишу ещё. Через час и 15 минут будет 12 дней, как ты уехала.

Я жду твоих писем. Очень жду! Я жду ответа.

Я люблю тебя.

Целую.

Игорь

4) *Игорь – Кадрие. 02.09.71.*

Сию на работе. Тут с утра один тип позвонил по телефону и что-то говорил с одним из нас. А этот самый «один из нас» оказался сволочью и сказал, что, мол, «Кузнецов и Бурдонов согласны». И нам с Кузнецовым пришлось идти и целый час (!) убирать какой-то мусор с территории института. Сейчас 10.30, а в 13.30 ещё приедет самосвал, на который мы должны погрузить этот мусор. А два наших с мехмата, что пришли работать с 1-го сентября, стояли и издевались над нами. Правда, с пол второго нас обещали отпустить домой. Но это никоим образом не оправдывает «одного из нас». Он будет наказан!

Не успел тебе вчера письмо написать. На работе мы очень хорошо помыслили про клеточные автоматы и картинную логику. А вечером собирались у Маева. Были: я, Лиля, Люда, Саша, Женя, Маев и Галя. Петя, увы, не смог быть. Это, конечно, сильно подпортило вечер. Но в общем-то было не так уж плохо. Кое-что даже интересно. Женька вела себя как обычно: демонстративно флиртовала со мной, Сашей и Маевым. Это игра, разумеется, но не совсем. Кажется, она хочет меня. Уже всё обговорили, надо только место найти и время. Почему-то совсем это для меня неактуально. Ну об этом позже.

Очень забавная линия пошла между Женей и Людой. Кажется, они понравились друг другу. Очень было мило наблюдать, как они играли в лейсбос. Но всё это, тем не менее, не то, что надо в первую очередь. Мы с Лилей, когда провожали Галю до трамвая (она ушла раньше), решили, что пора прекратить всю эту сексуальную направленность. Во всяком случае, вывести её за рамки общих собраний. Этот тезис мы и высказали всей компании. Был проведён анкетный опрос. Мы перечислили шесть направлений, в которых могут происходить встречи:

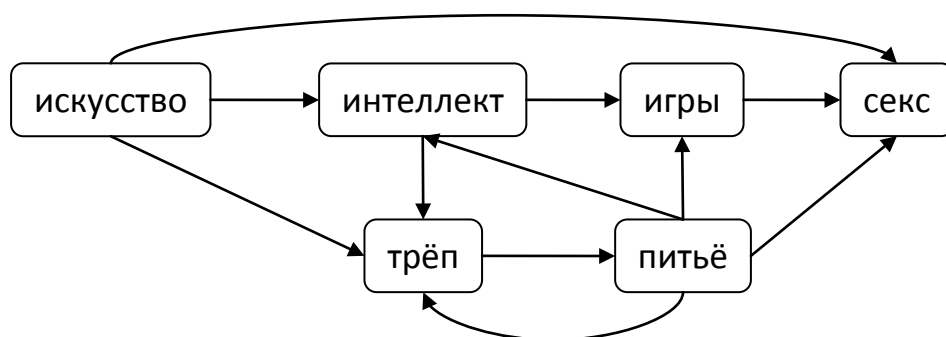
4. интеллектуальная
5. трёп (за исключением интеллектуального, то есть высокоинтересного, трёпа)
6. секс
7. игры (от «бутылочки» и т.п. до тестов, задачек и т.п.)
8. искусство (разговоры об искусстве + музыка, репродукции и т.д.)
9. питьё (от водки до чая)

Затем каждый оценил вс 6 направлений в баллах от 1 до 10. Результаты такие (по сумме):

I-ое место	– интеллект	(20%)
II-ое место	– игры	(20%)
III-е место	– трёп	(17%)
IV-ое место	– искусство	(15%)
V-ое место	– секс	(15%)
VI-ое место	– питьё	(13%)

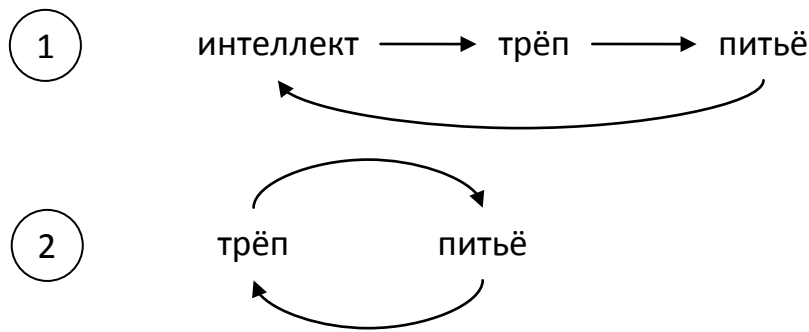
В расчёте на 20 встреч можно считать округлённо, что должно быть 4 встречи интеллектуальные, 4 для трёпа, 4 для игр, 3 для искусства, 3 для секса и 2 для питья. Здесь речь идёт о доминантном направлении, то есть интеллектуальная беседа за чаем относится не к питью, а к интеллекту.

Далее мы установили возможные и желательные переходы от одного направления к другому в течении одного вечера. Получился следующий граф:



Отсюда не следует, однако, что всё начинается в «искусстве» и кончается в «сексе». Но уж если дошло до секса, то переключиться на что-нибудь другое невозможно! Это закон природы, зов предков, инстинкт размножения и т.д. Глубоко прав был Пётр Короп (личность не историческая – это наш знакомый), когда требовал запретить категорически разбиение на пары в общих собраниях.

Точно также, начав не с искусства, перейти на него в дальнейшем уже невозможно. Интересно также, что если не остановиться на играх, то отних прямая дорога к сексу. А если не начинать с питья, то придти к нему можно лишь от трёпа. Имеются здесь и два контура:



В этих циклах можно вращаться до бесконечности.

Ты, конечно, понимаешь, что всё это не совсем так и много ошибок. Но сама идея интересна. Только разработать её надо в другом составе: я, ты, Петя и Лиля. Если тебе не лень, пришли мне твои ответы на эти вопросы. Мои, кстати, таковы: интеллект – 10, трёп – 8, секс – 7, игры – 6, искусство – 2, питьё – 1. Это не совсем точно, но в целом верно. (Могут быть исправления относительно трёпа – какой трёп! И относительно игр – какие игры!)

Чрезвычайно много сегодня всяких молодых специалистов понапришло в институт. Околачиваются по коридорам.

Тут мне Лиля интересное письмо прислала. Привожу текст полностью:

«До некоторых пор у меня не возникало сомнений относительно сил, связывающих наш карасс, ибо ничто им не противопоставлялось. Стало ясно, как глубоко прав был Марк Гильштей (личность не историческая; этой мой знакомый) насчёт того, что человек – животное парное.

В конечном итоге мы все приходим к стабилизации, к чётности. Одновременный (за определённый период) приход большинства хотя бы единиц к такому положению повлияет каким-то образом на систему в целом.

История общества – вещь печальная, а её делали женатые люди, и в своих целях. Каковы они (цели)? В какой степени они связаны с общением внешнего порядка? Какими будут наши более или менее парные уик-энды за чашкой чая? Какой эффект даст период общей акклиматизации? И каким он будет (период)?»

Чувствуешь? И ещё устно она мне выдала насчёт того, каково же будет взаимодействие Семейного Духа и духа Общественного?

Что мы ответим, Кадрия?

Я полагаю, что надо раз и навсегда положить конец подобным сомнениям и подозрениям. Никакого «противопоставления» и

«борьбы Духов» быть не может и не должно. Но для начала можно подискутировать, обменяться мнениями, расставить точки над «и» (чтоб «й» получилось, как выражается Лиля) и на том закрыть тему.

Петя прочитал Лилькино письмо, сказал, что всё это чушь и посоветовал «раздолбать эту концепцию».

Продолжаю писать письмо в четверг, 2 сентября. Вчера нас гнусно обманули: не отпустили после загрузки самосвала. Между начальством возникли разногласия: один утверждал, что нам можно уйти домой, а другой утверждал обратное. Вчера нам выдали деньги, я заехал в Дом Коммуны, не опоздал – там до 6 вечера работают. Сегодня я туда ещё раз заеду и заплачу за общежитие.

Сегодня с утра опять разругался с матерью. По поводу денег. Если бы у меня было в кармане рублей 200, я бы хоть сейчас ушёл из дому. Пожил бы у кого-нибудь из знакомых, а потом сняли бы мы квартиру. Никак не могу поймать мать в более менее нормальном состоянии, чтобы сказать ей о нашем с тобой решении. Скажу в ближайшие дни.

Кадрия, как у тебя дела? Как твои «переговоры» с родителями?

Я постепенно начинаю говорить об этом знаменательном предстоящем событии разным людям. Наблюдаю их реакции. Подчас бывает весьма забавно.

Очень хочу тебя видеть, Кадрия. Очень люблю тебя. Очень не хватает тебя.

Я сегодня не выспался – сидел у Пети до часа ночи. Мы с ним придумывали замечательные тесты, самые разные. Будем проверять их на людях Составы №1 и других.

Закончу я сейчас письмо. И начну писать следующее. Жду твоих писем.

Целую. Люблю тебя.

Игорь

За общежитие я заплатил.

5) *Кадрия – Игорю. 07.09.71.*

Ты, наверное, думаешь, что я письмо написала, а оно задержалось где-нибудь? А я только сейчас пишу. Хочу я задать тебе два вопроса.

Вопрос № 1. Ты ещё не передумал?

Вопрос № 2. Если не передумал, то говорил об этом с кем-нибудь (в частности, с мамой)?

Сейчас я объясню тебе суть своих вопросов.

Милый, ты постарайся воспринимать это не очень серьёзно.

Я, значит, прямо как только мы немного отъехали, объявила свою волю. Так говорю и так, – замуж собираюсь. Родители в ответ: «Давай, давай, мол». Всё это говорится с таким весёлым смехом. Чувствую – серьёзно не воспринимают.

Я опять с таким это серьёзным лицом говорю, что замуж собралась. Эффект тот же.

Два дня в различных интонациях и вариациях мне пришлось говорить об этом, пока они не поверили. Теперь уже верят.

Дня два я к письму совсем не притрагивалась. Ты извини меня, пожалуйста. Никак я иногда не могу заставить себя сесть. Вот получила твой письмо. Обрадовалась страшно. Сама-то я люблю письма получать. Совесть меня заела.

Я сейчас продолжу о том, что было, когда они поверили.

«Я не буду говорить ни да, ни нет. Ухожу в кусты. Не хочу потом нести ответственность за свои советы. Одна надежда, что Игорь передумает, хотя бы на короткое время». А далее всякие мелочи, связанные с материальными вопросами, если я уж действительно так решила.

(Это мама)

«Ей надо институт кончать, а потом пусть делает всё, что угодно. А так ведь учёба может задержаться».

А через несколько дней. «Выходи, но только не раньше нового года». Вот не знаю, как он решился на последнее заявление.

(Эта папа)

«Давай, давай! Пусть выходит! Если она уж решила, вы думаете – наше мнение ей важно? На свадьбе хоть погуляем...»

(Мой брат)

В ответ на его реплики:

«Ты сиди и молчи. Жди, когда твой черёд настанет». Это, по всей вероятности, мама, потому что шум уже стоит невообразимый. Каждый гнёт свою линию. За столом сидит Полина (мамина подруга) и изредка повторяет, что это дело серьёзное. Вот хохма-то! Я еле смех сдерживаю. Не выдерживаю и говорю, что они к этому делу весьма серьёзно относятся. Что тут начинается! К таким вещам все родители, наверное, серьёзно относятся. Ну, бог с ними! Надоело мне это обсуждать. Дебаты, правда, продолжаются ежедневно.

Одна бабушка оказалась на высоте. Как не удивительно, но её взгляды более легко подвергаются изменениям. «Что, – говорит, – татарина не могла найти? Ну, да бог с тобой! Делай, что хочешь. Главное, чтобы алкоголиком не был». Хватит об этом.

Я не поняла, Игорь, на какие вопросы надо ответить. Может быть, что-то надо мне объяснить? Даже не то. Просто в каком духе на это надо отвечать, т.к. твои данные никакой ясности мне не дали.

А Лилькины сомнения, мне кажется, недостаточно обоснованы. Мы об этом поговорим потом, потому что меня опять отрывают, и я совсем не уверена, что опять смогу писать. Лучше я это письмо отправлю. Но вот насчёт данных сборищ она, наверное, права. С моей, пока ещё сторонней, точки зрения, если в дальнейшем будет так продолжаться, предприятие сие может потерпеть крах. Правда, я сама ещё всё это не видела. Может быть, я ошибаюсь?

Ты знаешь? Я уже успела соскучиться. Целую тебя. Очень надеюсь, что ты не ждёшь, пока я напишу, а уже написал.

Кадрия.

6) *Кадрия – Игорю. 09.09.71.*

Милый, не обижайся, пожалуйста, на меня. Я тысячу раз свинья! Сознаюсь в этом. У меня какое-то состояние дурацкое. Мне очень хочется тебя увидеть, но писать у меня почему-то не получается. Просто я устала от этих разговоров. Ты сам понимаешь, о чём эти разговоры. С этими разговорами я просыпаюсь, с ними засыпаю. Сегодня мне мама говорит, что она ещё держится, но типа того, что слёзы и истерика ещё впереди. Мучают-то ведь с хорошими целями, а от этого разве легче. Ты знаешь, я тоже понимаю, как тебе трудно. Тебе труднее, потому что у твоей мамы ещё предубеждение. Игорь, я постараюсь быть по отношению к ней максимально объективной и как можно хорошей. Я обязательно постараюсь. Ну, обо всех разговорах я тебе потом расскажу, когда приеду. Приеду я, наверное, числа 17, а может быть, 16 сентября. Теперь мне родители говорят, что я должна была их информировать в Москве, и мы бы поговорили. Короче говоря, они меня тоже очень любят и боятся за меня. Но в общем ничего. Всё нормально.

Сию я тут как-то на днях, музыку слушаюрасно. Очень забавное у меня было состояние. Оно очень странно менялось. Хотела я тебе всё это описать, но как только музыка кончилась, волшебство тоже кончилось. А писать и слушать мне не захотелось. А жаль! Очень странный образ у меня возник – образ музыки-змеи. Я чувствовала, что форма ощущений тоже очень своеобразна. Это было сочетание красок и внутреннего монолога. Это в общем-то была не я. Меня всегда поражала эта необыкновенная сила проникновения музыки. Представляешь, тебе внушает какие-то мысли и ощущения человек, которого давно уже нет. Если вдуматься, то даже страшно немного.

А то письмо какое-то ужасное было. Я думаю, что надо написать это, а пишу совсем другое и т.д. Большое тебе спасибо, кстати, за общежитие. Я уже дни считаю, когда в Москву приеду. Всекие разговоры по душам с мамой веду. Она говорит, что по ночам не спит, и нервы у неё на пределе. На прощание, я чувствую, слёзы ещё будут. В поход мы обязательно поедem, правда? Я его очень жду.

Ещё больше я тебя жду. У меня такое ощущение, как будто я тебя целый век не видела и ещё не увижу. Как у тебя там дела?

Ну, счастливо. Крепко целую.

Кадрия

